

Я. Г. РИЕР

**АГРАРНЫЙ МИР
ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ).**

Могилев - 2000

Могилевский государственный университет

Я.Г.Риер

**Аграрный мир
Восточной и Центральной Европы
в средние века
(по археологическим данным)**

Могилев 2000

Я.Г.РИЕР. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным).- Могилев. 2000.- 320стр., библ. 896 назв.

В монографии представлен сравнительный анализ аграрного развития средневековых славянских и германских земель лесной зоны Европы, отраженного преимущественно в археологических материалах. Сопоставлены характер расселения, топография и застройка сельских поселений, хозяйственное развитие, отдельные элементы повседневной жизни и мировоззрения, а также социальные процессы - переход от первобытности к сословному строю. Определены хронологические и типологические различия в восточно-, западнославянских и германских аграрных порядках, исследуются причины, определившие особенности и специфику их развития во втором тысячелетии.

Книга адресована археологам и историкам-медиевистам, студентам исторических факультетов высших учебных заведений, учителям истории.

Рекомендована к изданию редакционно-издательским советом Могилевского государственного университета.

Рецензент - доктор исторических наук, профессор **Г. В. Штыхов.**

Ответственный за выпуск - профессор **Я. Г. Риер.**

©Могилевский государственный университет.

©Я.Г.Риер.1999 г.

Памяти первых моих наставников в жизни и науке отца - **Григория Яковлевича** и преподавателя археологии - **Гавриила Иосифовича Ионе**, посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ.

Среди актуальных задач, стоящих перед исторической наукой, видное место принадлежит изучению становления европейских цивилизаций, которые на большей части континента формировались в эпоху средневековья. Основой жизни в средние века была, как известно, аграрная деятельность, потому история сельского населения и, прежде всего его наиболее многочисленной части - крестьянства предоставляет для изучения означенной проблемы особый интерес. Термин "крестьянство" автор применяет для обозначения того общественного слоя, чья основная деятельность была связана с сельским хозяйством. В особое сословие, противоположное прочим, этот слой оформился именно в средние века, в условиях феодального общества. Собственно, становление крестьянства и было обусловлено генезисом феодализма. Но обособление сельских производителей, вернее, отделение от общей массы тружеников и возвышение над ними отдельных, поначалу невыразительных и малочисленных социальных групп, началось еще на исходе первобытности. При таком подходе изучение генезиса крестьянства в Восточной и Центральной Европе следует начинать не позднее, чем с середины I тыс.н.э., а завершение процесса складывания крестьянского сословия надо отнести к концу I тыс.¹ Дальнейшая жизнь крестьян, их путь от свободы к различным формам зависимости, их интеграция в феодальные структуры происходила в первой половине II тыс.

Обе указанные ступени истории крестьянства мы и постараемся проследить настолько, насколько они отражаются в археологических источниках и исследованиях.

Параллельно с этими процессами происходило и структурирование выходящих из того же аграрного мира правящих верхов формирующегося феодального общества. Их становление и начальные этапы развития, отраженные в археологическом материале, также будут рассмотрены в предлагаемой книге.

Хронологический диапазон работы, охватывающий эпоху в целом тысячелетие, позволяет выйти за пределы локальных по длительности явлений, что, как отмечал Ф. Бродель, необходимо для понимания истории [37,с.127].

Территориальный охват исследования: восточно-, западнославянские и германские земли обусловлен необходимостью проследить становление разных цивилизационных моделей в сходных природных условиях².

¹ Подробнее об этом см. [133,с.13-16].

² О взглядах автора на проблемы цивилизаций см. [289].

Привлечение археологии к изучению аграрной истории, истории средневекового крестьянства представляется весьма актуальным из-за известной ограниченности традиционной источниковой базы, особенно о раннем средневековье. И в первую очередь это относится к истории сельского населения [313,с.5-7]. «...Летописцы, - писал Б.Д.Греков, - очень мало уделяют внимания сельскому населению. Оно продолжало пахать землю, кормило своим хлебом себя и тех, кто либо не мог, либо не хотел ходить за плугом, платило исправно государственные подати, ходило на войну, и чем исправнее несло свою службу, тем меньше заставляло о себе говорить» [71а,с.232]. То же можно отнести к пристрастиям европейских хронистов и других книжников. Документальные материалы (акты, грамоты и т.п.) также дают весьма ограниченные сведения об истории раннефеодального крестьянства. Лишь примерно к середине II тыс. объем письменных свидетельств по аграрной истории становится относительно полнее.

Поэтому большое значение приобретает изучение вещественных, археологических материалов, оставленных сельским населением - прежде всего - поселений и могильников. Еще в 1928-29 гг. А.И.Неусыхин отмечал, что применение археологии ставит выводы исторических исследований на более точную почву [228.С.385-390]. В 10-30-е гг. о важности археологического изучения сельских поселений для расширения круга источников по аграрной истории средневековья писали польские исследователи К.Потканьски и К.Тыменецки, советский археолог Н.Н.Воронин [57а,с.105; 638,с.29; 848а,с.54-56]. Но крайне незначительные археологические материалы, добытые к тому времени на фоне многочисленных и разнообразных письменных источников не производили на медиевистов особого впечатления. Скепсис по отношению к возможностям археологии сохранился у многих исследователей и превратился в своеобразную историографическую традицию. Еще и теперь археология, изучающая средневековые материалы, порой воспринимается как вспомогательная к медиевистике дисциплина, которую можно привлекать лишь для подтверждения результатов, добытых традиционными способами³.

Но исследования 40-х и, особенно, 50-80-х гг. нашего столетия в большинстве стран Европы позволили накопить значительный материал, превративший средневековую аграрную археологию в важный источник

³-Известный советский германист В.Е.Майер, например, не отрицая археологических методов датировки сельских поселений, считал, что если существуют достоверные письменные данные, то можно пренебречь противоречащими им сведениями археологов [206,с.126]. Противоречиво относился к возможностям археологии в изучении средневековой славянской проблематики авторитетный славист В.Д.Королюк. В начале 60-х гг. он оптимистично оценил роль археологических исследований в изучении не только материальных условий жизни общества, но и его социального строя [163,с.105-106]. Но спустя десятилетия ученый уже фактически отрицал роль археологии в познании форм "организации общественного производства и общественных отношений рассматриваемого социального организма", религиозных представлений славян У-УП вв. [165,с.II]. Хотя к 70-м гг. западнославянская средневековая археология имела уже значительные достижения. Недооценка роли археологии в изучении раннеславянского общества отмечается и у внимательного к её достижениям Г.Г.Литаврина [392,с.7]. Весьма пренебрежительно об археологических аргументах высказался петербургский историк А.Ю.Дворниченко [см. 287,с. 124]. Не случайно, в обзоре юбилейного, 50 выпуска сборника "Средние века" отмечается роль вспомогательных дисциплин, но археологические исследования не упоминаются [79,с.27-28]. Вообще, скепсис историков обычно появляется тогда, когда археологические данные в чем-то не согласуются с выводами, основанными на письменных материалах.

знаний об истории крестьянства в частности и феодального общества в целом.

Исследования поселений позволяют выявить топографию, планировку и размеры селений, их внешний облик, длительность нахождения на одном месте, особенности крестьянских жилищ и построек феодалов, хозяйство деревни, взаимоотношения ее с городом. Курганы и вообще языческие погребения отражают характер этнического развития крестьянства, состояние ремесел, торговли, идеологических воззрений. При этом если набор вещей из поселений обычно весьма случаен, так как содержит предметы чаще всего оброненные, забытые, выброшенные или сломанные, находки из погребений представляют комплексы, преднамеренно составленные и связанные с определенными этническими и социальными традициями. Оба указанные круга памятников позволяют решать вопросы заселенности и демографии, социального положения и быта сельских жителей, дают дополнительные материалы по истории сельских общин, путях и темпах феодализации и т.д. Иными словами, археологический материал представляет возможность выяснить прежде всего проблемы экономики и материальных условий жизни крестьян, то есть вопросы, наименее отраженные в письменных памятниках [5, с.30-31; 71, с.159; 100, с.5-6, 28, 38; 378, с.275]. Более того, как отмечал Н.К.Рерих, именно археология позволяет представить прошлое в реальных и исторически точных образах [281, с.7]. К тому же археология органично сочетает методы гуманитарных, естественных и природоведческих наук [679, с.50], что показывает взаимосвязи человеческого общества и природной среды. Накопленный археологический материал позволяет оценивать масштабность тех или иных исторических процессов [345, с.141] и, в конечном счете, переходить на более высокий, интеграционный уровень исследований, к взаимопроверке результатов, полученных другими историческими дисциплинами, к синтетическим выводам [636, с.177; 648, с.96]. Следует отметить и массовость археологических материалов, а также их практическую неисчерпаемость.

Достигнутый уровень и указанные возможности современной средневековой аграрной археологии постепенно изменяют и отношение к ней в среде историков-медиевистов. Если еще в 60-е гг. чаще встречаются лишь пожелания использовать археологические материалы, то в последующее время появляется всё больше примеров учета историками археологических данных [см., напр.: 65; 167, с.311; 182, с.41 и сл.; 198, с.33-34; 666, с.253].

Но специфика археологических материалов нередко затрудняет их непосредственное использование историками [340, с.72-73]. Поэтому задача исторической интерпретации результатов археологических исследований должна стоять прежде всего перед археологами. В конце концов, далеко не каждый историк имел возможность участвовать в археологических исследованиях (особенно полевых), но каждый археолог обязан иметь основательную общеисторическую подготовку. В этой связи хочется подчеркнуть, что автор придерживается точки зрения, по которой археология - самостоятельная дисциплина, имеющая свои специфические источники и методы исследования, но входит в комплекс исторических наук и главной ее целью является решение общеисторических задач [см. 8; 121], участие в создании по возможности более полной картины мира в прошлом⁴. Такой

⁴ -Хотя вывод Л.С.Клейна о том, что археология самостоятельно не способна реконструировать весь исторический процесс вполне обоснован, едва ли можно безоговорочно согласиться с его замечанием, согласно которому исторические выводы из археологического материала - это выход за пределы компетенции археолога, ведущий к искажению исторической действительности [149]. Представляется,

подход находит понимание теперь и у историков древней Руси. Привлечение выводов археологии с ее особыми приемами исследований, отмечали А.П.Новосельцев, В.Т.Пашуто и Я.Н.Щапов, делает решение проблемы генезиса ранних классовых обществ и государств комплексной [235,с.94].

Следует отметить, что в СССР долгое время средневековой аграрной археологии не уделялось должного внимания. Примечательно, что в обзоре достижений советских археологов за 1971-1975 гг. Ю.Н.Захарук подчеркивая, что советская археология является "важнейшим разделом исторической науки", о раскопках сельских памятников ничего не сообщил [120]. Наименее изученными оказались поселения, особенно археологически трудноуловимые селища. Уже в 80-е гг. рефреном повторяются сетования исследователей раннего феодализма на явную недостаточность изученных археологических поселений. Еще меньше данных о формировании феодального землевладения, о вотчинах позднеплеменной знати⁵. Точно характеризовали ситуацию Д.А.Мачинский и И.П.Шаскольский: "Внешняя неяркость «сельской» славянской культуры лесной полосы приводит к тому, что "зоны археологической трудноуловимости" занимают довольно обширные пространства с VIII по XIII в. «Долги» наших археологов перед отечественной историей обнажаются в итоге весьма явственно» [213,с.289].

Такое состояние археологической изученности деревни требует не просто активизировать усилия, но выбрать наиболее рациональные направления исследований. Г.В.Штыхов предлагает обобщение имеющихся сведений начинать с попытки связать письменные источники с данными археологии [882,с.38]. Этот путь более приемлем при изучении раннесредневековой деревни Западной и, в меньшей мере, Центральной Европы. О восточноевропейской деревне, особенно раннесредневековой поры, письменные материалы крайне нерепрезентативны и потому на ранних стадиях работ мало чем помогут. Опыт показывает, что более продуктивны локальные исследования, основанные, по возможности, на детальном картировании небольших регионов. Необходимость таких работ еще в конце 50-х гг. подчеркивал Л.В.Алексеев [3,с.273]. Примечательно, однако, что и в середине 80-х гг. археологов все еще призывали к развертыванию таких работ [100,с.97,102]. Поэтому остается верен совет Л.В.Черепнина, В.Т.Пашуто и В.Д.Назарова о том, что надо пользоваться сравнительными материалами, перенося их сведения из лучше изученных регионов на соседние [400,с.22]. Тем более, что средневековая аграрная археология в соседней. Центральной Европе, имеет определенные достижения. На необходимость сравнения восточнославянских общественных структур с западно- и южнославянскими указывал М.Б.Свердлов [314,с.30].

Другим направлением археологических исследований должно стать использование как на стадии полевых работ, так и при обобщениях, данных и методов смежных дисциплин. Прежде всего это относится к исторической географии. Тесная связь аграрных порядков с природой требует от

что, не избегая общеисторических выводов, археолог должен помнить данное замечание Клейна как указание на существующую опасность и необходимость осторожности в оценках. Преодолевать эту опасность возможно и постоянным сопоставлением получаемых результатов с материалами иных (лучше сопредельных) территорий, а также с выводами других исторических дисциплин: особенно истории, исторической географии, исторической лингвистики, исторической демографии и др. думается, прав П.П.Толочко в том, что главное в археологии - историзм [363].

⁵ Примечательно, что в недавно изданном пособии И.В.Дубова археология древнерусских сельских поселений совсем не затронута [102a].

археологов-аграрников не только использования историко-географических методов в традиционном, вспомогательном понимании, но опору на специальные изыскания по истории ландшафтов, сельскохозяйственных культур и т.п.

К исторической географии примыкает и историческая демография. Тесная связь этой науки с историей несомненна [132,с.15]. Наши интересы смыкаются с исторической демографией при изучении расселения и социальных структур, особенно в раннесредневековой деревня.

При археологическом изучении проблем расселения важную роль играют и методы исторической лингвистики, особенно топонимики. Наиболее продуктивно сочетание методов этих дисциплин с исторической географией [см.282; 286].

В целом, констатируя необходимость комплексных междисциплинарных исследований, надо согласиться с В.С.Жекулиным, отметившим, что мир, окружающий современного человека, настолько велик и разнообразен, что едва ли существующие отрасли знания могут дать полное представление о всех его закономерностях и структурах. Скорее, заключает ученый, мы должны согласиться с тем, что фрагментарные знания о мире, составляющие предмет конкретных наук, представляют собой запутанные переулки большого города, но связанные между собой центральным проспектом [112,с.219], объединяющим все науки о человеке. Но, очевидно, во избежание дилетантизма, каждый исследователь должен изучать разнообразные материалы методами, присущими представляемой им научной дисциплины. Сравниваться, сопоставляться должны результаты конкретных разработок [141,с.282; 215].

Известна также опасность экстраполяции выводов по лучше исследованным районам на более обширные территории. К сожалению, при нынешнем состоянии археологических исследований без такой генерализации не обойтись. И здесь помогут уберечься от возможных ошибок широкие сопоставления: интердисциплинарные и территориальные. Прав Ю.Селиранд: «Гарантией признания археологических исследований в международных кругах археологов являются их прочные построения на детальном знании местных археологических материалов, которые рассматриваются на широком международном фоне. Археология – наука международного характера. Ни одно серьезное археологическое исследование невозможно написать без учета археологических материалов соседних территорий» [234,с.5]. Сопоставлять, естественно, надо не отдельные факты, а комплексы, структуры, процессы⁶. Иначе – лишь субъективное выдергивание аналогий. Но необходимость таких обобщений – несомненна. «Познавать – значит сравнивать» – писал А.Ф.Лосев [200,с.88]. Этой мысли, приложимой ко всем гуманитарным исследованиям, мы постараемся следовать в предлагаемой работе.

Дальнейшее изложение построено на сочетании тематического и географического принципов. Разделы выделены по темам, вытекающим из итогов археологических исследований. Внутри же разделов материал сгруппирован по странам, что вызвано особенностями изучения деревни в разных государствах. Думается, такой подход позволяет как представить общую картину, так и не потерять основные региональные особенности.

⁶ Л.В.Алексеев недавно отметил, что белорусской археологии надо выйти за пределы республики и подняться до уровня исторических обобщений над вещевым материалом [5а, с.187].

В работе над данной темой большую помощь советами и замечаниями мне оказали Л.В.Алексеев, М.Ф.Гурин, Г.Г.Литаврин, В.В.Седов, Г.В.Штыхов, за что приношу им глубокую благодарность.

РАЗДЕЛ I.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕРЕВНИ.

Данный сюжет в отечественной литературе специально не разрабатывался. Но если история изучения отдельных памятников и регионов на восточноевропейской территории периодически включается в историографические разделы публикаций, то анализ зарубежной аграрной археологии средневековья у нас отсутствует.

В целом, несмотря на неоднократно отмечавшийся недостаток интереса археологов к средневековой аграрной проблематике, в странах Восточной и Центральной Европы ей непосредственно, или при рассмотрении смежных тем, посвящено более 2000 публикаций. Их подробный анализ планируется представить отдельным изданием⁷. Здесь ограничимся обобщенными историографическими оценками, учитывая и надеясь, что изложенное в последующие разделах позволит читателю увидеть и оценить степень изученности интересующей нас проблематики.

Внимание археологов, а также отдельных, наиболее дальновидных медиевистов-аграрников к возможностям археологии отмечается в научной литературе, как указывалось, с 20-х гг. нашего столетия. Но широкие исследования развернулись в европейских странах после Второй мировой войны. В разных странах эти исследования имели свои особенности. Рассмотрим историю археологического изучения средневековой деревни в Восточной и Центральной Европе.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ДРЕВНЕРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ⁸.

В восточнославянском ареале первые специальные работы по исследованию сельских поселений отмечены в 20-30-х гг. XX в. Но они были спорадическими. Основным археологическим источником о сельском населении оставались лучше изученные курганы. На их материалах было основано и фундаментальное исследование деревенского ремесла в 40-х гг. (Б.А.Рыбаков). С обобщения курганного материала начались и работы 50-х гг. (Труды ГИМа). Начало целенаправленным исследованиям сельских поселений было положено в середине 50-х гг. работами В.В.Седова на Смоленщине, продемонстрировавшими ценность регионального археологического изучения деревни. Но до 70-х гг. систематических исследований указанного вида памятников в Восточной Европе не велось (за исключением небольших работ в Среднем Поднепровье, предпринятых по инициативе В.И.Довженка).

Последующему усилению интереса археологов к аграрной проблематике косвенно способствовали историко-географы, которые в 60-70-х гг. обратилась к истории природной среды и ее взаимодействия с человеческим обществом. Серия работ на эту тему способствовала последующему повороту археологов к проблемам расселения, ландшафтной приуроченности хозяйства. Первым к природе и ее роли в расселении обратился Л.В.Алексеев в монографии о Полоцкой земле (1960).

⁷ Поэтому в завершающий книгу библиографический список почти не включены многочисленные небольшие по объему публикации, посвященные отдельным памятникам или иным локальным сюжетам, чрезвычайно, однако, важные в изучении массового материала. При наличии многих важных для нас публикаций одного автора в указанный список помещены обычно более поздние, в которых читатель, найдет и ссылки на опубликованные ранее работы этих авторов, использованных нами.

⁸См. также [287].

70-е гг. стали определенным рубежом в изучении эпохи, предшествовавшей так называемой древнерусской поре (вторая половина I тыс.). После многолетних и интенсивных полевых работ, особенно 60-х гг., украинские археологи начали переходить к региональным обобщениям. И хотя эти исследования прямо не связаны с археологией деревни, иных, не сельских форм жизни тогда еще практически не существовало. Также в 70-е гг. начинаются целенаправленные региональные исследования сельских поселений IX-XIV вв. в Волго-Окском междуречье (Т.Н.Никольская), Северо-Восточной Украине (С.А.Беляева, А.В.Шекун). Восточной Беларуси (автор). Итоги этих штудий были подведены уже в 80-е гг. В первой половине этого десятилетия активизировались работы в Новгородской и Псковской землях. Тогда же, хотя и стихийно, завершается сложение нового направления в изучении средневековых аграрных памятников: комплексное их исследование с помощью письменных источников, топонимики и исторической географии, что позволило полнее и точнее интерпретировать археологические данные. Начало этим методам положил в 70-е гг. Л.В.Алексеев при изучении феодализации в Смоленской земле. Затем близкую методику мы применили в Восточной Беларуси, а в начале 80-х гг. новые элементы в нее внес С.З.Чернов, работавший в Подмосковье. В середине 80-х гг. появилась серия обобщающих работ, как археологических, так и общеисторических. В этих монографиях отразились и достигнутые результаты в археологическом изучении деревни, и лакуны в наших познаниях. Прежде всего, это касается наличия многих "белых пятен" как в территориальном, так и в структурном охвате. С середины 30-х гг. отмечается активизация региональных, в том числе и полевых исследований. Выделяются работы в землях Северо-восточной и Северо-Западной Руси (Н.А.Макаров, Б.Н.Харлашов, А.Г.Фурсаев), в Северо-Восточной Украине (В.П.Коваленко, А.П.Моця), на Верхней Волге (И.В.Исланова). Значительно активизировались работы по средневековой аграрной археологии Беларуси. Наряду с традиционными для белорусских исследователей вниманием к могильникам и городищам (Л.В.Дучиц, Ю.А.Заяц, А.А.Метельский, С.А.Пивоварчик) развернулось изучение селищ, особенно на западе и юго-востоке страны. Эти работы охватили разные хронологические периоды. В Посожье О.А.Макушников исследовал прежде всего становление сети сельского расселения. О.В.Иов в Западном Полесье детально изучал весь комплекс проблем аграрной археологии IX-XIII вв. Историко-археологические штудии сельских поселений XIV-XVIII вв. в Понеманье завершил В.И.Шаблюк.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Если советских археологов в соответствии с марксистскими подходами при изучении деревни прежде всего интересовала материальная культура, а проблемы расселения и взаимодействие с окружающей средой вошли в круг их интересов позднее, то исследования по аграрной археологии в странах Центральной Европы изначально в значительной степени были увязаны с исторической географией. Поэтому проблемам расселения, решавшимся в тесной связи с изучением природного окружения, в сотрудничестве с географами и вообще с природоведами, там традиционно уделяется большое внимание. Материальная же культура привлекается прежде всего при изучении хозяйства и быта.

В Польше начало систематических исследований по средневековой аграрной археологии связано с деятельностью З.Раевского, поставившего в середине 50-х гг. задачу комплексных исследований сельских поселений на основе сотрудничества археологов с географами и краеведами. Во второй половине 50-х гг. складываются интердисциплинарные коллективы, как для изучения проблем расселения, так и при обследовании отдельных памятников. Последующее десятилетие, наряду с интенсификацией раскопок было характерно и появлением первых обобщающих статей и монографий (В. и С. Шафраньские, Э.Домбровска, С.Курнатовски, А.Куныш, С.Гильчерувна и др.). Конец 60-х - 70-е гг. отмечены созданием на основе накопленного материала ряда итоговых монографий, в которых воссоздавалась общая картина сельского расселения. Последнее по-прежнему наиболее интересовало польских археологов-аграрников, среди которых прежде всего следует отметить З.Подвиньску, автора первого обобщающего труда о раннесредневековом сельском расселении в польских землях (1971). Ряд обобщений по интересующей нас проблематике был сделан и в первом томе "Очерков по истории материальной культуры

Польши" (1978). Конец 70-х - 80-е гг. характеризуются публикацией обобщений, сводов и дальнейшим производством региональных штудий на более широкой, чем прежде, источниковой базе. Но наибольший массив публикаций относится к 60-м и, особенно, к 70-м гг., когда были собраны основные материалы по аграрной археологии средневековой Польши.

Начало изучения средневековых поселений в Чехии и Моравии относится к концу XIX в. Но и здесь систематические их исследования разворачиваются с 50-е гг. XX в. На этой основе в публикациях рубежа 50-60-х гг. была определена программа многопланового изучения деревни, основанная на сочетании стационарных раскопок и широких разведок с применением методов исторической географии и других наук. 60-70-е гг. отмечены нарастанием исследований конкретных памятников и регионов, среди организаторов которых следует прежде всего выделить З.Сметанку в Чехии и В.Некуду в Моравии, долгие годы возглавлявших работы по интересующей нас проблематике. В эти годы появляются и первые обобщающие труды о сельском производстве (М.Беранова). С рубежа 70-80-х гг. накопленные материалы позволили перейти к сводным и обобщающим исследованиям по отдельным регионам, с широким применением историко-географических материалов (И.Пляйнерова, М.Штепанек, Э.Черны, З.Богач). Изучаются феодальные резиденции (А.Гейна и др.). В аграрную археологию приходит плеяда молодых исследователей, активно ведущих региональные штудии (Я.Клапште, З.Мержински, Я.Жемличка и др.). Для Чехии следует отметить организованность и планомерность производившихся исследований, их регулярное обсуждение на ежегодных конференциях и оперативные публикации, особенно в ежегоднике "Archæologia historica".

Первые сведения о средневековых сельских поселениях Словакии относятся, как и в Чехии, к концу XIX в. Но специальное их изучение также началось с 50-х гг. работами Д.Бялековой на раннесредневековых памятниках и А.Габовштыка (позднее и Б.Поллы) на селищах XI-XIII вв. Но до конца 70-х гг. изучение деревни в Словакии в основном оставалось делом названных археологов. Затем, как и в Чехии, в средневековую деревню "приходят" молодые исследователи (Д. Чаплович, П.Шалковски и др.), которые, вместе с Габовштыком в серии монографий и статей обобщили накопленные материалы о средневековой деревне Словакии.

В Германии изучение сельских поселений началось с начала XX в. Ограниченные, но уже целенаправленные исследования велись перед Первой мировой войной, а затем и в межвоенный период. В основном исследовались отдельные объекты, но П.Гримм своими раскопками в 30-е гг. продемонстрировал возможности и результаты более полного археологического изучения средневековой деревни.

Основные работы, как и по всей Европе, развернулись после Второй мировой войны. При этом археологическое изучение деревни в ГДР и ФРГ имело свои отличительные особенности, связанные не только с методологическими различиями (становлением и, затем, господством марксистской историографии в ГДР), но и с объектами изучения (основная часть ГДР в раннем средневековье была заселена западнославянскими племенами).

В ГДР 50-е гг. были характерны основным вниманием к городищам, лучше изученным в предыдущее время, а также к проблемам расселения. Но уже во второй половине десятилетия появляются сообщения о раскопках отдельных германских и славянских селищ. Публикация результатов раскопок становятся ведущей темой в 60-е гг. Отдельным, в основном полностью исследованным памятником, посвящаются монографии. С середины 60-х гг. в трудах ряда исследователей, начиная с Гримма и Й.Херрманна, основное внимание уделяется изучению расселения, хозяйства и социальных отношений славянских племен на территории ГДР. Помимо статей и монографий начинается издание справочного труда "Славяне в Германии", затем неоднократно переиздавшегося.

С начала 70-х гг. больше появляется работ, посвященных германским и средневековым немецким памятникам, сравнительному развитию славянских и германских поселений. Но преобладают исследования раннесредневековой эпохи. Более поздним памятникам уделялось меньше внимания. Со второй половины десятилетия все больше

публикаций посвящается социальным процессам, отражению в археологических материалах генезиса феодализма, сопоставлению этого процесса в германских и славянских землях (Херрманн, П.Донат, Э.Грингмут-Далльмер и др.). Традиционные темы: городища, застройка поселений увязываются с социальным развитием. Все больше становится и специальных работ, посвященных сельскохозяйственному производству, вообще хозяйству деревни (У.Бентцин). Эти темы продолжают интенсивно разрабатываться и в последующее время. Археологи ГДР продолжали изучать и расселение, причем в 80-е гг. наряду с региональными проблемами изучаются и общегерманские, интерес к которым, судя по публикациям, усиливается (по сравнению с прежним преобладанием славянской проблематики).

В результате многолетних исследований в археологии ГДР было выработано достаточно четкое представление о раннесредневековой эпохе, охватывающей развитие западнославянских племен. Период развитого средневековья остался менее изученным. Характерной особенностью ученых бывшей ГДР являлось стремление к социальной оценке добытого археологического материала, к историческим выводам.

В ФРГ с 50-х гг. сформировалось 2 основных направления в изучении средневековой деревни: многолетние стационарные раскопки отдельных поселений и исследования проблем расселения. Это последнее направление в определенной степени выработалось под влиянием сильной историко-географической традиции в немецкой историографии первой половины XX в. Отсюда у археологов ФРГ было пристальное внимание к планировке поселений, к древнему землеустройству. Это направление более активно разрабатывалось на севере ФРГ, где сохранилось больше реликтов древних и средневековых ландшафтов (Д.Денеке).

Обращение археологов к проблемам расселения и усиление внимания, а также доверия к археологическим работам в этом направлении связано прежде всего с деятельностью Г.Янкуна, первые исследования которого о расселении появились в середине 50-х гг. С 60-х гг. изучение расселения становится ведущим. При этом, в отличие от археологов ГДР, в ФРГ планирование и ведение исследований не увязывалось с определенными хронологическими периодами. Целью работ обычно являлось прослеживание региональной истории расселения с древности и до нового времени. В итоге в историографии ФРГ к середине 60-х гг. сформировалось направление, названное Янкуном археологией поселений. Важной особенностью этого направления стала ориентация на естественнонаучные методы изучения, что определялось признанием существенной роли природной среды в расселении. Больше внимание уделялось междисциплинарным связям в исследованиях. Экономика поселений и возникавшие в них социальные отношения также провозглашались объектами изучения, практически же оставались на втором плане. С 60-х гг. появляются исследования о славянском расселении на территории ФРГ. Продолжалось изучение отдельных городищ и селищ. При этом внимание уделялось не только раннесредневековым памятникам, но и поселениям развитого средневековья. Завершение работы оформлялось монографиями (В.Янссен).

Те же направления работ характерны и для последующего времени. К середине 70-х гг. подводятся итоги изучения расселения в западной части ФРГ и поселений на юге страны. В конце десятилетия добытые археологические материалы были включены в сводную работу о немецкой аграрной истории. Археологи смелее вторгаются в изучение социальных отношений. Показательна монография Х.Штойера, появившаяся в начале 80-х гг. и целиком посвященная анализу социального развития деревни на археологических материалах. Это первое такого рода исследование в аграрной археологии средневековья в ФРГ.

В итоге на территории бывшей ГДР лучше изучены раннесредневековые древности и сделаны важные выводы о развитии общественных отношений. Западногерманских ученых больше интересовало развитие аграрного пейзажа, история поселений. Положение живших в них людей привлекло внимание западногерманских археологов позднее. Есть различия в территориальном и хронологическом охвате исследований. Если для раннесредневековой территории бывшей ГДР есть обобщающие работы, то для западной части Германии такой целостной картины нет, там изучены лишь отдельные регионы. Но эти исследования в ФРГ доведены до XIV-XV вв., тогда как в восточных землях эпоха развитого средневековья (за исключением Тюрингии) известна археологам хуже.

В заключение следует отметить, что небольшие работы по интересующим нас проблемам в 60-70-е гг. проводились в Австрии, где основное внимание уделялось городищам. Особо было рассмотрено славянское расселение в Восточной Австрии. Средневековые деревни интенсивно исследуются в Венгрии и Дании.

Краткий общий обзор европейской историографии о средневековых сельских поселениях до середины 70-х гг. был сделан Р.Некудой [730], что избавляет от необходимости сопоставления рассмотренного материала с западноевропейскими исследованиями. Отметим лишь, что автор, указав на большие, приоритетные достижения советских ученых в изучении материальной культуры, хозяйства, справедливо отметил игнорирование в СССР зарубежного опыта исследования проблем расселения и демографии средневековой деревни. Лишь с 80-х гг. этот пробел стал постепенно изживаться.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на особенности, связанные с традициями национальных школ, наблюдается постепенное сближение направленности и методов исследований в разных странах, распространение комплексных подходов, особенно в 80-е гг. Это облегчает сопоставление результатов работ и выработку общей картины сложения и развития средневековой деревни в рассматриваемых землях.

РАЗДЕЛ II.

РАССЕЛЕНИЕ.

Начинать изучение истории сельского расселения целесообразно с характеристики географических условий, в которых формировались и существовали поселения, жили их обитатели. Зависимость человеческого общества от природной среды обратно пропорциональна его возрасту: чем древнее человечество, тем более его история была обусловлена особенностями природного окружения. Климат, рельеф, воды, почвы, растительный и животный мир во многом обуславливали состояние и темпы развития древнего человека, условия его обитания и деятельности. Все это относится и к раннесредневековому европейскому крестьянству. Да и последующие столетия связь с природой оставалась достаточно прочной, хотя от взаимодействия с окружающей средой крестьянин начинал переходить к воздействию на нее - не всегда, кстати, во благо.

Исследования последнего времени позволяют составить общее представление о природных условиях I тыс.н.э. Из трех зон, выделяемых в Европе на основе характера естественно-географических условий, нас интересует умеренная по климату равнинная зона, протянувшаяся от Парижского бассейна до Урала.

На формирование аграрного пейзажа весьма серьезное влияние оказывал рельеф. Но его неизменность в историческое время породила однозначное воздействие на жизнь деревни, на сельское расселение, распространявшееся у европейских земледельцев снизу вверх: из долин - на возвышенности. Стабильными, в целом, были и почвы, из которых изначально предпочтение отдавалось не только более плодородным, но легким. Важную роль играл климат, не только разнообразный, но весьма изменчивый и по температуре, и по влажности.

Поскольку природа Восточной и Центральной Европы имела определенные различия, рассмотрим их в соответствующих главах.

Глава I. РАССЕЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗЕМЛЯХ.

Сеть средневекового сельского расселения изначально формировалась прежде всего под влиянием природной среды; она же определяла и ведущий тип хозяйственной деятельности населения - земледельческо-животноводческий. Социальные факторы (феодалное землевладение и военно-политические события) наложились на эту сеть и скорректировали ее позднее. Ниже мы постараемся обосновать это археологическим материалом.

Многочисленная литература избавляет от необходимости здесь характеризовать естественно-географические условия Восточно-Европейской равнины - территории расселения восточных славян и их соседей. Отсылаем читателя прежде всего к краткому, но охватывающему все основные параметры (рельеф, гидрографию, растительность, почвы) описанию В.В.Седова [320,с.5]. Более детальная характеристика природных зон, растительного покрова и почв дана Ю.А.Красновым [173,с.6-13]. Подробный анализ природных условий, в том числе климата территории в средние века представил А.В.Дулов [104,с.5-20]. Нас прежде всего будут интересовать лесная и лесостепная природные зоны, ибо именно там разворачивались основные события средневековой истории восточного славянства. Южная граница лесостепи в I-II тыс. пролегла по среднему течению Дона, Днепра, Южного Буга. Лесная растительность распространялась почти до низовьев Днестра [173,с.7-12]. В долине Днепра лесостепная растительность широким языком (шириной до 20 км) вклинивалась в степные просторы [337, с.5].

Основным естественным каркасом древнего и средневекового расселения в лесостепи были реки. В лесной зоне к ним прибавлялись леса. И если речная сеть уже не одно тысячелетие остается стабильной, что облегчает анализ расселения, то лесная растительность под антропогенным воздействием сильно изменялась. Первые, относительно заметные вырубки были связаны с подсечно-огневой системой земледелия и коснулись прежде всего пойменных и широколиственных лесов, из-за большого плодородия почв под ними [143]. Эта деятельность вела к частичному сведению лесов вдоль водотоков, особенно

крупных. Но подсека способствовала и появлению многочисленных вторичных лесов [112,с.117].

Массовое сведение лесов в Восточной Европе относится лишь к XVI-XVIII вв. [104,с.18-19; 112,с.128; 141,с.277; 282; 286]. Таким образом, в средние века лесная зона была покрыта массивами первичных, девственных лесов. Их ареалы еще должным образом не изучались. Но отдельные штудии, в частности, на территории Верхнего Поднепровья, констатировали для XI-XIII вв. наличие обширных пуш, прерывавшихся лишь речными долинами, в которых отдельными скоплениями и концентрировалось население [5; 282; 236]. Итак, в лесной зоне средневековое население в значительной степени определялось лесами, обуславливалось их распространением.

На расселение влияли и почвы. За последние столетия они мало изменились [138]. Но естественное тяготение людей к более плодородным землям имело в средние века свои особенности. Так, ценились не обязательно наиболее плодородные, но более легкие для обработки почвы [112,с.39]. Были и региональные различия: на территориях с худшими землями обрабатывались почвы, которые в иных местах при наличии более благоприятных участков не привлекали к себе внимания. Вообще, изучение приуроченности населения к почвам надо вести на микрорегиональном уровне, учитывая конкретные условия в хозяйственных ареалах поселений. Но эта кропотливая работа еще почти не ведется. Использование же обобщенных почвенных карт для анализа расселения не дает необходимой точности [111.с.20-21].

Важную роль в расселении играл климат, точнее - его колебания, влиявшие на изменения в системе заселенности. Основные сведения по истории климата в средние века исследователи черпают из летописей, в которых фиксировались погодные аномалии, влиявшие прежде всего на урожаи. Однако летописи, неравномерно отражавшие различные периоды восточнославянского средневековья (ранние - хуже) не могут служить достаточным основанием для установления хронологии климатических изменений⁹. К тому же надо отметить, что на характер расселения влияют не отдельные неблагоприятные годы, а многолетние и вековые изменения климата, особенно в таких параметрах, как средние температуры и увлажненность со связанным с ней уровнем грунтовых и поверхностных вод.

Сопоставление летописных свидетельств с геологическими наблюдениями в отдельных регионах и с данными по другим европейским территориям демонстрируют единство средневековых климатических мутаций для всего континента. Как и в Западной, так и в Восточной Европе раннее средневековье с VIII в. отличалось постепенным нарастанием теплой погоды вплоть до конца XII-начала XIII в. Влажность в этот период также постепенно увеличивалась, достигнув пика в XIII-XIV вв., когда отмечено (помимо паводков, известных и ранее) существенное повышение уровня грунтовых вод с засолением местами низинных почв, что констатировали В.Я.Концевский и А.М.Микляев в Новгородской земле. Этот пик влажности совпал с начавшимся постепенным похолоданием. И, несмотря на периодический возврат тепла, тенденция к похолоданию постепенно принимала устойчивый характер, превратившись в так называемый "малый ледниковый период" к XV в. [7; 32; 35; 88; 104, с. 14-20; 112,с.105-107; 157; 158; 216].

Естественно, эти изменения не могли не сказаться на процессе расселения. В целом, рассмотренные климатические колебания соответствовали общеевропейским тенденциям. Но Восточно-Европейская равнина имела и существенные отличия от других регионов Европы. На это обратил внимание В.О.Ключевский: "Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию" [150,с.46-47]. Чисто географические отличия Восточной Европы от Западной подробно рассмотрел Дулов, показавший причины большей суровости климата на Востоке, что вносило дополнительные затруднения в сельскохозяйственные работы и требовало энергетических затрат как в хозяйственной деятельности, так и в быту¹⁰ [104,с.5-10,50-51]. Это, безусловно,

⁹ На это обратил внимание Л.В.Алексеев [4,с.63]. С этих же позиций проанализировал данные летописей А.В.Дулов [104,с.15-16].

¹⁰ Период сельскохозяйственных работ здесь составлял 5-6 месяцев против 8 месяцев в Западной Европе [487,с.91]; более длинная, чем на Западе, зимовка скота при более низких температурах,

не могло не сказаться на темпах экономического развития. Справедливо и замечание В.А.Анучина о том, что географическая среда Восточной Европы, менее разнообразная, чем на Западе, способствовала различиям в уровне и направленности общественного развития [9,с.159].

Для земледельческо-животноводческого хозяйства восточных славян наиболее благоприятной была лесостепная зона с почвами, не столь плодородными, как черноземная степь, но с менее задернованными, а значит и более легкими для обработки. Более устойчивым был в лесостепи и гидрологический режим; не подходила она и для длительного обитания кочевников. Близкими по плодородию к лесостепным были и почвы прилегающих районов лесной зоны [135,с.279-280]. Все это обусловило единство хозяйственной деятельности и характера расселения восточнославянских племен в начале средневековья.

В хорошо исследованной Северной Буковине, густо заселенной в черняховское время, в середине I тыс. наблюдается резкое уменьшение количества поселков (в Черновицкой области с 300 во второй четверти I тыс. до 40 в VI-VII вв.) и перемещение населения с наиболее удобных земледельческих угодий и лугов в открытых первых надпойменных террасах на склоны долин, более узкие береговые террасы мелких речек и ручьев, под защиту лесов, холмов, оврагов и болот. Это, по мнению Б.А.Тимошука, было связано с усиливавшимися набегами кочевников, начатыми с "легкой руки" гуннов [349,с.47-51]. Указанные явления в середине I тыс. отмечены и на других славянских лесостепных землях [135,с.346; 140; 254; 370].

Но общая привязанность сети поселений к речным долинам, характерная для первой половины I тыс., а местами и для более раннего времени, сохранилась. Поселки располагались чаще всего на первой надпойменной террасе, иногда - на второй (на высоте над летним урезом воды в реках - до 10 м), по возможности на обращенном к югу, лучше прогреваемом склоне. Пойменные всхолмления и края высоких берегов осваивались реже. На хорошо исследованных территориях прослежено "гнездовое" расположение поселений, по 3-7, местами и более. Внутри этих скоплений-гнезд селища находились на расстоянии 0,5-5 км друг от друга, близлежащие нередко отделялись лишь естественными преградами рельефа (оврагами, балками, ручьями)¹¹. Многие авторы отмечают тяготение мест поселений к более укромным и укрепленным местам по берегам малых рек. Рассмотренная долинная структура расселения преобладала и позднее, в том числе на вновь осваиваемых славянами землях [10; 14; 15,с.13-15; 19,с.5,8,56; 23; 69,с.11.14,60-61; 135; 190; 249,с.93; 254; 265,с.18; 280,с.45-47; 294,с.89; 295,с.48; 296,с.5,8; 297; 320,с.30,90,137; 337,с.83,85; 366; 370; 384; 427а,с.146-147]. Такой же характер расселения отмечен в I тыс. и у соседних балтских племен [405].

В VIII-IX вв. при сохранении приуроченности к долинам, отмечается интенсификация процесса расселения: увеличивается количество и размеры поселений, расширяются площади гнезд поселений. В регионах с более плотным населением (лесостепь) начинается освоение более высоких береговых участков [140; 249,с.170; 297; 320,с.90; 358]¹². В VIII-IX вв. в отдельных ареалах русского Северо-Запада начинает осваиваться возвышающийся над долинами холмисто-моренный ландшафт. Здесь этот процесс был связан с началом подъема грунтовых вод и засолением слабо дренированных низин в ходе ютландской трансгрессии, что в свою очередь стимулировало улучшение уровня земледелия на тяжелых, но более плодородных, чем легкие песчаные почвы долин, суглинках. В итоге, к X в. формируются анклавные, остававшиеся стабильными до XII-XIII вв. [96; 97; 112,с.46-47; 157; 189; 216; 220; 236; 237].

В X-XIII вв. на большей части восточнославянских земель продолжал господствовать приречный или долинный тип расселения. Поселения размещались среди пригодных для земледелия почв на надпойменных террасах и пологих возвышенностях, мысах при

дополнительные потребности в отоплении, теплой одежде и т.п.

¹¹ Гнездовое расположение поселений в VI-VII вв. носило общеславянский характер и было связано с общественными структурами [См.198, с.36]. Подробнее об этом - в разделе VI.

¹²Появление в УШ-Х вв. на высоких крутых берегах рек украинского Левобережья, на останцах в заболоченной пойме и других защищенных местах поселений, сменивших располагавшихся у воды вольтинские селища У1-УШ вв., связано, скорее всего, не с гидрологическим режимом и хозяйственным развитием, а с военной опасностью /11,0.201-202; 347; 370/ - ситуация, аналогичная описанной в Северной Буковине в У-У1 вв.

впадении ручьев, реке - на мысах коренных берегов. Увеличилось количество поселений на берегах малых рек [10, с. 397-399; 16; 23, с. 107; 39-43; 51; 100, с. 98-101; 102, с. 44-45; 123; 129; 130; 131; 158; 179, с. 6, 32; 184; 208-210; 230, с. 43-50; 242, с. 12-15; 243а, с. 277; 282; 287; 294, с. 8; 306, с. 23-24; 318, с. 9-13; 337, с. 167-170; 370; 376; 386; 412; 414; 416; 433]. Водоразделы практически еще не были заселены. Исключение составляла, как и ранее, северо-западная часть Новгородской земли (поречье Луги и Невы), где население концентрировалось на сухих возвышенностях (на высоте 10-20 м над уровнем рек) [155; 190; 242, с. 19; 243а, с. 277; 253]. В Закарпатье, в условиях гористого ландшафта, в XI-XII вв. (при сохранении основной массы жителей в долинах) начали осваиваться более возвышенные участки долин и малых горных речек. С.И. Пеняк видит в этом свидетельство укрепления роли скотоводства на таких поселениях [249, с. 93]. Вероятно, это хозяйственное изменение вызывалось исчерпанием свободных земельных угодий в плотно заселенных долинах.

Однако, при сохранении континуитета расселения в привычных для сельских жителей условиях: в речных долинах (на водоразделах на крайнем Северо-Западе Руси) для X-XIII вв. характерна активизация поселенческой деятельности, которая выразилась, с одной стороны, в увеличении числа поселений в сложившихся прежде анклавах, а с другой - в колонизации новых мест. Очевидно, такая активизация отразила прежде всего хозяйственное и демографическое развитие древнерусского сельского населения. Нельзя сбрасывать со счетов и внешние факторы.

При всей динамичности и кажущейся хаотичности в процессе расселения X-XI вв. намечаются определенные этапы, имевшие, безусловно, региональные особенности. Для южнорусских земель, более развитых уже в конце I тыс., пик поселенческой активности приходится на IX-первую половину XI в. Затем начался спад [140; 339; 370; 376]. Очевидно, это было связано с усилением нажима кочевников, что стимулировало отток населения в более безопасные северные лесные земли. Рост населения и хозяйственный прогресс позволял успешно приспосабливаться к новым, менее плодородным почвам, не очень привычной природе и климату. В итоге, уже с X в. в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси отмечается активизация расселения [429]. Но наиболее интенсивным этот процесс был в XI-XIII вв. В это время еще существует большинство селений, основанных в IX-X вв. К ним добавляется большое число деревень, заложенных в XI и XII вв. (местами - рост в 2-3 раза). В XIII в. процесс создания новых деревень резко замедлился, а к концу столетия прекратило свое существование более половины из деревень, основанных ранее. Таким образом, наибольшее число древнерусских поселений домонгольского времени существовало в XII-начале XIII в.¹³ (в некоторых регионах - до 90% от всех селений рассматриваемого времени)¹⁴. Отмеченное в некоторых регионах убывание населения в течение XII-XIII вв. было явлением сугубо локальным и вызывалось чаще всего переселением в более благоприятные места [9, с. 177; 22; 38; 99, с. 27; 100, с. 101-102; 129; 155; 157; 190; 192; 196; 208; 230, с. 56-64; 258; 283; 292; 306; 318, с. 22-24; 337, с. 177-188; 376; 397; 414].

Для системы расселения, как в речных долинах, так и на водоразделах (крайний Северо-Запад Руси) была характерна дискретность, гнездовой характер. Население, как и в

¹³ В южнорусских землях, по подсчетам С.Н. Бибикова и П.П. Толочко, "демографический взрыв" пришелся на XI-XII вв., в остальных восточнославянских землях - на XII-XIII вв., куда уходило и избыточное крестьянское население из Среднего Поднепровья [33].

¹⁴ На Черниговщине в IX-начале XI в. возникло 17 поселений, существовавших в IX-XIII вв. и почти все они сохранились до середины XIII в. В X-XI вв. возникло 36 поселков, в XII-начале XIII в. - еще 50 селений [414]. В западной части белорусского Полесья в IX-X вв. возникло 12% поселений, в XI-XIII вв. - 70%, в XIV-XV вв. - 12% [129]. В Могилевском Поднепровье в конце IX-X в. появилось 18% поселений, в XI-XIII вв. - 73%, в XIV-XV вв. - всего 9%. При этом все поселения с конца IX-X в. существовали и в XI-XIII вв., так что общее число поселений XI-XIII вв. составило 91%. В XIV в. в регионе оставалось 46% сельских поселений (из них 6% - старые селища конца IX-X в. и 32% - поселения XI-XIII вв.) [283]. У вятичей в VIII-X вв. отмечено 3% поселений, в XI-XIII вв. появился 31% сельских поселений, в XIV-XVII вв. - 13% [229]. В Полужье плотность населения, по подсчетам Ю.М. Лесмана, в VI-IX вв. составляла 0,1-0,2 человека на I км², а в XII-XIII вв. - уже 3 человека на I км² (прирост в 15-30 раз [195]. На Ижорском плато с рубежа XI/XII вв. до начала XIV в. население выросло в 9 раз [196, с. 23].

предшествующее время, скапливалось на благоприятных почвах, свободных от крупных лесных массивов. Там, где удалось проследить ареалы распространения лесов в XI-XIII вв. (Смоленщина, Восточная Беларусь), установлено, что границы поселенческих агломераций очерчивались окружающими их лесами. Отдельные такие агломерации удалось связать с волостями и округами, то есть с административно-политическими единицами государственных структур. В процессе формирования феодального землевладения границы заселенных агломераций становились зачастую границами княжеских уделов [5, с.34-42; 188; 208; 282; 286; 318; 414]. Следует заметить при этом, что в течение рассматриваемого периода рост числа поселений происходит внутри скопления - гнезд, где, следовательно, повышалась плотность населения. Выход за пределы очерченных агломераций наблюдается редко.

В течение XIII в., как уже отмечалось, характер расселения начал меняться. Резко уменьшается процесс создания новых поселений. К концу столетия многие деревни прекратили свое существование. В итоге к XIV в. сеть долинного расселения становится более редкой. Причины этого различны. Seriously повлияло на сокращение поселений и населения монгольское нашествие. В.В.Каргалов, на основе работ А.В.Успенской, М.В.Фехнер и В.В.Седова констатировал по этой причине исчезновение около 1/3 поселений в Северо-Западной и Северо-восточной Руси [139]. Но автор оставил без внимания другие возможные причины исчезновения поселений, продолжавшегося и в XIV-XV вв., причем и там, куда монголы не дошли или бывали эпизодически [129; 140]. На это обратил внимание швейцарский русист К.Гёрке, отметивший, что хотя недооценивать разорение страны нельзя, многие послемонгольские поселения вообще не фиксируются, так как нередко находятся на территории современных населенных пунктов и потому разрушены [540, с.30-50]. С.А.Беляева констатировала, что сплошного оттока населения из Южной Руси в послемонгольское время не было. В XIV в. происходило довольно активное хозяйственное восстановление. Возрождались жизнь во многих деревнях, на которых известны древнерусские слои [27]. На необходимость поисков иных, помимо последствий ордынского разгрома, причин запустения многих южнорусских поселений XIV-XV вв. указывал В.И.Довженок [95, с.82]. В целом, для южнорусского населения этого времени характерно сохранение приуроченности к долинам [396, с.37].

Материалы же с более северных территорий свидетельствуют о происходившей там в XIV-XV вв. активной колонизации как новых земель на окраинах, так и внутри страны. При этом размеры деревень уменьшались, а число их увеличивалось [5, с.116; 9, с.177; 87, с.19-20].

Об изменении величины поселений речь впереди. Что касается внутренней колонизации, то именно в ней видится вторая основная причина исчезновения ряда поселений. Новые селища располагались чаще всего в отдалении от воды, на водоразделах. Перемещение на более высокие места стимулировалось и повышением увлажненности в XIII-XIV вв., особо проявившееся в Северо-Западной Руси. Распространение трехполья и плуга (о чем также далее) позволяло вводить в сельскохозяйственный оборот плодородные, но тяжелые суглинки на возвышенностях. Первоначально, вероятно, осваивались лесные поляны (осёлки, елани), что и определяло малодворность деревень этого времени. Сам процесс освоения новых земель также способствовал формированию починковой структуры. Возможно, сказывалось и возраставшее вмешательство землевладельцев в дела общин, что вело к формированию новой общинной сети, интегрированной в феодальные структуры. Всё это делало деревни лесной зоны трудноуловимыми для археологов - потому их и известно мало. Сказалась, что отмечалось выше, и интенсивная эксплуатация водоразделов в последующее время. Да и археологи уделяли этим, отдаленным от водотоков участкам мало внимания. Но сопоставление собранных данных с письменными источниками, особенно с писцовыми книгами, свидетельствует, что в ряде мест лесной зоны в течение XIV-XV вв. сформировались основы современного аграрного пейзажа, то есть были заселены те же места, что и теперь. Многие деревни XIX-XX вв. берут свое начало от селищ XIV-XV вв., что, как отмечалось выше, также затрудняет поиски археологов. Но заселенность долин сохранилась, хотя и стала более разреженной. Перемещение на водоразделы происходило активнее в лесной зоне. В лесостепи и степи сохранялось тяготение к долинам. Наиболее стабильными в старых областях расселения оказались крупные поселки, которые, вероятно с древнерусского времени играли роль центров погостов и располагались в географически и гидрологически удобных местах. В XVI-XVII вв. освоение водоразделов велось интенсивнее

в связи с массовыми лесными порубками, что отмечено выше [21; 27, с. 42; 40; 87; 89; 123; 129; 136, с. 65; 140; 157; 188; 208; 318, с. 24-40; 386- 388; 397; 402-404, с. 17; 414; 430]. Таким образом, с XIV в. начался принципиально новый этап сельского расселения на восточнославянских землях, этап перехода к современной структуре расселения¹⁵.

Выводы. Итак, до XIV в., в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы среди земледельческого населения господствовал долинный, приречный тип расселения с дискретным расположением поселений. Их скопления (агломерации) концентрировались в безлесных или редколесных долинах с пригодными для земледелия, чаще легкими почвами. Учитывалась и степень увлаженности. В местах с низким уровнем грунтовых вод поселения располагались вблизи водотоков, в более увлажненных местах - на дюнах и пологих надпойменных террасах, в переувлажненных - на холмах и водоразделах. Последняя форма заселенности, как отмечалось, раньше всего сложилась на крайнем Северо-Западе Руси, где высокий уровень грунтовых вод, особенно прогрессирующий с VIII в., не позволял жить и хозяйствовать в долинах. По мере роста населения произошло, с одной стороны, его уплотнение и создание новых поселений в сложившихся агломерациях, а с другой - отток части людей на новые земли, то есть колонизация, которая активно велась восточными славянами, в основном, в северном, северо-восточном и восточном направлениях в VI-IX вв. При этом почти повсеместно обнаруживается предпочтение более закрытого рельефа, образованного малыми реками с относительно узкими, но и менее оживленными, а значит более безопасными долинами.

Исходя из динамики расселения, весь период V/VI-XIII вв. можно разделить на 2 этапа. Первый, начальный, длился примерно до рубежа IX-X вв. и был медленным, постепенным освоением природных угодий. Плотность населения была невелика, хозяйственные ареалы селений, очевидно, значительными, ограниченными естественными условиями. Близлежащие поселения, вероятно, составляли единую общественно-территориальную структуру, а между такими малыми гнездами оставались большие незаселенные пространства.

С X в. процесс расселения постепенно набирает динамизм. Раньше, в XI-XII вв. начало расти количество поселений, а значит - и плотность населения в более развитых среднеднепровских и других восточнославянских регионах. В XII-начале XIII в. демографический бум охватил и лесные территории. Однако сельское население продолжало концентрироваться в уже сложившихся агломерациях, ограниченных возвышенностями с тяжелыми почвами, засушливыми на юге и поросшими сплошными лесными массивами к северу. Таким образом, время интенсивного освоения долинного ландшафта в X/XI-XIII вв. можно выделить во второй этап. Но при этом следует заметить, что монгольское нашествие в середине XIII в. нарушило сложившуюся динамику расселения, породив частичное запустение и отток населения в более безопасные места.

С XIV в. начался новый этап расселения, который характеризуется отходом от водотоков и освоением междуречных возвышенностей, водоразделов, постепенным превращением лесных ландшафтов в сельскохозяйственные. На эти земли, очевидно, перемещалась часть населения из долин, что тоже послужило причиной запустения многих деревень в прежней зоне расселения.

Какие факторы определяли направленность рассмотренного процесса расселения?

Прежде всего, как и для всех доиндустриальных обществ, здесь следует выделить природную обусловленность расселения [80]. Человек, по крайней мере до третьего этапа, приспособлялся к природным условиям, к особенностям ландшафтов. Массовый выход на водоразделы и начало земледельческого освоения лесных пространств означает, по сути, первую попытку широкого, массового подчинения природы человеческим нуждам. Начало это, в силу относительной, малолюдности Восточной Европы, растянулось, как минимум, на 100-200 лет, ибо массовые порубки, о чем писалось выше, отмечались здесь с XVI-XVII вв. Впрочем, малая плотность населения и мелкоконтурность сельскохозяйственных угодий в

¹⁵ Аналогично развивался процесс расселения у соседей, в Молдове, Восточной Прибалтике, у населения Карелии, Заволжья [262, с. 19-25; 309; 393, с. 6, 32, 52].

большинстве регионов лесной зоны надолго обусловила сохранение там дискретного типа заселенности [12].

Не менее важным фактором, обусловившим прежде всего хронологию процесса расселения, был демографический. Именно постепенный, но, при отсутствии катастроф, неуклонный рост населения в древних обществах приводил к относительному перенаселению и делал необходимым освоение новых земель. А исчерпание фонда свободных сельскохозяйственных угодий в привычной географической среде стимулировало интенсификацию производственной деятельности. Анализируя рассмотренные выше материалы, мы видели, как методично, зачастую вопреки неблагоприятным внешним факторам (особенно вблизи степей) шло заполнение пригодных для земледелия долинных ареалов. В XIII в., очевидно, резервы земель для дальнейшего экстенсивного земледелия были исчерпаны. Это стимулировало новые агроприемы, интерес к новым земледельческим орудиям, что позволило перейти к распашке более тяжелых лесных почв на возвышенностях, а плодородие на этой целине поддерживать с помощью регулярного севооборота - трехполья. Так демографические факторы сомкнулись с хозяйственными.

К хозяйственным факторам, таким образом, относится прежде всего развитие земледелия. Подробнее об этом речь впереди, но здесь можно отметить, что совпадение по времени широкого перехода к трехполью именно в XIII-XIV вв. со стагнацией сети поселений в долинах и освоением водоразделов не случайны. Здесь явная взаимообусловленность. К.Гёрке справедливо указал на совпадение внешних признаков запустения второй половины XIII-XIV в. на Руси с аналогичными и синхронными процессами в Западной Европе, что и там было во многом связано с преобразованием в системе полеводства, распространением плужного земледелия. Монгольское же нашествие лишь усугубило этот процесс, но не явилось его первопричиной [540,с.51-52]. Тем более, как отмечали В.И.Довженок и С.А.Беляева, в XIV в. явно ощущалось хозяйственное оздоровление южнорусской деревни. К тому же В.А.Анучин справедливо обратил внимание на то, что дискретный, рассредоточенный характер расселения в древнерусских княжествах, осложнявший транспортные и хозяйственные связи, причем не только между этими государственными образованиями, но и внутри их, затруднил как организацию отпора монголам, так и последующее хозяйственное возрождение [9,с.173-174]. Эта мысль подтверждает вторичность внешних факторов, влиявших на расселение.

Таковы основные факторы, обусловившие характер и динамику процесса расселения в земледельческих регионах лесной зоны и лесостепи Восточной Европы. К иным, сыгравшим меньшую роль, но все же повлиявшим на процесс, можно отнести военно-политические и социальные факторы. Уже отмечалось давление кочевого мира на лесостепные земли, от гуннов и аваров до монголов. Это давление отражалось в локальных особенностях динамики заселенности восточноевропейской лесостепи. Нельзя забывать о феодальных усобицах и военных столкновениях с западными соседями. Хотя, в общем плане, эти события не могли отразиться на процессе расселения в целом.

С развитием феодальных отношений стали сказываться и новые социальные процессы. М.Б.Свердлов отметил роль растущего феодального угнетения в колонизации с X-XI вв., когда крестьяне начали уходить и от государственных податей, княжьего суда, в поисках необлагаемых повинностями земель [314,с.82-83]. С течением времени значение этого фактора, безусловно, усиливалось, но основа общей направленности расселения обуславливалась причинами, рассмотренными выше.

Глава 2. РАССЕЛЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ ЗЕМЛЯХ.

При довольно большом разбросе данных и мнений, приводимых разными исследователями о характере климатических изменений в Центральной Европе с начала новой эры, можно все же наметить их общую картину. Примерно до III-IV вв. было тепло (возможно, временами теплее, чем теперь) и влажно. Затем похолодало примерно до VII в. и стало суше. Далее отмечено значительное (по сравнению с современностью) потепление, максимальное в XI-XII вв. Начало его характерно увлажнением (особенно в IX в.), но во время средневекового климатического оптимума (XI-XII вв.) стало суше. XIII-XIV вв. характерны неустойчивостью, частыми сменами температурных режимов и увлажненности, причем XIII в. был более влажным, затем стало суше, но не везде - были локальные различия

[133,с.23; 499,с.127; 505,с.37; 522,с.29; 545,с.144-148; 620,с.55; 621,0.26; 684,с.11-12; 690,с.48; 712,с.113; 795,с.29; 809,с.24; 818,с.18; 868; 864].

Изменялся и уровень рек и грунтовых вод. По данным для бассейна Шпрее-Хафеля в середине I тыс. уровень рек был ниже современного (в районе Берлина - на 2 м). Незначительное повышение уровня рек и грунтовых вод отмечено в течение VI в., более значительное - в увлажненном IX в., затем уровень постепенно повышался от X к XII в., когда он на 1 м превысил уровень предшествующего времени [584; 686,с.82]. Все эти изменения сильно влияли как на характер растительности, так и на выбор мест для поселений, а также на продолжительность их существования.

РАССЕЛЕНИЕ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ. Процесс раннесредневекового сельского расселения Польши принято начинать с VI в., когда после завершения массовых миграций предшествовавшего времени отмечается рост числа поселений. VI в. (чаще его вторая половина) - первая половина VII в. характерны медленным ростом селищ, часто небольших по размерам и не очень долговечных. Сохраняется предшествовавший, долинный тип расселения, связанный с легкими почвами. Но если раньше поселения располагались на возвышенностях, ближе к коренным берегам, то в VI в. они частично "сползают" поближе к воде, на пойменные возвышенности. Такой тип расселения сохранялся до начала X в. По мере расселения новые поселки основывались вдоль тех же рек, что и раньше, или же поблизости, на притоках этих рек. Водная сеть, таким образом, была элементом, соединявшим скопления поселений. При выборе мест для поселений учитывались, с одной стороны, доступ к воде, с другой - достаточная высота участка для защиты от паводков. При наличии широких речных долин поселения размещались обычно на пойменных возвышенностях, дюнах. Там же, где коренные берега подходили к самой реке, поселения оказывались на краях обрывов и при меандрировании русел перемещались по долинам. Но большинство известных сельских поселений располагались по берегам малых рек и ручьев. При этом основное число раннесредневековых поселений концентрировалось на свободных от лесов участках, что, как и в Восточной Европе, объясняет наличие малолюдных и относительно густо заселенных мест. Четко очерченные скопления появились в VII в., что свидетельствует об увеличении населения. Это вело к расселению на свободных от леса землях. В такой ситуации при выборе места поселения играла роль и освещенность данного участка солнцем. Внутри свободных от лесов территорий большую роль играло качество земли. В раннем средневековье, как известно, селились обычно на плодородных, но легких почвах. Но известны поселки и на почвах менее плодородных. Это связано скорее всего с преобладанием там животноводства, охоты, рыболовства. Промыслово-охотничьи были, вероятно, и немногие лесные деревни, отмеченные, в частности, на юго-востоке Польши. На размещение населения влияли также традиции расселения, наличие залежей сырья, расположение торговых путей, межплеменные границы; не исключено, что учитывалась и привлекательность пейзажа. В меньшей степени принимались во внимание соображения безопасности неукрепленных поселков [488, с.120; 502; 534,с.114-115; 535,с.343; 561,с.52; 600,с.141-146,171-172,карты 1,2; 601,с.55-71; 654,с.329-330; 676,с.196-199; 683,с.185; 689; 690,с.20-69; 691,с.311; 694,с.26-57; 695,с.108; 765,с.31-37,360-361; 767,с.81-82; 853,с.64-69].

Максимальный рост поселений и, следовательно, увеличение плотности населения приходилось на VIII-IX вв. В Поморье, например, в VII-УШ вв. было заселено около 20% территории, а в IX в. наступило удвоение площади освоенного ареала. С конца IX в. отмечается уменьшение роста новых селищ, то есть наступает стабилизация сети расселения. В отдельных регионах, особенно в Великопольше, плотно заселенной в предшествующее время, такая стабилизация была выявлена уже с конца VIII в. Но по данным на начало X в. было заселено лишь 20% территории страны (при средней плотности около 3 человек на I км²), причем в большинстве районов Польши рост числа поселений и расширение ойкумены обычно не выходили за пределы речных долин [602,с.19-20; 690,с.20-24; 694,с.34-57,134; 695,с.III].

В X в. отмечен перелом в характере размещения населения. Оно как бы отдалялось от берегов водоемов, начинается освоение прибрежных возвышенностей, заселение периферии крупных скоплений населения и межрегиональных территорий, появляются поселения вдоль новых сухопутных коммуникаций, начинаются широкие порубки в пушах и осваиваются плодородные лесные земли. Соответственно уменьшается население в долинах

и низинах. Процесс этот характерен для второй половины X-XIII в. и определяет новый этап и развитии сельского расселения. Многие селища этого этапа, особенно появившиеся во второй половине X-первой половине XI в., были недолговечны, порой существовали по несколько десятков лет (до 100 лет), затем перемещались на незначительные расстояния. В это время, до середины (конца) XI в. основная масса жителей еще размещалась в долинах, а новый тип расселения только формировался, что дало основание некоторым исследователям выделить особый переходный этап - X-XI вв. Причины указанных изменений в сети расселения - в целом комплексе природных и социально-экономических причин. В начале II тыс. (XI-XII вв.) отмечен подъем уровня грунтовых вод, что осложнило, а то и сделало невозможным проживание в низинах. Освоения новых земель требовал рост населения, особенно в условиях начавшейся феодализации [500,с.79-103; 502,с.97; 561; 601,с.61.93; 602,с.26-27; 634,с.90; 674,с.353-354; 676,с.199-201; 677; 690,с.54-57; 691,с.313; 694,с.36-40; 765,с.33-36,365-366; 783,с.106-107,203; 795,с.29; 359,с.33-52; 863; 868; 869,с.123; 870,с.453-456; 872,с.118-119].

Начало внутренней колонизации было ознаменовано значительным уменьшением зависимости расселения от природного фактора [488,с.120], а также усилением роли социально-экономических причин, анализ которых, однако, выходит за рамки археологических изысканий.

Начало массовых расчисток в стране польские исследователи относят к XII в. Поначалу леса сводили сожжением, затем, особенно с начала XIII в. или его середины, стала преобладать раскорчевка. Наиболее интенсивно освоение новых земель и вовлечение их в хозяйственный оборот происходило в XIII-XIV вв. и, отчасти, в XV в. Формировались и границы между уездами, которые сложились в ходе колонизации уже к середине XIII в. [493,с.15-34]. Есть и косвенные следы активной внутренней колонизации. Это прежде всего те негативные последствия, которые она принесла - уменьшение лиственных лесов, что вело к понижению уровня грунтовых вод с одновременным увеличением опасности паводков (из-за сокращения способности лесов задерживать и вообще аккумулировать влагу), распространение песков. Все это отрицательно влияло на климат и уже с XIII в. отмечаются попытки охраны лесов [602,с.224-226]. Итогом этого, нового этапа расселения стало освоение новых площадей. В Силезии к концу XII в. было освоено уже около 30% территории [818,с.19], а в Западной Великопольше к концу XIII в. - примерно 40%. При этом с расширением площадей заселенных агломераций плотность населения уменьшалась, несмотря на общий рост числа жителей [610].

Примерно с середины XIII в. исследователи, опираясь не только на археологические, но и на письменные данные, констатируют интенсификацию освоения возвышенностей и водоразделов, куда перемещалась значительная часть поселений. В Средней Польше, например, в XIV в. в долинах жило уже менее половины населения (около 44,5%). Основную причину такого перемещения ученые видят в резком увеличении уровня паводковых вод, что было в значительной степени делом рук человеческих: начатые в ходе колонизации массовые порубки способствовали, как отмечалось, усилению стока вешних и дождевых вод в долины. Впрочем, массовые порубки продолжались и в XIV-XV вв., усугубляя ситуацию. Это явление было вообще характерно для тогдашней Западной и Центральной Европы, хотя имелись и локальные различия, в том числе и в Польше, вызывавшиеся разной интенсивностью лесных порубок и особенностями рельефа. Еще одной причиной создания новой сети поселений стало освоение значительной массой крестьян более совершенных агроприемов, позволивших поднимать лесную целину [472,с.363-370; 521; 522,с.10-105,135-155; 545,с.148; 677, с.186-194; 826,с.52-53; 372,с.119-120]. В XV в. отмечается определенный упадок процесса расселения, так называемое "запустение" [784]. В итоге к XVI в. в Польше уже существовало 60% современных деревень и сформировался современный аграрный пейзаж [868, с.82; 871,с.123]. Рассмотренные материалы позволяют выделить этапы с доминирующими тенденциями в расселении.

Для первого этапа - VI-IX вв. - характерно постепенное уменьшение удельного веса недолговечных поселков и возрастание количества стабильных деревень, наибольшее число из которых отмечено в VIII-IX вв. То есть происходит концентрация населения на стабильных селищах, часто вокруг городищ.

Второй этап - X - первая половина XIII в. - определяется новой волной расселения: растет число кратковременных, недолговечных поселков и соответственно уменьшается

процент стабильных, долговременных деревень. Наиболее активен этот процесс в X-первой половине XII в. С XIII в. количество кратковременных поселений уменьшается и вновь возрастает удельный вес средне- и долговременных селищ, то есть наступает новый этап стабилизации, но уже на значительно увеличенной территории [602,с.34-35; 765,с.66-71].

Общее число известных пока поселений возрастает с VI до VIII вв., затем стабильно до X в. и опять растет до XII в. Для XII-XIII вв. количественные данные свидетельствуют об уменьшении общего числа поселений. Единственное рациональное объяснение этого неожиданного явления - слабая археологическая изученность деревень с XII в., нередко перемещавшихся в иные, современные места и разрушавшихся позднейшей застройкой [765,с.71]. Но вероятно, с одной стороны, частичная концентрация населения в крупных поселках, что становилось возможным при трехполье, а с другой - уменьшение количества и размеров поселений в связи с перестройкой их хозяйства в ходе складывания доменов, что в Восточной Европе, как отмечалось, наблюдалось с XIV в.

Третий этап - вторая половина XIII-XV в. - формирование современного аграрного пейзажа в ходе массовых расчисток и сложения домениальных структур [См.265].

РАССЕЛЕНИЕ В ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ. Они отличаются от польских и восточнославянских, в основном равнинных, более сложным рельефом. Чехию и большую часть Моравии занимает Чехо-Моравское плато - холмистая плодородная равнина с Лабой и её притоком - Влтавой, окруженная с севера, северо-запада и юго-запада невысокими горными грядами, поросшими лесом и пересеченными отдельными проходами. Южная часть региона, примыкающая к долине Дуная, представляет обширную низменность, местами в древности носившая степной характер, с высокоплодородной почвой. На этой низменности находится около 40% территории Словакии. Остальные 60% ее территории приходятся на Карпатские горы, где горные кряжи расчленяются долинами притоков Дуная, Тисы и Вислы [137, с.13; 775,с.111-112,160].

Процесс средневекового расселения здесь непосредственно связан со славянами, первые поселения которых в Восточной Словакии (так называемого "прешовского типа") Б.Хроповски датировал рубежом III/IV вв., а более широкое освоение Словакии отнес к IV-V вв. [508,с.218]. Но сведения о тех веках крайне лаконичны и не во всем ясны. Достаточно четкие свидетельства заселения славянами чешских и словацких земель относятся к концу V-первой половине VI в. Поселения располагались тогда скоплениями по долинам крупных рек, на плодородных легких (в основном) почвах [113; 453; 645,с.213-215; 775,с.53; 845]. В ходе славянского расселения были возможны контакты с еще оставшимся германским населением. Но изучены они недостаточно. Материалы поселения Бржезно свидетельствуют об отсутствии там следов конфликтов между обеими этносами [761,с.137].

Древнейшее славянское население Чехии располагалось в безлесных местностях Средней и Нижней Лабы, нижней Влтавы и Огржи, в отдельных местностях среди лесов Южной, Северо-восточной и Восточной Чехии. В Западной Чехии было безлюдно. Первоначальный очаг моравского славянского населения находился в Поморавье и на Нижней Дые с притоками [775,с.116]. В Словакии в V-VI вв. были заселены отдельные местности востока и юго-запада. К концу VII в. уже было заселено около 2500 км² территории страны. В VIII-IX вв. славяне освоили плодородные равнины Юго-Запада и, отчасти, Запада Словакии (от Малых Карпат до р.Ипель), а также восточнословацкие низины южнее г.Кошице. 90% поселений VI-VII вв. располагалось на высоте до 200 м над уровнем моря. На удобных для земледелия местах находилось 64% всех поселений. Заселялись (по материалам Южной Моравии и Юго-Западной Словакии) долины, в том числе и затопляемые, небольшие аллювиальные возвышенности и песчаные дюны, края террас (высотой 170-200 м над уровнем моря), обычно в отдалении от берегов крупных рек, нередко на их малых притоках [328,с.24-28; 453; 454,с.177-181; 633,с.60-63; 658,с.473-481; 672; 675,с.160-161; 827.с.169; 374].

Население концентрировалось на относительно малых территориях, разделенных широкими полосами леса, что вело к локальной замкнутости, затрудняло хозяйственные и социальные связи [580,с.112]. Нерегулярные, экстенсивные системы земледелия обуславливали большие, чем позднее, сельскохозяйственные ареалы деревень, что вело к распыленной системе расселения в виде скоплений малых деревень, отделенных друг от друга или резервной землей, или лесами [840,с.27].

Для деревень этого времени зафиксировано непродолжительное существование на одном месте. Спустя несколько десятилетий - жизнь одного поколения - жители переселялись на небольшое расстояние. Такие перемещения происходили на определенной территории и нередко через некоторое время деревни оказывались на своих прежних местах. Эта нестабильность была связана главным образом, вероятно, с истощением земель и других угодий. Но могли играть роль гигиенические причины, пожары, наводнения, меандрирование рек и др. В иных случаях поселки оказывались стабильными, а у отдельных полей строились сезонные временки. Указанные перемещения были зафиксированы и на территории Восточной Германии, Польши, Украины [450,с.172; 762,с.97-99,114; 775,с.54].

Стабилизация полей отмечена с II в. [450,с.172,302; 752, с.97-114; 775,с.55], что означало новый этап в развитии расселения, длившийся примерно до рубежа XI/XII вв. К IX в. известно примерно 400 поселений. Для данного этапа характерно было прежде всего увеличение плотности населения в ранее освоенных долинных агломерациях, что привело к определенной кристаллизации очагов расселения, а в отдельных, наиболее плотно заселенных территориях и к началу освоения некоторых, более возвышенных и залесенных участков. Эти процессы были вызваны прежде всего ростом населения, для существования которого при тогдашнем экстенсивном характере ведения хозяйства уже не хватало сельскохозяйственных угодий. Происходивший во второй половине I тыс. распад родовых общин, сопровождавшийся выделением отдельных хозяйств в рамках соседских общин также требовал дополнительных земельных угодий [99; 405,с.258; 672; 707,с.195; 775,с.65-67; 886,с.170]. Освоению возвышенностей, особенно расположенных внутри заселенных агломераций, могло способствовать и наблюдавшееся в VIII-середине IX в. в Западной и Центральной Европе увлажнение климата, что увеличивало площади, подвергавшиеся паводкам и требовало переноса некоторых поселений на более высокие места [46,с.109].

Наиболее интенсивно росло население и увеличивалась плотность поселений вокруг центров складывавшегося государственного образования - Великой Моравии, которая, собственно, и выделилась вследствие благоприятной экологической и демографической ситуации, создавшей экономическую базу для интенсивного социально-политического развития. В исследованных местах Великоморавского княжества количество населенных пунктов в IX-середине X в. увеличилось в 3-4 раза и расстояние между ними составило 1-8 км (хотя не все выявленные поселения существовали одновременно) [707,с.195-199]. Политический упадок и, затем, распад Великой Моравии сказался на исчезновении ряда поселений в низовьях Моравы и Дыи в X в. Но с включением моравских земель в территорию усиливавшегося чешского княжества в том же X в. здесь возобновился рост населения [775,с.116]. Интенсивное развитие расселения, способствовавшее сложению и укреплению раннефеодальных отношений в чешских землях, было характерно для Средней и Северной Чехии X-XI вв. К концу XI в. в областях старого расселения, размещенных пятнами вдоль рек, одно поселение приходилось на 3,2 км² (что соответствовало 13-14 человекам на I км²). В недавно заселенных участках на одну деревню приходилось 5,4 км² (около 3-9 человека на I км²). В районе Праги в XI в. плотность поселений была равной современной, а в целом в Чехии было освоено около 45% территории (если считать за 100% заселенный ареал XIV в.). Более 70% поселений размещалось на береговых террасах (на высоте до 200 м над уровнем моря). Лишь по окраинам заселенных мест нехватка качественной земли вынуждала крестьян в XI в. селиться насколько выше, на менее выгодных землях [697,с.100-105; 879,с.52-63; 380,с.48-57,72]¹⁶.

Относительно крупные деревни (в 10-12 усадеб [647,с.326]) отличались в этот период стабильностью. Но рост числа хозяйств в них требовал освоения отдельных участков, что вело к появлению выселков по окраинам хозяйственных ареалов старых деревень. Отдельные такие одно- или малодворные поселки в дальнейшем, в силу многих причин, исчезали, другие - превращались в самостоятельные малые деревни, состоявшие из 2-3-х усадеб [301,с.326]. То есть структура расселения характеризовалась динамичностью, особенно для малых деревень, которые становились ведущими по количеству. Среди

¹⁶Но в том же Среднечешском Полабье еще не все благоприятные для тогдашнего проживания долинные земли в IX-XI вв. были заселены [373,с.298].

сельских поселений, располагавшихся обычно при укрепленных административных центрах, с X в. начинают выделяться пункты, в которых на первое место выходит неаграрная деятельность. Это был шаг к появлению средневековых городов [775,с.117]. Значительный рост числа поселений к концу XI в. характерен и для отдельных районов Моравии. Так, в окрестностях Брно на это время приходился пик основания новых поселений (по сравнению с предыдущими и последующими веками) [705,с.114]. В целом, наиболее благоприятные для земледельческого хозяйства территории Чехии и Моравии к концу XI в. были уже полностью освоены.

Интенсивно развивались демографические процессы на входивших в великоморавское государство землях Словакии. Там со второй половины IX в. также отмечается начало освоения более высоко расположенных участков и даже выход на предгорья с менее плодородными землями. Частичному перемещению населения из долин, несомненно, способствовали как отмеченные климатические изменения, так и венгерская экспансия, наиболее активная в X-XI вв. в Южной Словакии. В итоге к концу X в. до 1/3 всех известных поселений в словацких землях уже размещались над долинами. При этом надо иметь в виду, что для гористой Словакии более, чем для Чехоморавской области, были характерны неземледельческие - пастушеские и промысловые (охотничьи, рыбацкие) поселки, которые, особенно с IX в., фиксируются в местах, непригодных для земледелия. Но большая часть сельских поселений Словакии в X-XII вв. еще сохраняла континуитет с предшествующей структурой расселения и располагалась в речных долинах, на дюнах и береговых террасах [304; 398; 566,с.78; 568,с.58; 665,с.385-386; 717; 828. Кое-где в долинах еще, вероятно, сохранились и свободные площади, о чем могут свидетельствовать прослеженные Д.Бялековой случаи перемещения деревень (вокруг стабильных кладбищ:) в Юго-Западной Словакии и в X в. [452,с.87]. Деревни этого времени в Словакии были небольшими [567,с.300].

Новый этап расселения, выразившийся в выходе за пределы прежней ойкумены, в освоении поросших лесом водоразделов и возвышенностей, во внутренней колонизации, наиболее активно происходил в XII-XIII вв. (особенно во второй половине XII-начале XIII в.) [607,с.23; 707,с.200; 811,с.185; 880,с.75]. В этой колонизации с XI в. активное участие принимали светские и духовные феодалы [459,с.151-155; 650,с.895].

В XII-XIII вв. (особенно со второй половины XII в. в процесс внутренней колонизации включилась и основная масса населения чехоморавских земель, всё чаще по инициативе мелких дворян - шляхты и монастырей. В основном осваивались ближайшие к воде возвышенности, особенно располагавшиеся вдоль малых рек и ручьев. Происходило уплотнение и в областях древнего расселения [481,с.187; 580,с.189; 607,с.23; 649,с.15; 650,с.897-898; 698,с.118-119; 706,с.405; 873,с.77-78; 879,с.63; 880,с.75-104]. В Юго-Восточной Моравии среднее расстояние между деревнями достигло 1-1,5 км [810,с.178]. Обследовавший окрестности г.Угерско Градиште (Восточная Моравия) Р.Снашил обратил внимание и на то, что если в начале расселения, в конце XI в., новые поселки и на возвышенностях основывались среди наиболее плодородных земель, то в течение XII в. деревни стали появляться и на сильно пересеченных местах с некачественной почвой. То же отмечал в других моравских землях З.Мержински. Это также свидетельствует о перенаселении в областях древнего расселения в условиях хозяйственного оздоровления после присоединения моравских земель к Чешскому государству. На это же указывает и исчезновение некоторых деревень в старых агломерациях, население из которых уходило на осваиваемые земли [712,с.114; 811,с.185-186].

В Словакии XIII в. преобладало расселение в долинах, в областях старого расселения. Но уже начинало ощущаться отсутствие свободных земель. В лучше изученных районах деревни были расположены гуще, чем теперь. Поэтому новые поселения появлялись обычно не у воды, а повыше, по краям освоенных агломераций, порой и в менее благоприятных местах. С другой стороны, усиливавшаяся подвижность населения и развитие феодального хозяйства вызывали уход с некоторых малых деревень и концентрацию жителей вокруг поселений с церквями или феодальными усадьбами. Более широкое освоение возвышенностей относится здесь к XIV-XV вв. [474,с.379-330; 566,с.81; 567,с.229-300; 787; 849,с.206-207].

В ходе расселения XII-XIII вв. отмечено массовое возникновение недолговечных малых деревень, исчезавших по ряду причин (неудобное место, неудачная земля,

перераспределение владений в ходе феодализации и т.д.) через одно или несколько поколений. Но при запустении малых деревень их поля обычно не забрасывались, а распределялись между соседними укрупненными поселками, в которые часто и уходили крестьяне из покидаемых селений. Ряд низинных деревень переносился повыше из-за паводков [810,с.178; 811,с.186; 840,с.28-41]. В течение XIII в. в ряде районов Чехии и Моравии складываются основные черты современной сети сельских поселений. Так, в Северо-Западной Чехии в ходе колонизации к XIII возникло 30% из ныне существующих поселений (за всё предшествующее время до XI в. - 45%, за вторую четверть XIII-XVIII в. - еще 19%). Если в конце XI в. одно поселение приходилось на 5,4 км², то к концу XIII в. - на 3,3 км². Но в условиях начавшегося сведения лесов на новых местах появляются неравномерно заселенные анклавы. При этом 23% поселений располагались выше 200 м над уровнем моря, на менее качественных почвах, в отдалении от рек (в качестве источников воды использовались ручьи или колодцы) [775, с.116; 380,с.86-87]. Отток населения на новые места вызывал, естественно, уменьшение числа жителей в старых поселенческих агломерациях, особенно в тех, которые в XI-XII вв. были заселены наиболее плотно. Этот процесс отразился в росте размеров поселений с XI в. и уменьшении - в XIII-XIV вв., что подметила Г.Седлачкова [795].

В целом, в ходе рассмотренного этапа расселения, совпадающего в своей основной части с периодом Пржемысловичей (от Пржемысла I - 1197 г. - до убийства в 1306 г. последнего мужского представителя рода - Вацлава III), в условиях внутренней колонизации и вовлечения в хозяйственный оборот новых земель происходит подъем сельского хозяйства [811,с.186], основой которого становится производство хлеба. На новых, более тяжелых землях, начинает применяться плуг и осуществляется прогресс в агрикультуре (об этом - ниже). В этих условиях происходит переход к денежной ренте [775,с.189; 811]. То есть динамика процесса расселения в рассматриваемый период связана с общими процессами социально-экономического развития Пржемысловского государства и в определенной степени сама обусловила эти общие процессы. Вместе с тем более замедленный, по сравнению с Западной Европой, процесс складывания крупного феодального землевладения и, отсюда, более медленный рост потребности в расширении земледельческой продукции обусловил начало массовой колонизации в Чехии в XII в. на столетие позднее, чем в западноевропейских странах [775,с.115]¹⁷.

С 20-30-х гг. XIII в. процесс расселения активизировался и количественно и качественно, что позволило ряду исследователей выделить с этого времени новую фазу внутренней колонизации. В хозяйственной деятельности, в отличие от спорадических изменений предшествующего времени, в этот период совершается коренная перестройка (и в материальной культуре, и в сельскохозяйственном производстве - см. ниже). Происходят изменения в организации феодального хозяйства и социальной структуры общества [775,с.187-190] В колонизацию вовлекаются и иностранные поселенцы - в основном - из германских земель. В крайние западные области Чехии немецкие колонисты начали проникать уже в первой половине XII в. [573,с.522-526], в другие чехоморавские земли - с XIII в. Эти колонисты, в основном - крестьяне, осваивали свободные земли на возвышенностях, в том числе и в лесных областях. Селились они, как показали исследования П.Харвата в Восточной Чехии, и совместно с чехами, и обособленными анклавами [606; 775,с.197].

Сам процесс был направлен на полное освоение водоразделов: в Чехии - горных областей на окраинах и внутренних землях, в Моравии - лесных земель [432,с.195; 775,с.191]. Примерно до середины XIV в. были освоены многочисленные возвышенности, полонины, на высоте 300-400 м над уровнем моря. Отсутствие на новых местах водоемов компенсировалось колодцами и прудами. На больших массивах сводились леса¹⁸. По

¹⁷Эти различия с Западной Европой (особенно с северофранцузской моделью) характерны были и для других центрально-европейских земель. Они начали проявляться ярче с X в., когда в наиболее развитых областях к западу от Рейна завершилось складывание феодального землевладения [133,с.225-232; 775,с.115].

¹⁸На Драганской возвышенности в конце XIII-начале XIV в. не менее 3000 га лесов пошло под пашню [807,с.142].

размерам новые деревни были обычно меньше тех, что остались в областях старого расселения, но располагались они очень плотно (в ряде мест плотность сети поселений превышала современную) [649,с.16; 650,с.897-398; 733,с.171-173; 740,с.182; 801,с.325; 810,с.179; 379,с.63-65; 380,с.118-128,171-173]. Отмечены и относительно крупные деревни, насчитывавшие более 20-ти усадеб. В течение XIII-XIV вв. в сеть расселения вплелись и десятки местечек [478,с.13; 804,с.105].

Однако сложившаяся структура расселения просуществовала недолго. Уже с середины XIV в. количество покинутых поселений начало превышать число вновь создаваемых. В целом, среднее время существования возникавших в ходе колонизации деревень не превышало 200-250 лет, а нередко - только столетие [439,с.44; 810,с.180].

Вообще, надо иметь в виду, что в ходе всей предшествующей истории расселения процесс создания одних поселений постоянно сопровождался забрасыванием, исчезновением других (старых). Но, за исключением периодов каких-либо катастроф (вызванных природными явлениями или эпидемиями), обычно локальных и не очень продолжительных, количество поселений неуклонно росло, что отражало демографический прогресс. Так, исчезновение в XI-XIII вв. ряда деревень в перенаселенных областях старого расселения в долинах вызывалось отливом избыточного населения на свободные земли возвышенностей, где создавались новые поселки. При этом забрасывались обычно или выселки, или деревни, оказавшиеся в невыгодных условиях при изменении гидрологического режима. Теперь же уменьшение количества деревень оказалось массовым явлением, венчавшим внутреннюю колонизацию почти во всех тех районах, где она велась наиболее интенсивно.

В отдельных местах Чехии и Моравии, которые в XII -XIII вв. осваивались очень активно, вплоть до почти полного сведения лесов, массовое забрасывание деревень, особенно мелких, началось уже с конца XIII в., вслед за полным заселением данной местности [643,с.466-467; 808]. Но массовое исчезновение поселений на колонизованных землях, означавшее завершение процесса колонизации, началось во второй половине XIV в., распространилось в ряде мест на XV в. и первую половину XVI в. В отдельных районах Центральной и Юго-Западной Моравии с конца XIV в. до конца XV в. исчезло от 1/4 до половины известных тогда деревень, в окрестностях Угерске Градиште за XV в. исчезло около 16% тогдашних поселений¹⁹ [482,с.196; 709,с.51; 733, с.171; 745; 808,с.262; 810,с.180-181; 811,с.211-212].

В Словакии, в соответствии с общим ходом расселения, в XIII-XV вв. еще шло освоение новых земель с увеличением числа деревень с 2300 в XIII в. до 3500-3800 в XV в. (общее число сельских жителей выросло от 120 тыс. в IX в., 300-350 тыс. в конце XIII в., до 480 тыс. к концу XV в.). Массовое запустение аграрных поселений отмечалось здесь с середины XV до конца XVII в., причем больше деревень забрасывалось в долинах [568,с.237-249,371-372; 881].

Причин указанного процесса много. Они, как и само явление, не были исключительно чешскими [688]. Раскрытие этих причин в 60-80-е гг. стало возможным прежде всего благодаря размаху археологических исследований. Анализ археологических данных в сочетании с письменными материалами и результатами историко-демографических и историко-географических исследований позволил выделить комплекс хозяйственных, социальных, экологических, демографических и политических явлений, породивших угасание большого числа деревень.

Интенсивное освоение новых земель с массовыми расчистками под пашни вело к нарушению сложившегося гидрологического режима (усилению наводнений,

¹⁹Процесс запустения часто вел к наступлению лесов на культурные ландшафты. Особенно это было заметно в местах массового забрасывания деревень в XV в. В районе Йиглавы, например, 45% лесов (данные 1825 г.) росли на местах древних полей. На Драганской возвышенности 15% средневековых полей теперь покрыты лесами [487,с.130; 647,с.467; 699,с.153-156; 838,с.423-424].

заболачиванию низких мест с одновременным падением уровня грунтовых вод на возвышенностях и пересыханием верховых ручьев) и сокращению мест для выпаса скота. Интенсивная эксплуатация полей, часто менее плодородных, чем в долинах, вела к их истощению (пока не научились применять новые агроприемы и регулярно удобрять почву). Высокая густота сложившейся в ходе колонизации сети поселений породила дефицит и земельных резервов, необходимых для жизнеспособности деревни. Чаще забрасывались менее продуктивные поля на возвышенностях. Постепенно выявлялось и неудобство в расположении ряда колонизационных деревень [482,с.201-202; 568,с.371-372; 647,с.467; 709,с.52; 733,с.157,173; 852,с.171-172; 932,с.130].

Не менее важную роль играло экономическое развитие деревни, особенно хозяйственная деятельность феодалов. XIII-XIV вв. - это время массового оседания на землю шляхты (см. ниже), которая искала способы повышения доходов со своих земель и, нередко, переселяла зависимых крестьян в своих интересах (производила перепланировку полей, создавала пруды для разведения рыбы). В условиях хозяйственного развития страны и распространения денежной ренты при так называемом эфитевческом ("немецком") праве, ликвидации крестьянских прав на общинные угодья, в XIV в. усилился нажим на крестьян, особенно в более организованных монастырских владениях. Всё это способствовало бегству крестьян, что стимулировало и развитие чешских городов в это время. Не случайно многие исследователи отмечают влияние городов на исчезновение деревень в их округах. И сами крестьяне постепенно приспосабливались к новым условиям хозяйствования на индивидуальных полях, тоже нередко переселялись в более удобные места [568, с. 371-372; 646, с.130; 647, с.467; 705,с.115-116; 811,с.214-215; 852,с.170-172]. В XV в., особенно к концу столетия, прибавляется хозяйственная разруха как результат гуситских, затем чешско-венгерских войн [439,с.42-44; 709,с.51-52].

Безусловно, нельзя отрицать влияние на запустение деревень моровых поветрий, пожаров, наводнений и т.п. Эти явления, однако, имели более локальное воздействие и во времени, и в пространстве - после прекращения их действий поселения часто возрождались [709,с.123-133; 811,с.214-215].

Такова общая характеристика причин, приведших к завершению процесса освоения новых земель и несколько восстановивших равновесие между земледелием и другими видами хозяйственной деятельности деревни. Увеличивались расстояния между деревнями, возрастала площадь пастбищ и резервных угодий, на которых при благоприятных условиях стали культивировать виноград. Наиболее непродуктивные земли вновь зарастали лесами, что несколько смягчало негативные экологические последствия массовых расчисток (увеличение влажности атмосферы, усиление ветров, увеличение оттепелей, и частых разрушительных паводков, смыв почвы, заиливание рек и прудов).

В итоге, в XV в. сложилась наиболее оптимальная для тогдашних условий сеть расселения [437,с.430; 310,с.131]. Следовательно, процесс запустения коснулся прежде всего реорганизации сети расселения. Но в нем нельзя видеть отражение экономического и демографического упадка. Происходило изменение структуры поселений, выразившееся в тенденции к концентрации населения в более крупных поселениях, доживших до наших дней [801,с.326].

В целом, процесс сельского расселения в чехоморавских и словацких землях прошел несколько этапов. Период от VI до VIII-IX вв. был характерен созданием сети поселений в речных долинах. Для IX-XI/XII вв. констатируется прежде всего консолидация населения в областях прежнего расселения. Но параллельно с этим начинается процесс расширения ойкумены за счет освоения прилегавших прежде всего к густонаселенным агломерациям возвышенностей. Это был этап постепенного перехода к новому типу расселения, который затем сложился в ходе внутренней колонизации, наибольший размах которой приходился на XIII-XIV вв. В Словакии этот этап датируется XIV-XV вв. Затем, в XIV-XV вв. в Чехии и в XV-XVII вв. в Словакии в ходе так называемого запустения происходит корректировка характера расселения и в общих чертах сформировался современный аграрный пейзаж.

РАССЕЛЕНИЕ В ЗЕМЛЯХ ПОЛАБСКИХ СЛАВЯН. В течение V-VI вв. на данной территории, а также в соседних польских и чехоморавских землях исчезает древнегерманское население [328,с.24-29; 511, 231; 616,с.70; 664]. Параллельно междуречье Эльбы-Одера осваивается славянскими племенами, которые к концу VII-началу VIII в.

вышли к западному пределу своего расселения - бассейну Эльбы-Заале [463,с.167; 511,с.232-233; 594,с.145]. Селились славяне обычно на тех же местах в долинах, где раньше жили германцы, чаще лишь ближе к воде, но нередко и непосредственно на местах германских поселений. Однако о прямых славяно-германских контактах данных пока нет. Вероятнее всего, заселяя наиболее удобные места, славяне уже не заставляли там германцев. Таким образом, смена населения в регионе не нарушила континуитет расселения, сложившийся в железном веке, но между большинством раннеславянских поселений, заложенных на местах более ранних, германских, континуитета почти не было [389,с.263; 511,с.234; 548; 592,с.59; 593,с.12; 598,с.170; 616,с.69-72; 663; 681; 789,с.21].

В VI-первой половине VIII в. заселяются свободные от лесов места и редколесье в речных и приозерных долинах, в том числе на всхолмлениях заболоченных низин, обычных там, где прежде жили германцы, но нередко, как отмечалось, ближе к воде (из-за падения ее уровня - ?). Из-за заселенности большинства лучших земель предпочтение отдавалось сухим малочлененным участкам прежде всего в широких старых долинах, по конечным моренам с сильно изменчивой структурой почв: глинистыми, суглинками, лёссами, песчанистыми. Отмечается, что поначалу были освоены не все из заселенных прежде агломераций. Но к концу VII-началу VIII в. сложилась уже вполне четкая сеть поселенческих агломераций, разделенных неплодородными песчаными зонами и лесными массивами в 20-50 км. Не исключены и отдельные порубки в VI-VII вв. вокруг поселений [409, с.14-21; 63,с.167-170 и сл.; 504; 590,с.12,242-248; 611,с.101-116,154; 661,с.10-II]. В целом, для указанного времени характерен процесс активного освоения пригодных для обитания мест. Судя по заселенным участкам и почвам, нужды земледелия еще не получили определяющего значения при выборе мест поселений. Очевидна существенная роль в добыче пропитания скотоводства и рыбной ловли (см. подробнее в разделе "Хозяйство"). В целом, для указанного времени характерен процесс активного освоения славянами прежней ойкумены и приспособления к новым ландшафтам.

В середине VIII-X вв., в основном, сохраняется предыдущая сеть расселения. Лишь в Восточной Австрии, западнее Эльбы и на севере, в Мекленбурге, осваиваются новые ареалы. Чаще же новые поселения возникают в уже освоенных агломерациях, обычно по соседству с более старыми, иногда приходят им на смену; то есть происходит перемещение населения в сложившихся агломерациях. Сочетание долго- и кратковременных поселений, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга, по обеим берегам ручья, прослежено у Торнова. В отдельных местах на северо-западе бывшей ГДР в IX-X вв. выявляется непродолжительная, но более высокая, чем обычно, концентрация жителей на одном поселении. Увеличение размеров деревень и общей плотности населенных агломераций к концу периода отмечают многие исследователи. Исходя из густоты расположения поселений, Й.Херрманн определил, что в указанное время радиус хозяйственных территорий вокруг селищ составлял всего 0,75 км, а вокруг городищ - 1,5 км. Кое-где начались порубки примыкавших лесов. Иными словами, к концу I тыс. на современных территориях уже становится тесно [453,с.164; 499,с.167-168; 527; 532,с.41; 551,с.654; 590,с.11-12; 592; 593,с.12; 612].

Таким образом, середину VIII-X в. можно выделять в отдельный период, ибо он характерен, в отличие от предыдущего времени, прежде всего ростом не ойкумены, а плотности населения в уже сложившихся агломерациях. Характерным явлением этого времени у ряда племен было строительство укрепленных поселений, постепенно появившихся во всех агломерациях.

Период XI-XII вв., называвшийся в литературе бывшей ГДР поздне-славянским, характерен существенными изменениями в системе расселения. Из под лесов расчищались плодородные почвы, стирались ранее четкие границы между скоплениями поселений. Особенно интенсивно этот процесс происходил на северо-востоке Германии, у ободритов. Отмечено, хотя и не так четко, как в чехоморавских землях, движение на более возвышенные места, что, по мнению Херрманна, было связано с происходившим в X-XII вв. интенсивным повышением уровня рек [499,с.20-21; 584; 591,с.135; 592; 612; 685,с.13; 726]. Но связано это было и с демографическими проблемами - образовавшейся в ряде мест избыточной плотностью населения. Освоение новых земель разрядило обстановку и радиусы хозяйственных ареалов (по Херрманну) увеличились для селищ - до 1,2 км, для городищ - до

2 км [590,с.11-12]. В итоге на территории Восточной Германии; как отмечала Э.Грингмут-Дальмер, были заложены основы сети расселения нового времени [551,с.658].

Но в XII в., как известно, естественный процесс развития полабских славян был прерван немецкой колонизацией²⁰. Анализ этого процесса не входит в нашу задачу. Можно лишь отметить, что в археологических материалах достаточно четко прослеживается массовое вытеснение следов славянской материальной культуры (прежде всего - керамики) немецкой в XII-XIII вв. В ходе этого процесса изменилась и система расселения. Если основная масса славянских деревень тяготела к речным долинам, то немецкие колонисты чаще осваивали более возвышенные места краев делювиальных плато и долин. Если на этих участках уже были славянские деревни, колонисты селились поблизости или рядом и к XIV в. следы славянских поселений как самостоятельных единиц исчезают. По мнению исследователей, славянское население перемещалось в немецкие деревни. К XIII в. немцы заселили и большую часть славянских городищ, а также основывали вблизи от них свои укрепленные поселения и деревни [528,с.151; 592,с.59; 593,с.12; 598; 698,с.102-103; 719; 729]. Впрочем, этот период существования славянского сельского населения изучен слабее предыдущих. Недостаток источников косвенно подтверждает постепенное исчезновение славянской материальной культуры после XIII в., то есть - ассимиляцию ее носителей.

Итак, VI-VIII вв. являются периодом расселения и хозяйственной консолидации отдельных групп славян, которые ассимилируют оставшееся незначительное местное население. Во второй половине VIII-первой половине IX в. этот период завершился и до конца X в. происходит интенсивное хозяйственное и демографическое развитие края, складывается сеть городищ - административно-политических центров, отразившая развитие социальной дифференциации в обществе. Наконец, в XI-середине XII в. (местами с X в.) отмечено некоторое расширение освоенного ранее ареала путем расчисток. На это время приходится складывание государственных институтов у ряда племен и борьба с немецкими феодалами [499,с.69].

В течение всего рассмотренного времени излюбленными местами славянских поселений были мысовые и долинны возвышенности, надпойменные террасы. Были заселены все агломерации, освоенные в железном веке и много новых мест. Большинство поселений существовало в течение нескольких поколений. Преобладали небольшие поселения, с населением около 100 жителей [499,с.154-160; 505,с.139].

РАССЕЛЕНИЕ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ. Как и другие территории Центральной Европы того времени, земли древних германцев были лесными и население располагалось островками, скапливаясь в безлесых ареалах (сельскохозяйственные поселения) и отчасти - в редколесье (промысловые деревни). Даже пастбища часто тоже были в лесах (что, впрочем, и позднее - не редкость). Лучше исследованы регионы северного побережья Германии, где поселений первых веков новой эры выявлено больше всего. Чаше селения располагались в долинах и на береговых террасах. Даже в гористых районах Тюрингии, Гарца, Среднегерманских гор селились не выше 500 м над уровнем моря. Осваивали обычно не самые лучшие почвы, ибо они были заняты густыми лесами. Но свободные от лесов черноземы в области Эльба-Заале были заселены плотно. Таким образом, выбор мест поселений зависел, прежде всего, от качества почв, свободных от лесов пространств, близости к воде и степени увлажненности местности [528,с.90-91; 613,с.21-27; 614; 615,с.115-116].

Относительно стабильная картина, даже с некоторым ростом числа поселений, наблюдалась до IV в. Примерно во II-III вв. франки продвинулись на юг к заселили долину Мозеля (область Айфельн). Но с IV в. отмечено уменьшение числа поселений, прежде всего на северном побережье, где это было связано с начавшейся трансгрессией (повышением уровня моря). Увлажненность отразилась и на других германских землях, где в IV в. отмечено перемещение поселений повыше (например, германской деревни у Торнова). На

²⁰В районе Мекленбурга этот процесс начался раньше: если в X в. там были только славянские материалы, то в течение XI-X вв. следов немецкой материальной культуры здесь стало в 3 раза больше, чем славянской. Автор исследования, Э.Никель предполагает, что это отразило трехкратное преобладание здесь немецкого населения [747].

запустение повлияло и начавшееся тогда же широкое перемещение племен (так называемое Великое переселение народов). Этот процесс продолжался и в V в. В связи с перемещением в Галлию, Британию, на территории других римских провинций целые области Северной, Западной и Восточной Германии почти обезлюдели. Особенно это относится к землям восточнее Эльбы. Такая ситуация сохранилась и в VI в., а местами и позднее (в Шлезвиге, например, и в VII в.). Но в отдельных местах, например на Мозеле и в Саксонии, прослежен континуитет поселений с начала новой эры. То есть, запустение имело региональные особенности. Для уточнения картины требуются дальнейшие исследования. В целом, средняя плотность населения на территории Западной Германии к середине I тыс. составляла 2,4 человека на I км² (около 600 тыс. человек). Часть освоенных ранее земель вновь покрылась лесами [133,с.133,245; 435,с.125-147; 528,с.99-115; 613,с.245-248; 617; 620,с.99; 625,с.320,351; 629,с.111; 376]. Таким образом, в середине I тыс. практически во всех германских землях наблюдается сокращение населения и заселенных агломераций.

В течение VI в. и интенсивнее - в VII в. происходил рост числа поселений и несколько увеличилась ойкумена. Исключение, пожалуй, составили северные, приморские земли, слабо заселенные до IX в. В остальных же регионах население прежде всего восстанавливалось на лучших сельскохозяйственных угодьях, легких почвах, затем осваивались широкие долины и их края, дюны, надпойменные террасы, обычно до высоты 300 м (редко - до 400 м, но не выше). Интенсивнее заселялись долины крупных рек, реже - притоки. Первоначально, в отличие от римского времени, осваивались малые агломерации, с близкорасположенными или, наоборот, редкими поселениями, окруженными лесами. В VII в. наиболее интенсивно заселялись земли алеманов, франков, баваров, тюрингов, Шварцвальд (Верхний Дунай, Верхний и Средний Рейн). Там резко увеличивалась плотность населения. Местами начались и первые в средние века расчистки. В ряде мест количество поселений увеличилось в VII в. по сравнению с VI в. в 5 раз и во столько же раз стало больше погребенных на кладбищах. Если в VI в. в этих землях выделялись места, где на одного жителя приходилось примерно 3,3 км² (то есть 2 хозяйства - 50 человек на 300 га), то в VII в. на I км² жило уже более 53 человек (14 хозяйств - 350 человек на той же площади в 300 га). Э.Грингмут-Дальмер, исходя из этого, считает, что на указанной территории в течение VI-VII вв. были заложены основы современного культурного ландшафта [133,с.245; 463,с.164; 512,с.252-253; 523,с.114-116; 555-557; 553,с.315; 611,с.47-49; 613,с.51,245-243; 617,с.79,113,127; 620,с.38; 729,с.117; 864,с.315; 865].

Сеть поселений в это время была нестабильна, многие из основанных поселков существовали недолго, другие, наоборот, дожили до развитого средневековья. Некоторые исследователи выделяют хронологические и региональные различия. Если в V-VI вв. у баваров и франков деревни обычно существовали недолго, по 10-50 лет, то поселки, основанные в VII в. у тех же франков и баваров - по 70-100 лет, у тюрингов - по 100-160 лет, у алеманов - по 400-450 лет [528,с.114; 550,с.341; 558,с.312-313]. Размеры деревень были различны: от хуторов и малодворных - до крупных, с 200-300 жителями [505,с.136; 317,с.502].

Таким образом, в VI-VII вв. начался новый этап расселения, в результате которого на большей части германских земель была восстановлена не только старая ойкумена, частично заброшенная в эпоху Великого переселения народов и ухудшения климата, но и, во-первых, повысилась плотность населения в ряде агломераций, во-вторых, началось незначительное увеличение культурного ареала путем расчисток. Лишь северогерманского побережья этот процесс пока еще не коснулся; там отчасти сохранялись лишь старые поселения.

Исходя из изложенного, следует уточнить положение, из т. I "Истории крестьянства в Европе", где со ссылкой на Г.Янкуна указано, что после Великих географических открытий новые поселки создавались на новых местах [133,с.97]. Да, так часто бывало, прежде всего, вероятно, из-за изменений гидрологического режима. Но это было в тех же местах, которые были заселены до запустения. Иными словами, речь идет не о континуитете поселений, а о континуитете расселения.

Нелишне отметить, что в VII в. наблюдается увеличение размеров поселений и в Северной Галлии [133,с.223].

В VIII-X вв. продолжались тенденции предыдущих 100-200 лет, но процесс роста населения и освоения прилегающих участков, прежде всего путем расчисток, идет более интенсивно. При этом, однако, следует подчеркнуть, что сохраняется прежний, долинный

тип расселения. Обживаются новые дюны, террасы, но поселения обычно не поднимаются выше 400 м над уровнем моря. В итоге во многих агломерациях увеличивается плотность населения²¹. В прирейнских землях, у алеманов (юго-запад Германии), например, в VIII в. на одно поселение приходилось всего 2,5-3 км² (поселения здесь были малодворными). Рост ряда агломераций приводил нередко к их слиянию в более крупные скопления населения, из которых уже можно выделить территориально-административные образования. Сеть поселений остается динамичной: активно основывались новые деревни, многие - ненадолго (лет на 100). Возможно, это было связано с освоением новых участков, но могли быть и иные, более частные причины запустения. Сохраняется разброс в размерах поселений [133,с.245; 494; 505,с.136; 528,с.115; 536; 556; 557,с.55; 559; 613,с.213-214; 617,с.128; 628,с.354; 876-877].

Наконец, с IX в. начался рост населения на юге Ютландии, в Шлезвиге и Гольштейне. Новые поселения появляются прежде всего на тяжелых, но более плодородных в данном регионе почвах. В течение IX-XI вв. создается ряд заселенных агломераций, в том числе и путем расчисток [611,с.52; 618,с.151-164].

Как видно, время от VI-VII вв. до конца X в. характерно динамичным развитием сети долинного расселения как в старых, окультуренных ландшафтах, так и частичным заселением, особенно с VIII в. еще неосвоенных приречных участков. В этих процессах отразился, с одной стороны, демографический и хозяйственный прогресс, с другой - начавшаяся политическая консолидация (см. ниже).

До XI в. в германских землях в сельскохозяйственный оборот вовлекались, прежде всего, те земли, которые можно было обработать с помощью простейших сельскохозяйственных орудий. Оставались неосвоенными не только лесистые склоны и возвышенности, но и переувлажненные земли в долинах, а также на побережье Северного моря [134,с.168]. С XI по XIII вв. в изучаемом регионе происходила известная для средневековой Западной и центральной Европы так называемая внутренняя колонизация - расчистки и освоение прежде всего лесных водоразделов. Этот процесс в германских землях хорошо известен благодаря исследованиям историков и историко-географов, поэтому археологи изучают его не столь интенсивно. Мало исследовано и селищ, возникших в ходе этого расселения. Среда немногих - полностью раскопанных В.Янсеном деревня XII-XIV вв. Кёнигсхаген, расположенная в гористой и лесистой местности, среди не очень плодородных земель [622,с.94-98]. Вовлечение в оборот худших в сельскохозяйственном отношении мест - характерная черта этого этапа расселения. Поселения отрываются от долин крупных рек, что хорошо изучено на Среднем Рейне. Появляется много новых, обычно некрупных деревень, исчезают некоторые старые [528,с.145-146; 628,с.290; 731,с.98]. Это было, очевидно, следствием ухода части населения на новые земли. Исчезновение некоторых старых деревень в ходе колонизации недолговечность иных Янсен выделил в очередной, третий период средневекового запустения [626,с.351]. Авторы т.1 "Истории крестьянства в Европе" в связи с этим констатируют снижение темпов расселения в X-XI вв. [133, с.245]. По едва ли можно в условиях массовой колонизации принимать исчезновение ряда поселений в старой области расселения за демографический упадок, пусть и временный. Тем более, что помимо оттока населения, определенную роль могло играть и отмеченное выше изменение гидрологического режима - повышение уровня рек в X-XII вв.

В тот же период, со второй половины XI в., но особенно интенсивно в XII-XIII вв., в восточногерманских областях происходила так называемая внешняя колонизация, связанная с завоеванием немецкими феодалами земель к востоку от Эльбы и переселением туда немецких крестьян. Оставив в стороне все другие составляющие этого процесса, укажем лишь на то, что он отразился на характере расселения. Уже отмечалось, что немецкие деревни возникали вблизи старых, славянских, но выше. Если славянские поселения отражали приречный, долинный тип расселения и тяготели к водотокам, немецкие воплощали тот тип расселения, который сложился в западных землях в ходе внутренней колонизации, при котором поселения основывались обычно на водоразделах. Это вызвало усиление порубок в регионе с XII в. В районе Берлина, например, с середины XII в. до середины XIII в. было основано около 200 новых деревень, многие из которых ВОЗНИКЛИ на

²¹Этот процесс можно проиллюстрировать динамикой развития поселения Мансдорф у Бремена: в середине. III-V в. в нем жило около 80 человек, в VI-середины VIII в. - осталось всего 15-20 жителей, а во второй половине VIII-первой половине IX в. - насчитывается уже около 75 человек [613,с.247].

местах расчисток. Безусловно, на выборе пришельцами мест поселений сказалось и указанное выше повышение уровня водоемов в это время [134,с.58; 584; 598; 789,с.21].

Представляется, и это подтверждается материалами из других западнославянских земель, что указанные различия в типах расселения имеют не этнические, а, прежде всего демографические причины. Полабские славяне к XI в. еще не достигли той плотности населения, которая заставила бы их, как на западе, а также в Польше, Чехии и Моравии начать интенсивно осваивать лесные водоразделы. Например, если в районе Берлина до немецкой колонизации жило около 5-10 тыс. человек, то уже к середине XIII в. их там стало 35-40 тыс. [593]. Хозяйственные различия тоже были, но они не столь уж разительны и играли вторичную роль (подробнее см. в разделе "Хозяйство"). Нельзя забывать и о том, что в ходе столь массового переселения, как немецкая колонизация междуречья Эльбы-Одера, осваивались, прежде всего, свободные земли, то есть опять таки водоразделы, особенно на первых порах, пока немецкие крестьяне составляли меньшинство.

Для периода XIV-XV вв. в западной историографии прочно закрепился термин "запустение". По историческим материалам оно было наибольшим на левобережье Верхнего Дуная, в нижнем и среднем течении Везера, в междуречье Везер-Эльба и в среднем течении Эльбы, в верховьях Одера. Слабее оно было выражено на Верхнем Рейне - Верхнем Дунае, в междуречье Эльбы-Одера и наименьшим - в низовьях Рейна-Везера [367,с.4]. По свидетельству А.Кренцин, в Восточной Германии за это время исчезло 28-40% поселений [65С,с.157-160], а Х.Керн в Северном Гессене к VI в. констатирует исчезновение около 50% поселений [644,с.272]. Но как показали послевоенные археологические исследования, это запустение было, во-первых, далеко не единственным и средневековой истории Центральной Европы, а во-вторых, не столь катастрофическим. Скорее надо вести речь о перемещениях внутри хозяйственных ареалов. В целом, полевые исследования подтвердили идеи Г.Мортенсена и К.Шарлау о тесной связи изменения характера расселения этого времени с хозяйственными процессами: полным освоением земель в ходе колонизации и последовавшей затем перестройки земледелия в связи с распространением трехполья. Население стало концентрироваться на лучших землях, что привело к забрасыванию освоенных ранее неплодородных участков и возникших там деревень. Сохранившиеся поселения становились крупнее. Иными словами, уменьшение числа поселений - не обязательно свидетельствует о демографическом упадке. По мнению историко-географов, к XV в. в Германии сформировался современный аграрный ландшафт [443,с.341-355; 547; 611,с.272; 618,с.161-163; 625,с.348,351; 627,с.10-13, 97-99,221-247; 698,с.90].

Подведем итог. Освоение речных долин в раннем средневековье и рост плотности населения в них (от начала порубок в VII-VIII вв.) было общим явлением для Западной и Центральной Европы. При этом сохранялся дискретный характер расселения, ибо осваивались лишь наиболее доступные для обработки почвы [133,с.28; 134,с.44,46; 624,с.48]. Такие районы становились базовыми для дальнейшего расселения. При благоприятных гидрологических, экономических и политических обстоятельствах некоторые поселения, основанные в раннем средневековье, просуществовали многие сотни лет. Чаше, однако, жизнь таких старых деревень прерывалась на некоторое время, нередко с последующими перепланировками. Многие поселения вообще забрасывались, но число возникавших вплоть до конца XIII в. превышало количество заброшенных. По сводным таблицам Янсена, включавшим все исследованные поселения в лесной зоне Западной и Центральной Европы, видно, что большая часть селищ, возникших в начале средневекового расселения, в VI-VII вв., просуществовала по 100-200 лет. Из поселений, основанных в VIII-IX вв. почти две трети существовали по 300-600 лет, а из появившихся в XI-XII вв. больше половины имели возраст 200-300 лет [529,с.33; 627,с.13; 628,с.340-345].

Максимальное развитие сети поселений, таким образом, приходится на VIII-IX вв., когда старые области расселения германцев были практически полностью освоены. С этого времени в ряде мест у франков, саксов и западных славян отмечен континуитет в использовании полей [597,с.537]. Этот процесс совпал с установлением наиболее благоприятных климатических условий для сельского хозяйства (тепло и умеренно влажно) и был характерен также для междуречья Эльбы-Одера. Но в восточных областях плотность населения была, вероятно, меньше и в долинах еще оставались резервы для расселения, которое там шло вплоть до немецкой колонизации. На западе региона дальнейшее

демографическое и хозяйственное развитие было уже невозможно без расширения ойкумены. И освоение новых земель постепенно расширилось, пока не переросло в интенсивную колонизацию, внутреннюю и внешнюю.

В Западной и Центральной Европе наиболее интенсивное создание новых поселений приходилось на XII-XIII вв. и было связано прежде всего с хозяйственным прогрессом, особенно в агрикультуре. В итоге, для многих регионов, в том числе для левобережья Среднего Рейна (область Айфельн) вторая половина XIII в. характеризовалась максимальным количеством деревень за всю историю [627,с.193,199]. Сравнивая с чешскими материалами, Янссен указывал, что рост поселений в Рейнской области в XIII в. был более резким и произошел раньше, чем в Чехии. Исследователь справедливо объяснил это разной динамикой процесса расселения в указанных землях [627,с.196,218-219].

Затем, в XIV-XV вв. произошла корректировка сети поселений. Были покинуты наиболее непродуктивные пашни и соответственно заброшены расположенные рядом с ними деревни, обычно небольшие. Характерным стало стремление к концентрации населения в более крупных деревнях, что тоже вело к исчезновению целого ряда поселений. Историки и географы приводят и ряд других причин, не видимых сквозь археологические материалы. Впрочем, этот период расселения археологически еще слабо изучен, о чем свидетельствует и рассмотрение вышеуказанных таблиц Янссена. Связано это не только с недостатком интереса к поселениям данного времени при наличии многочисленных исторических и, в меньшей степени, картографических материалов, но и с плохой сохранностью самих памятников, жизнь на которых продолжалась многие столетия, часто вплоть до наших дней.

Итак, до начала массовой колонизации характер расселения определялся, прежде всего, природными условиями и состоянием народонаселения. Со складыванием феодального общества все более усиливался и социально-политический аспект, уже в конце I тыс. существенно влиявший на формирование сети поселений. Но реки еще оставались стержнями поселенческих агломераций, а особенности рельефа и лесов - политическими границами [597]. Дальнейшее расселение, широкая колонизация XI-XIII вв. уже в большей степени была связана, как отмечалось, с хозяйственным прогрессом, с началом активного подчинения природы потребностям человека, не всегда умеренным и разумным.

ВЫВОДЫ. Рассмотренные материалы свидетельствуют, что процесс средневекового сельского расселения в Центральной и Восточной Европе развивался в едином направлении, но в разные хронологические периоды. В восточно- и западнославянском ареале с начала средневековья до IX-X вв. характер расселения был в принципе идентичным: скопления поселений в долинах и на низких береговых террасах отделялись друг от друга сборными безлюдными, покрытыми лесами просторами. В таких условиях жили и древние германцы, но до VIII в. Затем в германском ареале началась интенсификация поселенческого процесса о постепенным освоением близлежащих к заселенным агломерациям возвышенностей, которая в XI в. переходит в широкое наступление на пустовавшие до тех пор водоразделы. К XIV в. процесс экстенсивного развития сельского расселения в германских землях завершился. У западных славян аналогичный этап освоения возвышенностей, затем и водоразделов начался с IX-X вв. и завершился в XIV-XV вв. У восточных славян при массовом росте числа поселений до XIV в. в целом сохранялся долинный тип расселения и лишь затем отмечается выход на водоразделы.

Как видно, с конца I тыс. в Центральной Европе процессы расселения развивались интенсивнее, чем в восточной части континента (в разных местах эта разница составила 100-200 лет). Основная причина различий в темпах расселения - демографическая. В течение VIII-X вв. в Центральной Европе были в основном исчерпаны резервы свободных земель в долинах. У восточных славян в это время и позднее избыточное население уходило на слабо заселенные соседние земли, что позволило сохранять традиционный тип расселения надолго.

В итоге, после "корректировки" расселения в XIV-XV вв. в Центральной, как и в Западной Европе, складывается современный аграрный пейзаж. В восточноевропейских землях к этому времени, вследствие меньшей плотности населения, сложились только основы современного расселения - сеть деревень на водоразделах. Насыщение этой сети происходило позднее.

РАЗДЕЛ IV.

ХОЗЯЙСТВО.

Глава I. ХОЗЯЙСТВО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Хозяйственное развитие доиндустриальных обществ, как известно, в значительной, если не в определяющей степени происходило в рамках, обусловленных природной средой. В процессе демографического развития и накопления опыта эти рамки постепенно раздвигались и в ходе приспособления к природным условиям происходило их дальнейшее познание и использование себе во благо, что впоследствии привело и к нарушению экологического равновесия со всеми известными и еще неизвестными отрицательными последствиями. Но в древности и в средние века воздействие человека на природу было еще слишком слабым и почти не приводило к отрицательным последствиям. Это вполне относится и к населению Восточной Европы, которое, как мы видели, и в процессе расселения, и при формировании среды своего обитания - поселений - прежде всего приспособлялось к окружающей среде. Лишь выход на водоразделы в XIV в. означал начало процесса перехода от усвоения природы к ее освоению и приспособлению под свои нужды²².

Таким образом, хозяйственная деятельность в рассматриваемое нами время происходила в стабильной географической среде и характерна постепенным переходом от экстенсивного к интенсивному типу. Наибольшее значение имело развитие земледелия.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Восточная Европа, как известно, отличается высокой степенью континентальности климата, которая вызвана удаленностью основного массива земель от морского побережья²³. Вследствии этого более низкие среднегодовые температуры Восточной Европы определили меньшую, по сравнению с западной частью континента, продолжительность времени, пригодного для сельскохозяйственных работ. Следует еще иметь в виду, что наиболее плодородные в Европе почвы черноземы степей Северного Причерноморья - испытывали недостаток влаги и были сильно задернованы, что затруднило их обработку легкими земледельческими орудиями. К тому же степи, привлекавшие кочевников, были для земледельцев небезопасны. Севернее залегает полоса менее мощных лесостепных черноземов, постепенно переходящих в серые почвы широколиственных лесов южной кромки лесной зоны. Эти почвы, хотя и не столь богатые, как степные, менее задернованы, то есть более легкие и увлажненные. К тому же лесостепь не была пригодна для кочевий, что создавало большую безопасность земледельческому населению. Севернее восточноевропейская территория покрыта подзолистыми и дерново-подзолистыми почвами лесной полосы. Те из почв, которые имеют глинистый или суглинистый состав, относятся к довольно плодородным, но преобладали в лесной зоне менее урожайные песчаные и супесчаные почвы; много здесь и заболоченных земель. С учетом указанных обстоятельств наиболее приемлемой для земледельцев была лесостепь и южная окраина лесной зоны, куда входила колыбель восточного славянства - Среднее Поднепровье. Именно здесь сложилась и наиболее динамично развивалась древнерусская земледельческая культура [104,с.5-10; 135,с.179-280; 174,с.108].

Наиболее древней на изучаемой территории была допашенная, подсечно-огневая система земледелия²⁴. Но на юге, в лесостепи, она с начала новой эры постепенно вытеснялась пашенной, и к VIII-X вв. была там уже практически изжита. В лесной же зоне подсека просуществовала намного дольше и пользовалась как способ вовлечения в хозяйственный оборот новых земель вплоть до 30-х гг. XX в. Но как основной способ обработки земли подсека просуществовала только до конца I тыс. Уже с VIII-IX вв., судя по

²²Водораздельный тип расселения на Северо-Западе Руси с VIII в., вызванный, как отмечалось, особенностями региона, не привел к более раннему наступлению там на лесные угодья, о чем свидетельствует сеть поселений, аналогичная другим регионам лесной зоны.

²³Подробно влияние природной среды на историю Восточной Европы рассмотрел А.В.Дулов [104].

²⁴Наиболее обстоятельно подсечно-огневое земледелие изучалось П.Н.Третьяковым, Б.П.Петровым и Ю.А.Красновым [174; 255; 364].

находкам железных орудий, земледельцы начали осваивать и пахоту. Впрочем, возможно и раньше безлесые участки в речных долинах, на полянах, обрабатывались без помощи огня мотыгами или несохранившимися рыхлящими орудиями. И этот опыт с появлением более совершенных пахотных орудий способствовал, очевидно, переходу к менее трудоемкому пашенному земледелию, особенно с X-XI вв. Тем более, что в условиях рассмотренного выше гнездового характера расселения пригодные для подсеки участки с достаточно взрослым и густым лесом (прежде всего смешанным и еловым) постепенно сокращались, а население росло. С другой стороны, подсека была необходима при освоения новых земель в лесной зоне. К тому же подсечные участки не требовали к себе регулярного внимания и поэтому могли располагаться в отдалении от поселений (по этнографическим данным - до нескольких десятков километров от постоянного жилья крестьян). Живучесть подсеки стимулировалась и большой урожайностью в первые 2-3 года (до САМ 20 - САМ 30). Поэтому, в условиях внутренней колонизации, которая охватила всю первую половину II тыс., подсека продолжала сосуществовать с пашенным земледелием. При этом, однако, надо различать подсечно-огневое земледелие как систему от применения способов подсеки лишь для борьбы с лесом, для расчистки участков под постоянные поля, под пашню. Во втором случае, очевидно, речь о подсеке уже не идет. Такая же ситуация была и в соседних прибалтийских и финно-угорских землях [1,с.20,70; 9,с.168-169; 23,с.73; 57,с.186-188; 69,с.34; 92; 97; 100,с.220; 112; 135,с.280-281; 147; 160,с.98-99; 168,с.258,281,304-305; 174,с.121-123; 242; 255; 333,с.45; 364; 379,с.26,63; 403,с.16; 423; 427а,с.146].

Умение добывать пропитание с помощью пахоты раннесредневековому населению лесостепи досталось в наследство, как отмечалось, от предшествующего времени. В лесной зоне первой формой пашенного земледелия можно считать лесной перелог, возникший, по-видимому, в ходе сокращения времени отдыха подсечных участков. В этом случае освобожденные от кустарника и молодого (не успевшего вырасти) леса делянки обрабатывались несколько сезонов пахотными орудиями, затем они, особенно расположенные вблизи поселений, могли использоваться в качестве выгонов и лет через 8-12 вновь расчищалась под пашню. Поскольку главным агроприемом стала распашка, сжигать могли лишь пни, а мелколесье использовали для хозяйственных нужд. Такая система на юге лесной зоны появилась в первой половине I тыс., а в течение второй половины I тыс. распространилась на все восточнославянские земля. В лесостепи и степи близкой к указанной была залежная система. Очевидно, таким способом обрабатывалась земли в относительно густо заселенных агломерациях, на безлесых участках, в опольях. Просуществовали обе эти системы, сочетаясь с подлинно пашенной - паровой - довольно долго. Лесной перелог известен и в XVII в.²⁵ [1,с.70; 9,с.169; 92,с.102-104; 100,с.220; 112,с.115; 135,с.281,337-359; 147; 174,с.107-111; 203,с.214; 204,с.137-141; 335, с.373; 364,с.35-36; 405,с.95; 423; 427а,с.141-146].

Постепенное накопление агротехнического опыта, усовершенствование пахотных орудий и, следовательно, качества обрабатываемой почвы при неуклонном сокращении свободных земель вели и к сокращению "отдыха" участков при перелог или залежной системе. Так осуществлялся переход к двухполью - первой форме паровой системы, при которой существовали стабильные поля, делившиеся на 2 части: поочередно засеваемую и остающуюся под паром. Первоначально сочетание этих частей, время их эксплуатации и отдыха, вероятно, было произвольным, нерегулярным (пестрополье). Но постепенно, опытным путем, выбиралось оптимальное сочетание этих элементов и двухполье становилось регулярным, с ежегодной сменой полей. Также постепенно складывался порядок чередования яровых и озимых культур. В дальнейшем упорядочение озимых, яровых и пара приводило к трехполью - наивысшему достижению средневековой агрокультуры.

Время складывания паровой системы и тем более время появления двух- и трехполья прослеживается, как известно, с трудом. В лесостепи о начале паровой системы,

²⁵Показательно земледелие русских переселенцев в Сибири. В период колонизации земель в XVI-XVII вв. сосуществовали подсека, перелог и паровая система [179,с.57-60].

выделявшейся из переложной или залежной, можно вести речь с VIII-IX вв., в лесной зоне - с X-XII вв. При этом о времени распространения трехполья существуют разные точки зрения. Неоспоримо его господство с XIV-XV вв. Но ряд исследователей видит его косвенные признаки уже в эпоху появления первых восточнославянских княжеств. Вероятно, в южнорусских землях переход к трехполью мог начаться уже на рубеже I/II тыс. Но его массовое применение, его ведущая роль среди других систем относится, безусловно, к более позднему времени. Особенно это касается севернорусских земель. Очевидно, для всей первой половины II тыс. было характерно сосуществование разных систем земледелия, среди которых прежде всего на старопашотных землях, особенно в давно освоенных агломерациях, развивалось и постепенно приобретало основное значение трехполье. Аналогичные процессы происходили и в Восточной Прибалтике, особенно с XIII в. [1,с.20; 10,с.461-462; 63; 89; 92; 100,с.220; 101; 104,с.61; 112,с.107; 127,с.112; 134,с.257; 135,с.281-282; 138; 160,с.96-97; 168,с.276,281,302; 174,с.162; 203,с.213-214; 204,с.137-141; 221,с.5-8; 246; 335,с.374-375; 364; 408,с.44-65; 427а,с.149].

ПОЛЕВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ. Набор и соотношение различных видов основных земледельческих культур - зерновых зависит, как известно, прежде всего от особенностей природных факторов и уровня агрикультуры. Так как почвенные, погодные и иные физико-географические условия в течение всего рассматриваемого времени оставались неизменными или менялись незначительно, то распространение разных видов злаков было связано с развитием прежде всего систем земледелия и производственного опыта людей. Вместе с тем на добытых археологами ботанических материалах отразилось отмеченное выше длительное сосуществование подсеки и разных систем пашенного земледелия, причем нередко на угодьях одного и того же поселения.

Наиболее полные данные о зерновых культурах I тыс. собраны на территории Украины (Г.А.Пашкевич). Фрагментарные материалы с более северных районов не противоречат этим данным. В течение всего тысячелетия заметна преобладающая роль проса. В несколько раз реже встречался ячмень, занимавший второе место. Третье место - до середины I тыс. было за пшеницей. Удельный вес ржи, незначительный в первые века I тыс. (сорняк-?), затем стал увеличиваться и после VI в. (озимая рожь) на ряде памятников даже несколько превысил роль пшеницы. В небольшом количестве выращивали овес, бобовые, лен и коноплю [10,с.167,465; 57,с.172-188; 135,с.335-336; 146, с. 312-321; 204,с.136; 245; 246; 408,с.35-36; 423; 427а,с.147].

С начала II тыс. соотношение основных выращиваемых культур стало изменяться интенсивнее. Постепенно, особенно с XII-XIII вв. и прежде всего в лесных землях ведущую роль стала играть рожь, пожалуй, единственная из - озимых культур (хотя встречалась и яровая). Среди яровых культивировались овес, пшеница, просо. Выращивались также бобовые, лен и конопля. В XII-XIII вв. появились посевы гречихи. Преобладание озимой ржи было почти повсеместным (местами до 83% всех злаков) и оно продолжало нарастать в послемонгольское время. Соотношение яровых было различным, что отражало прежде всего, очевидно, преобладание в тех или иных местах разных систем земледелия. Оценивая ситуацию, исследователи едины том, что в ней отразилось широкое распространение регулярного трехполья, начавшееся в ряде мест уже с XII-XIII вв. в условиях активной колонизации земель лесной зоны, на которых менее прихотливая рожь вытесняла пшеницу. Превращение подсек в старопашотные земли снижало роль ячменя (наиболее урожайного на подсеке) и увеличивало долю прежде всего овса [10,с.244; 57,с.194-221; 100,с.219-220; 104, с.52,62; 134,с.256; 146,с.322-338; 147; 160,с.31-94; 241,с.58-65; 316; 364,с.19; 403,с.35-36].

ОГОРОДНИЧЕСТВО, САДОВОДСТВО. В принципе, к огородным культурам относятся уже упоминавшиеся бобовые (бобы, горох, чечевица, мак) и конопля. С другой стороны, в древности едва ли огороды четко отделялись оттого, что мы называем полями. Возможно, лишь с возникновением пашенного земледелия какая-то часть приусадебной земли стала использоваться под культуры, не требовавшие пахоты и не нужные в таком объеме, как зерновые.

Естественно, более богатые материалы о раннем огородничестве добыты в южных землях. Среди них, уже в начале новой эры, помимо бобовых и конопли, отмечается и репа [427а,с.142]. О наличии огородов свидетельствуют, по мнению И.И.Ляпушкина, и маленькие мотыжки из городища Новотроицкого (VIII-IX вв.) [203,с.214]. В древнерусское время наряду с репой известны капуста, огурцы, свекла, тыква, лук, чеснок, которые в начале II

тыс. были отмечены и в северных землях. О садовых культурах - фруктах - известно лишь с древнерусской эпохи. Почти все материалы добыты в городах, но, вероятно, большинство яблок, слив, вишен, груш (реже) происходило из сельских владений феодалов. А.В.Кириянов предполагает, что широко распространенная в Новгородской земле с XI в. вишня могла произрастать и в крестьянских хозяйствах, так же, как и садовые ягоды: малина, и черная смородина [10,с.466; 92,с.140-144; 143,с.256; 146,с.354-361; 241,с.64].

УРОЖАЙНОСТЬ. Прямых данных о ней в раннем средневековье нет. Этнографические свидетельства указывают на среднюю урожайность пшеницы при подсеке в первые 2 года эксплуатации участка в САМ 8 - САМ 14. Хотя первой посев в пепел и золу мог дать САМ 50 и даже более; а урожай ячменя - до САМ 25 - САМ 30. Надо, однако, учитывать меньшую густоту посевов по сравнению с пашенным земледелием [92,с. 112-114; 104,с.62; 160,с.99-100; 173,с.17-18; 255,с.175-180; 408, с.88). При перелогe урожайность была, безусловно, ниже. То же относится и к паровой системе. В XVI в. при трехполье в Центре России урожайность ржи и ячменя доходила до САМ 4 - САМ 5, овса - до САМ 3. Едва ли в предшествующее время, в условиях становления паровой системы, нерегулярности внесения удобрений средняя урожайность была выше. Для Среднего Поднепровья древнерусской эпохи В.И.Довженок предполагал максимальную урожайность в САМ 6,2, то есть около 50 пудов с 1 десятины, а для конца I тыс. - около 40 пудов [57,с.188; 92,с.137; 104,с.53,54; 180,с.99-100; 408,с. 175-176]. По подсчетам О.М.Приходнюка для поселения VI-VII вв. Городок на черноземах Подолии такая урожайность позволяла при двухполье с участка в 1,3 га полностью обеспечивать семью и еще оставлять в запас [264а,с.61-63].

ОРУДИЯ ТРУДА И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Подсечное земледелие, как известно, не требует каких-либо сложных орудий труда. Для освобождения от леса использовались топоры, для рыхления золы - лопаты, мотыги, для заделывания зерен - бороны-суковатки. Железные детали этих орудий нередки на поселениях как второй половины I тыс. так и X-XIII вв. Естественно, эти орудия применялись не только на подсеке, но и на приусадебных участках, а также для других работ. Бороны, по этнографическим данным, изготавливались обычно из ели, с которой срубали верхушку и мелкие сучья, а крупные оставляли на 50-70 см от ствола. Длина такой бороны - 2-2,5 м. Для большей тяжести её предпочитали делать из сырой ели, то есть срубали непосредственно перед боронованием [57,с.187-188; 134,с.256; 135,с.349; 255,с.164,169; 364.с.20-24; 408,с.22; 427а,с.147].

Сложным и не во всем ясным было развитие пахотных орудий. Трудности в их изучении связаны, как известно, с проблемой сохранности частей конструкции. Вместе с тем, значение этих орудий для изучения истории породило обширную литературу. Исследования, особенно недавние штудии Ю.А.Краснова и А.В.Чернецова, позволяют нам не углубляться в проблему, а выделить важные для нашей темы основные вехи развития пахотных орудий у восточных славян и их соседей.

Самым ранним, известным в лесостепи и на юге лесной зоны еще с железного века, являлось рало. Во второй половине I тыс. оно начало распространяться и далее в лесную зону, очевидно, в ходе славянского расселения. В этот период, наряду с узколезвийными ралами, только рыхлившими почву, появляются и широколезвийные. Их расширенные железные наральники уже слегка подрезали пласт, уничтожая корни сорняков и, следовательно, обогащая почву перегноем. В VII-VIII вв. в лесостепи появляется рало с полозом, у которого наральник находился не под углом к поверхности земли, а был насажен на деревянный полоз, располагавшимся при пахоте почти параллельно земле, что позволяло срезать горизонтальный пласт. Такое орудие подходило для мягких пойменных и старопахотных земель, но требовало больших усилий от пахаря и тяглого скота при подъеме перелогов, залежей и целины. Поэтому в дальнейшем на нем перед наральником было установлено режущее приспособление для переворачивания пласта - плужный нож (чересло), что уменьшало давление грунта и превращало рало с полозом в подобие легкого плуга. Такие орудия известны на памятниках лесостепи и в южной части лесной зоны с VIII-X вв., а позднее - и севернее. Некоторые авторы называют их плугами. По, думается, прав Чернецов, доказывающий, что

достоверным признаком плуга является не чересло, а четко выраженный асимметричный лемех, который позволял (в отличие от симметричного наральника) без наклона орудия переворачивать и отваливать строго на одну сторону подрезанный пласт. Эти рала отличались и более глубокой вспашкой (не менее 10-15 см) при ширине борозды 8-23 см. В лесной зоне рала с полозами применялись на свободных от леса землях, а на лесных расчистках из-за корней - только безполозные. С появлением более приспособленных для лесных почв сох рала в лесной зоне постепенно исчезали. Но в лесостепи из-за относительной простоты изготовления, дешевизны и легкости рала разных типов сохранялись (особенно в местах с легкими почвами) довольно длительное время и после появления плугов [10,с.168; 57, с.176-178; 92,с.56-69; 100,с.221; 135,с.339-340; 174; 203,с.211; 204,с.136; 241,с.50-61; 335,с.373; 401; 408,с.20-25; 127а,с.141].

Особенности земледелия в лесной зоне способствовали появлению сохи - орудия рыхлящего, как и рало, близкого последнему по устройству, но лучше приспособленного к лесным почвам с тонким гумусным слоем, засоренных корнями деревьев и кустарников. В отличие от широких наральников, железные сошники были длиннее и уже. Малая глубина вспашки (около 7 см) не давала углубляться ниже гумуса и делала соху маневренной, легко обходившей препятствия. Более вертикальные, чем у рал, рабочие части сох позволяли при встрече с корнями во время пахоты легко ее выдергивать. По мнению одних исследователей, соха произошла от рала, по мнению других - от бороны-суковатки. Логика и аргументы есть у обеих точек зрения. Не исключено, что однозубые сохи возникли в ходе приспособления рал к лесным почвам, а на создание многозубых натолкнул земледельцев мог длительный опыт использования суковатки не только для заделки семян, но и для рыхления золы на втором и последующих годах использования лядины при подсеке. Впрочем, однозубые орудия некоторые исследователи вообще сохами не называют, а относят их к модификациям рал. Появление сох в IX-XI вв. способствовало более интенсивной распашке лядин и переходу от подсеки к перелогу, затем и к паровой системе. В новейшем анализе всех материалов о сохе Краснов убедительно обосновывает ее появление в северо-западном ареале восточных славян, откуда она и распространилась на другие районы лесного земледелия. Поначалу сохи сосуществовали с ралами, но с XII-XIII вв. стали их активно вытеснять. Как видно, для распространения нового орудия и оценки земледельцами его преимуществ потребовалось 200-300 лет. Такой срок, как мы еще увидим, вообще был характерен для распространения нововведений в средневековой сельской среде. В домонгольское время были распространены двузубые сохи с асимметричными сошниками, расположенными под углом друг к другу. Такие сохи охватывают борозду шириной 20 см. Возможно, были и многозубые орудия. В послемонгольское время двузубые сохи были усовершенствованы полицами - досками, сгребавшими разрыхленную землю на одну сторону. Такие сохи просуществовали до недавнего времени, что свидетельствует об их приспособленности к лесным почвам, где они порой оказывались дешевле и практичнее тяжелых, дорогих и глубоко пахавших плугов. Многозубые сохи не привились из-за малой маневренности, мелкой вспашки и необходимости большого усилия для тяглого скота [57,с. 134-133; 92,с.83-90; 100,с.121-124; 134,с.255-256; 135,с.343; 146,с.315-320; 147; 174; 241,с.59-61; 318,с.73-74; 364,с.24-33; 401; 408,с.24-29].

Пахотные орудия плужного типа - рала с отвалом (череслом) появились, как отмечалось, в лесостепи и на юге лесной зоны в VIII-X вв. Но распространение собственно плуга со всеми его атрибутами (череслом, асимметричным лемехом и отвальной доской - полицей) Г.Е.Кочин, Чернецов и ряд других исследователей относят к XIII-XIV вв. Краснов, опираясь на появление широкого асимметричного наконечника, датирует начало возникновения плуга XI-XII вв. [27,с.80-91; 57,с.178-180; 92,с.72-89; 100,с.223; 134,с.256; 174; 241,с.59-61; 401; 403,с.23-24].

Естественно, появление такого сложного орудия, как плуг, не было одноактным явлением. Потребовалось не одно поколение крестьян, пока многочисленные усовершенствования не воплотились в более или менее однотипный агрегат. И здесь, как мы заметили при рассмотрении распространения сохи, от первых дополнительных приспособлений к ралу (чересло) до его

вытеснения плугом прошло не менее 200-300 лет, а в ряде мест - и более. Ибо плуг был не только более дорогим сам по себе, но и требовал значительно большего усилия при пахоте - несколько пар волов. Естественно, это замедляло его внедрение в крестьянских хозяйствах. Поэтому, думается, дискуссии о времени появления плуга отражают не только отсутствие прямых свидетельств, но и время, необходимое для распространения этого нового орудия в крестьянской среде.

Главными орудиями уборки урожая были серпы. Обычно в древнерусское время они были плавно изогнутыми, нередко их лезвия имели насечки, что облегчало срезание-колосков. Такие серпы использовались и в позднем средневековье, хотя их пропорции несколько изменялись. Одновременно бытовало несколько форм этих орудий, хотя в отдельных регионах преобладали, особенно в начале II тыс., те или иные конкретные формы, наблюдается их территориальное смешение [26; 92,145; 100,с.225; 135,с.337; 160,с.41-47; 203,с.214; 241,с.61].

Наряду с серпами, хотя и реже, на поселениях встречаются и косы - горбуши. Из-за ударно-режущего действия они были непригодны для уборки злаков, так как осыпалось зерно. Поэтому ими могли убирать бобовые, заготавливать сено. Такие косы известны в лесной зоне с середины I тыс. Особые удобством они, как известно, не отличались: работать ими можно было согнувшись или на коленях. Но просуществовали они до второй половины II тыс. и лишь с XVI в. стали вытесняться косами современного вида, так называемыми литовками. Косы-горбуши были приспособлены прежде всего для сенокосения на неровных участках и среди редких кустарников [26; 92,с.152; 100,с.225; 146, с.353; 160,с.54-56; 203,с.214; 241,с.61; 318,с.74].

Обмолот урожая производился, по-видимому, уже с раннего средневековья цепами, хотя могли быть и более примитивные способы, в том числе вытаптывание зерна копытами домашних животных. Рукоятка (цеповище) найдена в слое XIII в. в Полоцке. К этому же времени относится и мялка из Берестья [135,с.333,350; 203,с.214; 240,с.87; 241, с.61]. Сушить зерно могли в копнах, но были и специальные овины, где сушка велась с помощью огня. Остатки такого овина в яме реконструированы на городище Новотроицком. Подобные овины, но с деревянными сооружениями над ямой, известны и позднее, причем в каждой крестьянской усадьбе. В жилищах VIII-X вв. известны и глиняные блюда-жаровни, на которых также сушили зерно [135,с.350; 427а,с.149].

Помол зерна осуществлялся чаще всего с помощью ручных ротационных мельниц, оснащенных каменными жерновами диаметрами до 60 см. По наблюдению О.М.Приходнюка, на среднеднепровских поселениях VII- VII вв. одна такая мельница приходилась на несколько домов. До VIII в. известны и зернотерки. Вероятно, были и специальные мельничные помещения. Такая мельница обнаружена на Среднем Днестре в городище XII-середины XIII в. и находилась в землянке площадью 50,4 м², глубиной 1,3 м, под одной крышей с жилым помещением [100,с.272; 203, с.214; 204,с.137-133; 335,с.374]. Крупку получали в деревянных ручных и ножных ступах. Они известны, в частности, из белорусских городов XIII в. и мало отличаются от современных [201,с.355; 241,с. 63]. Из мест с хорошей сохранностью дерева (Новгород, Берестье) известны грабли, вилы, колотуши. Вилы из Берестья были двузубыми, изготовлены из раздвоенных молодых стволов, общей длиной в 1,5 м, грабли - с круглыми и квадратными зубьями, поставленными на расстоянии 7-10 см друг от друга [146,с.353; 201,с.350-351].

ЖИВОТНОВОДСТВО. Один из ведущих исследователей древнерусской фауны, В.И.Цалкин, анализируя данные о соотношении различных видов животных на памятниках, обратил внимание на методику статистической обработки остеологического материала. Он отметил, что более точные данные для оценки роли животных в хозяйстве дает подсчет не количества костей, а числа особей [395,с.120-124]. Однако во многих публикациях продолжают приводиться данные только о количестве костей, а иногда вообще приводятся проценты без указания, обозначают они соотношение костей или особей. Нередко дается лишь общее указание на уровень распространенности того или иного вида без цифровых данных. Связано это чаще всего с малым количеством костей, собираемых на небольших поселениях, особенно сельских. Поэтому в отдельных конкретных случаях возможны ошибка, особенно при оценке роли наиболее массовых видов: крупного рогатого скота и свиней. В то же время следует учесть, что костные материалы обычно представляют собой

пищевые отбросы и они прежде всего отражают состав мясной пищи и лишь косвенно - состав стада [348,с.63].

В целом, средневековый домашний скот был мелкий особенно это относится к лесной полосе, где крупный рогатый скот обычно в тяглую силу не годился и разводился прежде всего для пищи [104,с. 73; 242,с.105; 395,с.46-48]. К середине I тыс. там сложилось несколько районов, различавшихся по соотношению разных видов животных. В землях Северо-Запада Руси и Эстонии преобладал крупный и мелкий рогатый скот, южнее, в Юго-Восточной Прибалтике, Северной Беларуси, на Верхнем Днепре, части Верхней Десны, западной части Волго-Окского междуречья заметно преимущество свиней и крупного рогатого скота, затем следуют мелкий рогатый скот и лошадь. В Южной Беларуси, южной части Верхнего Подесенья, лесном Посожье и на Верхней Оке чаще преобладал крупный рогатый скот, затем - лошадь, свинья, мелкий рогатый скот. В Среднем и Нижнем Посеймье превалировал крупный рогатый скот (37%), затем - свиньи (31%), мелкий рогатый скот (19,5%) и лошадь (12,4%) [171; 348,с.63]. Хотя существовали, естественно, локальные варианты. Недавние раскопки в Восточной Беларуси выявили следующие показатели: крупный рогатый скот - 42% особей, свиньи - 29%, лошади - 13%, мелкий рогатый скот - 3% от общего числа домашних животных (городище Никодимово) [316,с.121].

Для средневековых восточных славян было характерно, в общем, преобладание крупного рогатого скота, свиней было несколько меньше, далее - мелкий рогатый скот и лошади.

В VI-VII вв. в лесостепной зоне крупный рогатый скот был представлен 39% от всех домашних животных, свиньи - 36%, мелкий рогатый скот - 17%, лошади - 8%. (В Буковине и Закарпатье отмечено равенство в количестве крупного рогатого скота и свиней). Кроме них, на поселениях встречались кости собак, домашней птицы. Скот в основном использовали на мясо [19,с.49; 249,с.115; 264а,с.52-63; 337, с. 89; 427а,с.142-149].

Данные о домашних животных VIII-X вв. также в основном происходят с территории Украины. В целом там сохранялось уже сложившееся соотношение: крупный рогатый скот - 47%, свиньи - 29%, мелкий рогатый скот - 13%, лошадь - 11%. Но заметно общее увеличение доли крупного рогатого скота и лошадей, очевидно, это свидетельствует об увеличении использования скота в качестве тягловой и транспортной силы (в том числе и для верховой езды). Но основная масса костей рогатого скота и свиней принадлежала животным, забитым в молодом возрасте, что указывает на их преимущественное использование в пищу. На Буковине вновь появляется специальная глиняная посуда для изготовления творога - миски-цедила, забытые с послечерняховского времени (в V-VII вв.). Следует еще отметить, что соотношение разных видов животных диктовалось и местными условиями. Так, на ряде поселений в Курском Посеймье количество свиней несколько превышало крупный рогатый скот. Это могло быть связано с состоянием кормовой базы в окрестностях поселений и общей направленностью хозяйства жителей (учитывая неприхотливость свиней). Увеличилось и количество домашней птицы. По сравнению с предшествующим периодом они составляли почти 3/4 всех птиц, остатки которых обнаружены на поселениях [10,с.167; 69,с.34; 203,с.214-215; 204,с.139; 214,с.70; 246; 248; 320,с.238-239; 349,с.104; 395,с.97; 427а,с.149].

Животноводство древнерусской эпохи из-за слабой изученности сельских поселений отражено прежде всего материалами из городов и это не позволяет достаточно отчетливо представить состояние этой отрасли сельского хозяйства. Имеющиеся материалы свидетельствуют о сохранении ведущей роли крупного рогатого скота - 33% (в среднем от всех домашних животных в наиболее исследованных памятниках XI-XIII вв.). Отмечается большое число и взрослых животных, и телят, что отразило заинтересованность населения в молоке, и в мясе, и в рабочем скоте (волы). Но общий удельный вес крупного рогатого скота падает и сближается с уровнем потребления свинины -30%. На ряде памятников (например, на городище Масковичи в Северной Беларуси, в Минске, Гродно, Волковыске, посаде Ярополча Залесского) отмечено превышение числа свиней над крупным рогатым скотом, причем порой весьма значительное. Эту особенность отмечал и Цалкин. В городах это могло быть связано, по мнению А.Л.Шапиро, с наличием большого количества пищевых отходов, что делало свиноводство весьма выгодным. Да и содержать свиней в городах, на ограниченной площади и при отдаленности лугов и загонов было удобнее. Но более многочисленны обратные примеры, когда в городах крупного рогатого скота было намного

больше, чем свиней (например, в Берестье, Полоцке, Друцке). Прав Цалкин, не следует искать каких-либо общих закономерностей этих колебаний, и скорее всего, соотношение крупного рогатого скота и свиней зависело от конкретных условий того или иного населенного пункта (наличия прежде всего кормовой базы и традиций). Но, учитывая более значительное преобладание крупного рогатого скота в предшествующее время, данные о котором представлены с догородских поселений и имея в виду консерватизм сельских порядков, возможно предположить сохранение этой же ситуации и в древнерусской деревне. Вместе с тем и здесь возможны те же различия, что и в городах. Тем более, что в дальнейшем для южнорусских, (украинских) и белорусских земель было характерно преобладание в мясной пище свинины.

Третье место продолжало оставаться за мелким рогатым скотом. Но удельный вес его увеличился и достиг 20%. Однако, по мнению В.В.Седова, коз и овец разводили, главным образом, не из-за мяса и молока, а ради шерсти. Лошадь продолжала занимать четвертое место, что, как известно, не отражало ее реальную роль в стаде; но и ее удельный вес возрос до 17%. Возможно, при увеличении количества лошадей их чаще стали употреблять в пищу, особенно в голодные годы, как предполагал Седов. Разводили также кур, уток, гусей. Почти на каждом поселении встречаются кости собак и кошек²⁶. Анализируя остеологический материал, нельзя также забывать выводы Цалкина о том, что большое число костей молодых животных может означать не только особенности питания населения, но, в первую очередь, трудности содержания скота в зимнее время, которые приводили к массовому забою молодняка при нехватке кормов [4,с.116-117; 5,с. 119; 10,с.468; 100,с.225-226; 108,с.65-66; 110;117;с.61,281; 123; 126,с.38-89; 127,с.115; 134,с.258; 154; 201,с.362-365; 208; 241,с.66-67; 318,с.75-76; 329,с.154-155; 394,с.105-115; 395; 397; 404,с.109].

РЕМЕСЛО. Древнерусское ремесло, в отличие от многих других аспектов жизни деревни, всегда внимательно рассматривалось в советской археологической литературе. Наиболее полно эта тема была исследована Б.А.Рыбаковым [297а]. Его монография, изданная в 1948 г., несмотря на сделанные с тех пор открытия, и по предложенной методике, и по результатам остается актуальной и поныне. Наиболее внимательно и подробно ученый проанализировал металлообработку, уровень которой определяет, как известно, общее состояние производительных сил в доиндустриальную эпоху. Сельские ремесла и промыслы специально изучались в 50-е гг. сотрудниками ГИМа [243]. Но в то время исследователи были ограничены, в основном, погребальным инвентарём. За последующие 30 лет источники о ремесле пополнились материалами из сельских поселений. И хотя эти материалы не столь значительны и ярки, как городские, они позволяют осветить развитие сельского ремесла. Значительные свидетельства собраны и о раннеславянской производственной деятельности.

Начало выделения собственно ремесла, то есть его отделение от сельского хозяйства фиксируется в VII-IX вв. лишь в наиболее сложной деятельности - металлургии и металлообработке. На поселениях с этого времени появляются специализированные мастерские и даже металлургические центры. Начинают выделяться и ювелиры. В степном Поднепровье отмечаются и отдельно гончарные мастерские (черняховское влияние), хотя на основной восточнославянской территории изготовление сосудов, как и другого инвентаря, до рубежа I/II тыс. продолжало оставаться в рамках домашних промыслов [135,с.375; 204,с.142-166; 320,с.242-243; 335,с.376-401; 337,с.94; 349,с.105-115; 385].

Впрочем, и в X-XIII вв., в условиях натурального хозяйства деревни продолжало существовать домашнее производство многих вещей, а деятельность сельских ремесленников ряда специальностей носила сезонный характер, то есть они еще полностью не отрывались от сельского хозяйства. Среди древнерусских деревенских ремесленников определенно можно назвать кузнецов (они же часто и металлурги - "домники"), литейщиков-ювелиров, гончаров. Начинали выделяться бондари и сапожники-кожевенники. Но окончательно они определились уже в XIV-XV вв.; тогда же выделились плотники, швецы. Но укрепление связей с городом вело к затуханию ювелирного дела в деревнях [243,с.103; 243а,с.279; 297а,с.188,556-592]. В XI-XII вв. отмечается и вотчинное ремесло [297а,с.492].

²⁶На изучавшемся нами сельском поселении у г.Чаусы кости крупного рогатого скота составили 80%, свиней - 9,4%, коз и овец - 1,6%, лошадей - 6,1%, собак - 3% [290].

Рыбакову, как известно, принадлежит заслуга выяснения плотности расположения сельских мастерских. Ему удалось установить, что деревенские кузнецы и ювелиры обслуживали обычно несколько соседних поселков, расположенных от мастерских не далее 15 км [297а,с.452,484]. Представители менее сложных профессий располагались, очевидно, не реже, а в случаях неполной отделенности от сельского хозяйства они могли быть в каждой крупной деревне.

Рассмотрим ремесленную деятельность подробнее.

Черная металлургия, добыча железа на основных пространствах Восточной Европы сложились на основе использования так называемых болотных и озерных руд, залегающих повсеместно, неглубоко и легко восстанавливаемых. Следы сыродутных горнов обнаружены на украинских памятниках VI-VII вв. В Гайворонском поселении (Среднее Поднестровье) выявлен в общей сложности 21 горн, на которых могло быть произведено до 200 кг железа, достаточного для изготовления 80 наральников, 240 серпов, 30 кос, топоров, тесел и других, более мелких изделий. Безусловно, не везде были столь крупные центры, но в Подолии одна мастерская обеспечивала 5-8 поселков. Сыродутные печи VI-VII вв. выявлены и на Смоленщине. С учетом находок из железа на всех поселениях второй половины I тыс., железоделательные центры были и в других местах. Тогдашние металлурги уже умели варить сталь. На крицы в 2,5-3 кг уходило до 0,4 м³ дуба (около 250 кг) и от 4,5 до 9 человеко-дней. Трудоемкость стали была в 2 раза выше. Это объясняет высокую стоимость железных изделий. Их берегли и поэтому при раскопках редко находят целые предметы. Примечательно, что на металлургических центрах обычно не находят следов кузнечного производства. Вероятно, сложность добычи железа и еще неполное отделение от сельскохозяйственного труда не позволяли создавать столь концентрированные производства [61; 77,с.19-24; 264а,с.65-66; 385].

Дальнейший прогресс в металлургии отмечен в VIII-X вв. На поселениях возросло количество железных изделий, улучшено их качество. Очевидно, это отразило выделение металлургии и металлообработки в специализированные ремесла, в том числе и на сельских поселениях [10,с.163; 61; 78; 204,с.142-144; 214,с.98-100; 320, с. 240-241; 335с.276-382; 339].

Металлургическое производство древнерусской эпохи было, в основном, деревенским. Мастерские с сыродутными горнами располагались чаще на окраинах деревень или за их пределами. Несмотря на появление городского производства, в деревнях еще, по-видимому, изготавливали сталь. Та же технология добычи железа сохранилась и в XIII-XV вв. Но среди находок этого времени отмечены и чугунные котлы, что, по мнению С.А.Беляевой косвенно свидетельствует о появлении, по крайней мере в Южной Руси, домниц, хотя прямых следов чугунолитейного производства на Руси до начала XVII в. еще не найдено [5,с.121; 27,с.93-100; 51; 78; 123; 243, с.105-122; 243а,с.276-279].

Кузнечное дело. Уже среди железных изделий VI-VII вв. обнаруживаются следы закалки. Наиболее ответственные части орудий (наральники), выковывали из стали. Изредка встречалась и кузнечная сварка (стальные полосы наваривали на железную основу). Но значительные изменения произошли в VIII-IX вв. Изделий из железа на поселениях становится, как отмечалось, больше, чем прежде, увеличивается их ассортимент, разнообразнее стала и технология изготовления. Чаще встречается кузнечная сварка, пакетирование, закалка с последующим отпуском. Все это отразило распространение специализированных кузнечных мастерских. Сами мастерские, обычно в комплексах с жилищами, обнаруживают нечасто, но находки кузнечного инвентаря и шлаков характерны почти для каждого более или менее крупного поселения. Впрочем, наличие инструментов кузнеца не обязательно свидетельствует о постоянной кузнице на данном поселении. И.И.Ляпушкин предполагает наличие и бродячих, так называемых "холодных кузнецов" [192; 203,с.219-220; 204,с.144-145; 237; 320.С.240-241].

В древнерусское время кузнечное дело оставалось одним из немногих ремесел, прочно выделявшихся из сельскохозяйственного производства. Свидетельства обработки железа встречаются на большинстве исследованных селищ. Металлообработка в XIII-XIV вв. продолжала древнерусские традиции. При этом характерна общность тенденций и технологий развития сельского кузнечного ремесла по всей территории Руси. Из-за расширения городского производства сельские ремесленники переключаются на более простые изделия, не требовавшие сложных технологических приемов; изготавливают, ремонтируют и переделывают сельскохозяйственный и бытовой инвентарь. Примечательна

коллекция железных изделий из селища XIII-XIV вв. Озаричи (Сумская обл.): хозяйственно-бытовой инвентарь составил 50,8%, рыболовные орудия - 14%, оружие - 8,8%, сельскохозяйственный инвентарь - 3,5%, инструменты - 3,8%. Все изделия - из плохого кричного железа, изготовлены способом горячейковки и, по сравнению с домонгольским временем, довольно некачественно [26; 28; 78; 123; 240,с.166; 297а,с.482].

Ювелирное дело, как и кузнечное, начало выделяться в VII в. В течение VIII-X вв., судя по возросшему ассортименту и количеству, оно выделилось в самостоятельную отрасль. Основными источниками цветных металлов, вероятно, являлись лом и монеты. Ограниченность сырья, очевидно, сдерживала развитие отрасли и ювелирное производство встречалось реже кузнечного; впрочем, последнее было и жизненно более важным. Преобладало бронзолитейное дело. Но использовали и чистую медь, свинец, серебро, биллон и другие сплавы. Наряду с литьем применяли и ковку. В южнорусских землях с VI-VII вв., по мнению Рыбакова, была известна также техника зерни и скани, более определенно распространившаяся с VIII в. Не ясна связь ювелирного дела с кузнечным. Следы обоих этих производств встречаются обычно на одних и тех же поселениях. Ляпушкин предполагал, что среди ремесленников могли быть универсалы, занимавшиеся одновременно обработкой и черных, и цветных металлов [10,с.168-169; 19,с.50; 203, с.217-219; 204,с.145-147; 214,с.98-107; 263; 320,с.241; 335,с.392-393].

В древнерусский период шло дальнейшее развитие сельского ювелирного производства. По-прежнему преобладали литье и ковка, распространились имитации более сложных изделий городских ремесленников, что было подробно описано Рыбаковым и находит постоянное подтверждение в находках из селищ и курганов. Но и зернение тоже применялось, например, при изготовлении дреговичских крупнозерненных бус. В послемонгольское время изделия сельских ювелиров постепенно вытесняются городскими [10,с.401; 51; 123; 154; 243а; 290; 297а].

Можно констатировать, что древнерусская эпоха - это время расцвета сельского кузнечного и ювелирного ремесел. Другие деревенские производства, как отмечалось, продолжали сохранять ту или иную связь с сельским хозяйством, оставаясь, по-видимому, сезонными. Рассмотрим материалы и о них.

Наибольшее количество свидетельств связано с гончарством. Господствовавшая до конца I тыс. лепная посуда была домашнего изготовления. О специалистах-гончарах можно писать лишь со времени появления гончарного круга. Хотя в отдельных местностях южных земель круговая посуда отмечена уже в VII-VIII вв., распространение гончарного круга на основной части восточнославянских земель начинается с X в. С этого времени изготовление глиняной посуды сосредотачивается, в основном, в руках мастеров, снабжавших продукцией жителей, возможно, не только своей, но и соседних деревень. Но и в такой ситуации гончарство продолжало, очевидно, носить сезонный характер, тем более, отмечал Рыбаков, что большинство сельских гончаров работало на заказ. Обжиг сосудов производился как, в обычных печах, так и в специальных гончарных горнах. В отличие от украшений, имевших локальные, этнические особенности, древнерусская посуда, особенно сельская, отличалась поразительным однообразием, которое устанавливалось с распространением гончарного круга. Это единство сохранилось и в послемонгольское время. Изменение форм сосудов имело, как известно, хронологические причины и это, наряду с массовостью находок на поселениях, делает керамику основным датировочным материалом, особенно для слабо исследованных средневековых селищ. Технология гончарного производства подробно рассматривалась Рыбаковым и В.А.Мальм [27,с.101; 203,с.221-222; 204,с.143; 243,с.123-148; 297а; 320,с.241-242; 335,с.393-401].

Ткачество. Следы его в виде пряслиц, овечьих ножниц известны уже на памятниках VI-VII вв. [19,с.52]. Часты они и на более поздних поселениях, особенно это относится к пряслицам. Очевидно,

пряжением и ткачеством крестьянки занималась повсеместно. Использовались растительные волокна (лен, конопля) и овечья шерсть. Вероятно, в древнерусское время уже был горизонтальный ткацкий стан. Для окраски тканей применялись растительные красители. Помимо одноцветных были распространены и пестрые клетчатые ткани с геометрическим узором [92,с.166; 243,с.9-37]. В материалах из сельских памятников представлены следы сапожных и скорняжных работ. Помимо сохранявшихся остатков обуви и других изделий

из кожи, чаще встречались костяные иглы, шилья, проколки [243,с.38-57]. Были в деревнях, очевидно, и специалисты по плетению лаптей.

Обработка дерева отражена в археологическом материале прежде всего инструментами: топорами, скобелями, резцами, долотами, сверлами, резе пилами и т.п. Очевидно, для мелких работ использовались и ножи [51; 164; 263; 290; 313,с.108; 335,с.403]. Дерево на сельских поселениях практически не сохранялось и об изделиях из него косвенно можно судить по городским находкам и данным этнографии. Эту работу для древнерусской поры проделала в свое время В.П.Левашова [243.С.51-93] и мы не будем здесь повторяться. Об использовании дерева в XIII-XV вв. по данным из городов писал Б.А. Колчин [240,с.179-181]. Очевидно, плотницкие и столярные работы велись самими крестьянами. Особо выделялось бондарное дело, которое требовало длительной подготовки заготовок для бочек и деревянных ведер. Но и оно, как отмечал Рыбаков, было сезонным [297а, с.483].

На уровне любительства была, очевидно, и обработка кости и рога, изделий из которых, как замечала Левашева, в древнерусской деревне находят значительно меньше, чем в городах. Обычно это, как отмечалось, проколки, иглы, шилья, а также рукоятки ножей, серпов, рыболовные крючки, амулеты. Не исключено и использование сельскими жителями коньков, изготовленных из трубчатых лошадиных костей [154; 214,с.109; 243,с.56-60; 263].

Изделия из стекла в деревне были обычно привозными, но возможно стекольные мастерские существовали и среди древнерусских сельских поселений, в частности, на Смоленщине, где отмечено изготовление простейших бус [243,с.165,172]. Из стеклянных предметов, помимо многочисленных бус, в деревне редко, но встречались стеклянные браслеты (о них - ниже).

Таким образом, в рассматриваемое время лишь металлургия, кузнечное и ювелирное дело выделились в самостоятельные сельские ремесла. Остальные несельскохозяйственные деревенские производства еще носили сезонный или иной вспомогательный характер. Это же относится и к некоторым промыслам.

ПРОМЫСЛЫ, наряду с ремеслами, играли в хозяйстве деревни важную роль, обеспечивая ее большинством несельскохозяйственных продуктов, необходимых для жизни и добываемых из окружающих поселения природных ресурсов. Но, в отличие от ремесел, промыслы имели в хозяйстве подсобное значение и исполнялись, как правило, крестьянами, не порывавшими с аграрным трудом [10,с.167; 243а,с.278-279]. В этой связи многие авторы относят к промыслам и те ремесла, которые окончательно на отделились в деревне от сельского хозяйства: гончарное, бондарное, ткацкое и другие. В принципе, такой подход допустим. Но, думается, логичнее относить к промыслам лишь те виды деятельности, которые осуществлялись вне населенных пунктов и не требовали специальных рабочих мест (охота, рыболовство), или имели временные рабочие места там, где добывалось и перерабатывалось природное сырье (лесные промыслы) [см. 404,с.98]. То есть, отличие сельских промыслов от вышеназванных ремесел видится в иной организации труда и быта, в отходничестве. В дальнейшем, как известно, такая промысловая деятельность крестьян приводила к созданию артелей с работниками, полностью отделившимися от сельского хозяйства.

Охота была, пожалуй, наиболее распространенным промыслом сельского населения. Но роль ее в разное время и в различных регионах была неодинаковой. В наиболее развитых регионах Среднего Поднепровья и Поднестровья, судя по остеологическим материалам, охота у ранних славян к середине I тыс. значительно уступала животноводству (кости дичи составляли 3,5-21%). Очевидно, как отмечал Р.В.Терпиловский, основные потребности жителей не только в мясе и молочной продукции, но и в коже, шерсти и костях для поделок удовлетворялась за счет домашнего скота. Преобладали кости домашних животных и на большинстве поселений ближайших лесных соседей восточных славян - балтов и финно-угров. Но там в первой половине I тыс. доля костей диких животных была значительно выше (в основном - в пределах 20-45%), а на отдельных поселениях дичь составляла до 55-63% всего остеологического материала [348,с.64,70, 405, с.91-96]. Учитывая же, что туши зверей, особенно крупных, охотники нередко разделявали на месте, а также то, что во многих случаях добытки интересовались только мехом, пушниной, охота в лесной зоне и тогда, и позднее занимала более значительное место, чем это отразили остеологические коллекции.

Во второй половине I тыс. возрастание роли охоты по сравнению с животноводством отмечено и в большей части восточнославянской лесостепи (за исключением Прутско-Днестровского междуречья, где кости дичи составляли лишь 10%). Причем прослеживается увеличение роли охоты с запада на восток: на Правобережье Днепра - 36,6-63%, на Левобережье и до верховьев Дона - почти повсеместно - более 50%; та же ситуация - в Закарпатье, где кости дичи и количество особей составляли 2/3 всего остеологического материала [10,с.469; 13,с.70; 83; 203,с.115-116; 204,с.139-140; 246; 248; 249,с.115-116; 320,с.239; 335,с.375; 395,с.131]. Возможно, такая ситуация была вызвана влиянием кочевников и богатыми охотничьими угодьями в условиях более редкого населения, чем в давно освоенных землях Западной Украины.

В древнерусское время, особенно с XI в., ситуация меняется. В лесостепи и степи доля костей и особей дичи довольно резко снижается. В лесной зоне доля дичи, низкая в большинстве городов, остается довольно высокой в сельской местности. На обследованных селищах она колеблется от 27% (Чаусы) до 60,9% (Лебедка) и 70% (Прионежье). Не меньше она в феодальных резиденциях. В этой зоне, и чем севернее, тем существеннее, охота имела большое значение не только для добычи пушнины, но и для получения мяса из-за сложностей с зимовкой домашнего скота [10,с.469; 100,с.232; 102,с.149; 108,с.66; 110; 154; 208; 290; 313,с.76-77; 406].

Видовой состав диких животных до позднего средневековья, до начала широких порубок, практически оставался неизменным, особенно в лесной зоне, где особо ценные породы истреблялись медленнее. Преобладали копытные (лось, олень, кабан, на юге - косуля), реже попадались медведи, зубры, лисицы, волки, рыси, куницы, выдры, бобры, зайцы, белки. Птицы занимали обычно малое место. Надо отметить многообразие в соотношениях видов дичи на разных поселениях, причем время существования памятника роли здесь не играет. Очевидно, причина различий прежде всего - в особенностях фауны в каждом конкретном месте [10,с.469; 83; 102,с.149; 110; 144,с.11; 154; 203,с.215-216; 204,с.139-140; 203; 240,с.119-130; 248; 249,с.115-166; 316; 318,с.76-78; 320,с.239; 331; 348,с.62; 371; 395,с.133-137; 404].

Рыбная ловля специально изучалась А.З.Кузой в 60-е гг. Последующие находки подтвердили выводы исследователя. В целом, рыболовство с древности играло большую роль. В первой половине I тыс. в лесостепи преобладали рыбы, которых обычно ловили сетями (лещ, язь, плотва). Во второй половине I тыс. на первое место выходит щука, которая шла на крючок. В этом, по мнению Кузы, отразилось увеличение роли индивидуальной рыбной ловли, что указывало на распад большой семьи. Среди ихтиофауны на поселениях второй половины I тыс. были также осетр, севрюга, стерлядь, судак, сазан, карась, линь и др. В IX-XIII вв. отмечается рост рыболовства именно как промысла, особенно в окрестностях городов. Находки крупных грузил свидетельствуют о применении неводов. В XIV-XVI вв. возрастала роль промысловых артелей. Видовой состав рыб, как и дичи, в это время не отличался от более древнего. Отлавливали обычно наиболее крупных, то есть старых рыб, что свидетельствует о богатстве рыбного стада. Помимо крючков и сетей, ловили острогами, блеснами, встречались кошки - орудия для подледного лова [2; 10,с. 167,170; 19,с.49; 26; 100,с.226; 108,с.66-67; 154; 178; 179; 203, с.216-217; 204,с.140; 208; 214,с.70; 240,с.115-119; 246; 290; 320,с.239; 348,с.71].

Бортничество в археологических данных представлено слабо (лоточки-медорезки), что, безусловно, не отражало его роль в жизни деревни. Мед часто упоминался в письменных источниках [10,с.470; 100,с.233; 320,с.239].

Лесные промыслы также мало отражены в археологическом материале, ибо не оставляли следов на поселениях. Но отдельные находки подтверждают наличие уже в древнерусское время дегтярного и смолокурного дела [5,с.121; 72].

ТОРГОВЛЯ. Об участии в ней сельского населения, очевидно, можно вести речь с выделением неаграрного производства, которое активно происходило, как отмечалось, в VII/VIII-IX вв. в металлодобыче и металлообработке. До этого времени существовал лишь нерегулярный обмен и привозные изделия на большинстве памятников не фиксируются. С VIII в. отмечается складывание обособленных от сельского хозяйства ремесленных поселков, часто укрепленных - протогородов. С этого и началась более или менее регулярная торговля, как между деревнями и зарождающимися городами, так и между

крестьянами и сельскими ремесленниками. К этому же времени относятся находки и единичных западнославянских изделий в Восточной Европе, свидетельствующие о зарождении более широких связей [204,с.148-149; 252; 320,с.242-243].

Находки последующих веков отразили постепенную активизацию участия сельского населения Восточной Европы, как во внутренней, так и в тогдашней международной торговле. В деревню ввозились цветные металлы, шиферные пряслица, некоторые типы украшений (из наиболее массовых - хрустальные, сердоликовые и большинство стеклянных бус). Широкий ассортимент привозных изделий предполагал, естественно, и обширный вывоз из деревни. Археологически его проследить сложно, но письменные материалы свидетельствуют о продаже сельскохозяйственных продуктов, пушнины, иной промышленной продукция (мед, воск, деготь, смола), полуфабрикатов сельских металлургов - кричного железа. В межплеменной обмен сельское население было втянуто слабо, ибо, по замечанию Рыбакова, при существовании примерно однообразной ремесленной техники не имело смысла привозить издалека то, что могли сделать на месте. Наиболее распространенное исключение из этого - упоминавшиеся овручские пряслица. Внутренняя торговля, обеспечивавшая сбыт продукции сельских ремесленников на местных рынках, подробно рассмотрена Рыбаковым. Торговля осуществлялась, очевидно, не только в натуральной, но и в денежной форме. О наличии денег у крестьян свидетельствуют письменные источники, указавшие на денежную ренту [5,с.121-122; 243,с.149-224; 243а; 290; 297а,с.120-202; 426, с. 87-96,178-184].

ВЫВОДЫ. Хозяйственная жизнь восточнославянской деревни была связана прежде всего с характером агрикультуры и определяющим в ней был уровень земледелия. В свою очередь, этот уровень формировался, во-первых, возможностями окружающей среды, во-вторых, потребностями населения в продуктах питания и растительном сырье, в третьих, техническими возможностями, умениями и навыками, способными обеспечить растущие потребности. Природные условия, как мы видели, позволяли заниматься земледелием, как на юге, в степи и лесостепи, так и на севере, в лесной полосе. Но если на юге среди одерживающих факторов были прежде всего сложности подъема тяжелой степной целины, требовавшие тяжелых пахотных орудий и сильного тяглого скота, то на севере долгое время основной проблемой была борьба с лесом, породившая мелкоконтурность земельных угодий и развитие легких пахотных орудий. Более благоприятные условия на юге способствовали там и более интенсивному демографическому росту, что также стимулировало хозяйственную деятельность. Условия севера поначалу позволяли вести хозяйство только экстенсивно, поэтому для второй половины I тыс. там более характерны процессы расселения и хозяйственного освоения новых земель, чем прогресс агрикультуры. Поэтому и техническое развитие на юге поначалу шло активнее и выразилось в фактах, свидетельствующих о начале отделения ремесла от сельского хозяйства уже в VI-VII вв. В VIII-IX вв. этот процесс распространился на всю область восточнославянского расселения. Это отделение коснулось лишь металлургия и металлообработки, но то был громадный шаг вперед. Достигнутая земледельцами к VI-VIII вв. возможность содержать своим трудом хотя бы и очень малое число профессиональных ремесленников в свою очередь позволила широко распространиться более прочным и, следовательно, более производительным пахотным орудиям с железными рабочими частями (рало, соха)²⁷. Не случайно именно с этого времени начинается и распространение паровой системы (залежной на юге и переложной на севере). Дальнейшее развитие специализированного ремесла при массовом накоплении опыта использования пахотных орудий способствовало повышению уровня агрикультуры, что привело в начале II тыс. к появлению регулярного севооборота и орудий плужного типа. Как известно, регулярное двух- и трехполье требует тщательной обработки почвы, которая наиболее эффективно достигалась плугами. Не случайно совпадение по времени распространения новой системы земледелия и плугов (от отдельных, нечетких и не всеми признаваемых свидетельств XI-XII вв. до широкого и бесспорного - в XIII-XIV вв.). Эти достижения земледелия позволили во второй половине XIII-XIV в., несмотря на монгольское нашествие, сохранить уровень сельского

²⁷Подсчеты О.М.Приходнюка показали, что в VI-VII вв. земледельцы Среднего Поднепровья уже имели определенный запас, то есть излишки продуктов, прежде всего - зерна [264а].

хозяйства в Южной Руси [27,с.92,105], а в Северной Руси начать новый этап внутренней колонизации - освоение лесных водоразделов. Так прогресс в агрокультуре привел к активному воздействию человека прежде всего на характер растительности и формированию современного аграрного ландшафта.

Глава 2. ХОЗЯЙСТВО ДЕРЕВНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ.

§ 1. ХОЗЯЙСТВО В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ.

К началу средневековья основой хозяйства в польских землях было ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. По мнению большинства исследователей, в течение первой половины и середины I тыс. на значительной части территории страны происходил переход от интенсивного огородничества с большой ролью животноводства к экстенсивному полеводству с возрастанием роли злаков. По мнению С.Курнатовского, преобладание огородничества в так называемое римское время определяло относительную стабильность сети поселений, а начавшийся затем переход к обработке более крупных земельных массивов - полей и дал толчок к известной активизации процесса расселения в раннем средневековье. Думается, в этом сыграл роль и демографический фактор - рост населения, потребности которого перерастали возможности прилегавших к селищам огородов. При этом южные земли - Силезия, Малопольша - под влиянием провинциально-римских земледельческих культурных традиций уже с рубежа I тыс. знали пахоту [680; 690,с.135-137; 861].

VI-IX вв. проходили под знаком постепенного расширения зоны пашенного земледелия. Но в условиях расселения в лесных, менее заселенных землях сохранялась большая роль подсеки. При этом надо различать собственно подсечно-огневое земледелие от применения огня как агроприема при освоении новых земель. Пашенное земледелие существовало прежде всего в форме перелога и нерегулярного двухполья. Данный тип предполагал расположение полей отдельными участками в разных местах, частую их смену, что отражалось на стабильности поселений и требовало обширных хозяйственных угодий, то есть вело к незначительной плотности населения. Стабилизация расселения и рост числа жителей способствовали сокращению периода отдыха, когда участки забрасывались на непродолжительное время. Более заметное улучшение продуктивности земледелия наступило к X в., что являлось одним из основных факторов начала второго этапа расселения [678,с.181; 680; 764,с.163-170; 777; 326,с.49-50].

Переход к регулярному севообороту проследить, как известно, сложно, в том числе и на археологических материалах. В этом может помочь лишь подробное изучение системы полей в конкретных хозяйственных ареалах деревень. Такие работы в Спицымеже позволили констатировать появление там двухполья уже в X-XII вв. В целом же, двухполье, как переходная к трехполью форма, а также нерегулярное трехполье отмечены в Польше в XII-XIII вв. (в наиболее плотно заселенных местах - с XI в.). Переход к регулярному трехполью и широкое распространение плуга большинство исследователей теперь относят к XIII-XIV вв. Ибо именно в этот период осваиваются тяжелые почвы и начинает применяться сплошное унавоживание полей. Началом XIV вв. датируются и первые письменные указания о разделе полей строго на 3 части (в деревнях на немецком праве). Как и в других странах, регулярному трехполью способствовала внутренняя колонизация, при которой новые поля сразу делились на 3 части. В областях же старого расселения переход к трехполью требовал изменений в традиционном землепользовании и нередко происходил под нажимом феодалов. В результате распространения трехполья размеры возделываемой земли увеличивались на 1/3, а более качественная вспашка и применение удобрений повысили урожайность примерно на 100% (с САМ 2 до САМ 4) [473,с.147-148; 493,с.33-38; 495; 530; 537; 583; 600,с.192,203; 602,с.346; 603,с.177; 680; 764,с.175-176,203; 767].

Детальное исследование полей, как отмечалось, было проведено в Спицымеже. Глубина вспашки достигала 30 см. В X-XII вв. выделяется 2 поля по 2,5 га на каждую усадьбу (двухполье, в сумме - 5 га). Одно поле - вблизи построек и еще одно - в отдалении. При средней урожайности САМ 3 с такого участка могли собирать до 1500 кг зерна. Если на посев оставляли 1/3 урожая, то 1 т зерна хватало семье из 5-ти человек. Но это - минимум обеспечения, дополняемый животноводством (поле, находившееся под паром, могло использоваться для выпаса скота). В целом, по археологическим данным, на одну усадьбу в

Польше X-XIV вв. прослежено от 1,5 до 5-6 га пашни. Но так как поля редко располагались сплошными массивами, крестьянские хозяйства могли иметь и другие, не выявленные заимки, особенно возможные в период внутренней колонизации. Тем более, как показывают подсчеты, крестьянское хозяйство даже одним ралом было способно в X-XII вв. обрабатывать до 11 га, то есть при двухполье общая площадь надела в идеале могла достигать до 22 га [765,с.86; 362; 767,с.39-40,87].

Согласно археологическим и письменным материалам, высевались злаки, масличные и бобовые (прежде всего - горох) культуры, овощи. От предшествующего времени большое значение сохранило просо (характерное для подсечного земледелия). Затем его роль уменьшается и в раннем средневековье распространилась рожь (до 43% от всех зерновых). Широко культивировался овес (40-42,6%). В целом, менее распространены были пшеница (8-10%), ячмень и просо (3-5%). В соотношения зерновых были естественно, локальные различия. Так, в Нижней Силезии в VI-X вв. преобладала пшеница (35-90%), рожь была менее распространена (11-13%), слабо культивировались ячмень (0,4-1,3%) и овес (0,4%). В Западном Поморье в VII-VIII вв. овес составлял 45-70% зерновых, но в первой половине IX в. он уступает место ржи и пшенице, то есть озимые начали преобладать над яровыми [473,с.148; 493,с.127; 530; 533; 651; 653; 674,с.345; 690,с.130, 135; 692,с.435; 713; 778,с.303].

Бобовые, лен, конопля и вика культивировались скорее всего как огородные культуры, совместно с морковью, огурцами, укропом, хмелем, свеклой, луком и капустой. О фруктах четких данных нет. Со второй половины X в. отмечен виноград, а в середине XIII в. - слива [652,с.170].

Из земледельческих орудий в раннем средневековье наиболее распространено было известное с римских времен рало. Принципиальная его схема не претерпела существенных изменений в X-XI вв. Но с VIII в. появляются асимметричные наральники. С VII-VIII вв. известны мотыги. В VIII в. появляются более совершенные, современного вида серпы. О сохе в польских раннесредневековых материалах нет данных. Свидетельства об использовании орудий плужного типа отмечаются, по мнению В.Хенделя, с IX-X вв. и становятся более частыми в конце XI-XII вв. З.Подвиньска относит появление плуга в Польше к XII в., а его распространение большинство авторов датирует XIII в. Железные бороны известны в Силезии в материалах VI-VII вв. Но основными долго оставались деревянные приспособления. Увеличение числа находок рамчатых железных борон падает на XIV в. Тогда же отмечается появление кос [473,с.143; 493,с.64-63; 530; 537; 583; 764, с.203,359].

С X в. отмечены находки ручных ротационных мельниц. До XI в. они встречались далеко не в каждом хозяйстве, что позволяет предположить существование особого обслуживающего промысла. По еще в XI-XII вв. использовали ступы. Достоверные данные о водяных мельницах появляются с XIII в., когда они отмечены во всех польских землях, но охватывали они тогда лишь 20% жителей (то есть в среднем одна такая мельница приходилась на 220 км² [496].

ЖИВОТНОВОДСТВО. В его структуре преобладали свиньи и крупный рогатый скот. Причем, если к середине I тыс. больше было крупного рогатого скота, то во второй половине I тыс. наблюдается увеличение поголовья свиней с 36,5% в VI-VII вв. (коров - 43%) до 44% в VIII-IX вв. (коров - 35,3%). Лишь в Малопольше и Силезии сохранялось преобладание крупного рогатого скота. Такие изменения могут быть связаны с процессом хозяйственной перестройки, охватившем большинство польских земель в VI-VIII вв. Сутью этой перестройки было усиление роли земледелия в ходе распространения с юга на север пашенной агрикультуры. Затем, в X-XII вв., намечаются 2 основных региона. К востоку от Вислы вновь начинает преобладать крупный рогатый скот (до 40-50% в общем стаде), а к западу от Вислы свиней остается больше. Причины таких колебаний и региональных различий недостаточно ясны. При этом Е.Лодовски вообще предостерегает от упрощения картины за счет выведения средних показателей. Существовали и локальные различия, связанные с местными условиями и традициями. Возможно, рост населения во второй половине I тыс. потребовал увеличения производства мяса. Неприхотливые, месяцами пасшиеся в многочисленных дубовых и буковых лесах, лучше коров переносившие холод, не требовавшие особых помещений и ухода, свиньи были удобнее. Начавшееся с X в. освоение возвышенностей, а затем и сведение лесов, рост площади пашни, общее повышение уровня агрикультуры, увеличение потребностей в тягловой силе (волы) и коже

(для дружинников - рыцарей) - вероятные причины роста поголовья крупного рогатого скота, дававшего к тому же более разнообразные продукты питания. Сохранение в этот же период преобладающей роли свиноводства к западу от Вислы, возможно связано с природными условиями (мало удобных пастбищ-?), местными традициями. В общем, нужны дальнейшие исследования микрорегионов и отдельных памятников.

Традиционно третье место в животноводстве Польши занимали овцы и козы, причем доля их в общем стаде, составлявшая в VI-VII вв. 16%, снизилась к X-XII вв. до 11% (в X-XII вв. овцы сильно преобладали над козами). Лошади в VI-VII вв. составляли всего 1,5% от всего скота в VIII-IX вв. - уже 5,6%, а в X-XII вв. - 8,3%. Надо, конечно, иметь в виду, что мало употреблявшиеся в пищу и, следовательно, дольше жившие кони, как, кстати, и собаки, в реальной жизни занимали более видное место, чем в остеологическом материале. Но тенденция к увеличению роли коневодства в условиях повышения общего уровня сельского хозяйства, а также формирования рыцарства прослеживается четко. Понятно, что преобладало коневодство в домениальных хозяйствах, а для крестьян их содержание было обычно не рентабельным. Продуктивность раннесредневекового скота была невелика, крупный рогатый скот был низкорослым, но более приспособленным к холоду и голоду, чем теперь. Забивали обычно немолодых, слабых, недоенных коров; телят - редко. Свиной, наоборот, обычно растили лишь до 2-х лет. О некотором прогрессе раннесредневекового животноводства свидетельствует изменение соотношения самцов и самок в стаде от 1:1 в римское время к 1:4 позднее. Среди птиц чаще встречались куры, реже гуси, утки. Улучшение агротехники в XII-XIV вв. способствовало не только росту урожайности и тем самым увеличению фуража. Сокращение пастбищ в ходе расширения пахотных угодий увеличило роль стойлового содержания скота и потребовало увеличения запасов сена. Это повлекло за собой совершенствование серпов и появление кос в XIV в. Распространение стойлового содержания скота, в свою очередь, увеличило возможности регулярного унавоживания полей [494,с.201-223; 602,с.96; 690,с.141-149,172; 794,с.5-50; 813,с.166-173,218].

О сельском РЕМЕСЛЕ материалов достаточно, хотя, как отмечалось, польские археологи не уделяли ему специального внимания. Это отразилось и в первом томе "Очерков по истории материальной культуры Польши", где о ремесле в деревне написано очень мало. Раскопки свидетельствуют о наличии в деревнях металлургии, кузнечного и ювелирного дела, гончарства, ткачества, обработки рога, кости, дерева, производства дегтя и др. При этом деревенские ремесленники обычно не бросали и сельское хозяйство. Первые следы металлургии и кузнечного дела в Западном Поморье отмечены в VII в. Технологический прогресс наблюдается со второй половины VIII в. Во второй половине IX в. появляются трехслойные сплавы. Значительный рост ассортимента кузнечной продукции отмечен в Великопольше на рубеже X/XI вв. Во второй половине VIII-первой половине IX в. на западнопоморских памятниках появляются следы обработки цветных металлов. Тогда же замечен прогресс в гончарстве, выразившийся в появлении более качественных сосудов. Возможно, были и бродячие гончары [674,с.347-352; 692,с.136-139; 778,с.311-314]. Как видно, основной качественный скачок в развитии хозяйства приходился на VIII-IX вв., что вполне увязывается с характеристикой расселения.

Среди ПРОМЫСЛОВ основная роль принадлежит охоте, хотя кости диких животных на поселениях редко превышают 7-10% (чаще - 7%). Лишь в селищах, расположенных у пущ, охота занимала большое место (до 30% всего остеологического материала). Охотились на оленей, кабанов, туров, косуль, зайцев, бобров, птиц (преобладали тетерева, глухари, куропатки). Для рыболовства характерны прежде всего осетры, лососи, щуки, судаки, сомы, карпы, лещи, лини, треска, сельдь. Роль рыбы повысилась с конца X -в., вероятно, с распространением постов, особенно в высших слоях. Есть свидетельства о бортичестве [495; 674,с.346; 813,с.166-167,218].

§ 2. ХОЗЯЙСТВО В ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ.

В ходе Великого переселения народов при взаимообогащении культур начинается некоторый прогресс в земледельческой технике у населения региона. Он фиксируется в культуре пражского типа и даже в материалах более раннего времени. Уровень земледелия VI-VII вв., предполагает М.Беранова, соответствовал, однако, лишь уровню зарубинецкой

культуры [451,с.19-21]. Но некоторые исследователи склонны считать, что уменьшение удельного веса земледелия было свойственно всему раннему средневековью. М.Штепанек, например, полагает преобладание животноводства в структуре хозяйственной деятельности Средней Европы вплоть до широкой колонизации и складывания регулярного севооборота [839,с.552]. Представляется, однако, что ученый недооценивал древние системы земледелия²⁸. Уже сам характер расселения преимущественно среди плодородных и легких почв свидетельствует о земледельческой направленности хозяйства. Хотя, безусловно, земледелие и животноводство всегда шли рядом. Но непосредственных свидетельств о хозяйстве VI-VII вв. очень мало для более определенных суждений. Лишь с VIII-начала IX в. больше встречается и остатков земледельческих орудий, и палеоботанических данных, позволяющих обращаться к тогдашним системам земледелия [451,с.21; 514,с.10-11; 710].

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. В раннем средневековье преобладали подсечно-огневая система и лесной перелог, местами эти способы, характерные для так называемого "лесного земледелия", сохранялись до начала нового времени. Так, подсека широко применялась в течение средних веков в Северной Словакии. Она была распространена при колонизации лесных земель. Перелог был зафиксирован в Бржезно VI-VII вв. [449; 478,с.17; 480,с.16; 514,с.10-11; 836,с.149-150; 840,с.31-33].

В VIII-X вв. уже было известно двух- и трехполье, но преобладал, по-видимому, нерегулярный севооборот - краткосрочный перелог²⁹. Чередование озимых, яровых, пара было известно, но регулярно в рамках целой деревни оно еще не применялось. Ближнее поле могло, считала Беранова, удобряться и потому ряд лет не отдыхало. Отдаленные же участки отдыхали долго, вплоть до зарастания (о чем есть и этнографические данные), а потом возвращались в оборот с помощью подсеки. Поэтому, скорее всего, существовала свободная комбинация разных систем [99; 445,с.201; 446,с.471-481; 449-451; 565,с.79; 840,с.33].

Полеводство XI-XII вв. было очень близко, особенно в технике обработки земли, традициям VIII-X вв. Трехполье существовало, но спорадически и нерегулярно [450,с.252; 880,с.64]. Представление о массовом распространении трехполья до XIII в. археологическими данными 60-70-х гг. не подтверждается, хотя отдельные новшества, характерные для этой системы, применялись и раньше. Необходимый для регулярного трехполья плуг известен в Европе с IV-V вв., а в Чехии - с VIII в. Озимь и ярь применялись и при экстенсивных способах земледелия, а разные травопольные системы - с неолита. Но всё это не было регулярным, четко организованным и не имело широкого распространения. Лишь в XII-XIV вв. в условиях наивысшего расцвета внутренней колонизации в Центральной Европе трехполье превратилось в массовую систему, в том числе в чехоморавских и словацких землях. Хронологическое совпадение прогресса в земледелии и массового освоения новых сельскохозяйственных угодий не случайно. Оба эти явления были порождены ростом населения, нехваткой свободных земель, растущими потребностями городов с одной стороны, агрономическим опытом и массовым распространением новых сельскохозяйственных орудий, в том числе плуга - с другой [446,с.471; 448-451; 476,с.149-150; 797,с.307; 803,с.290; 840,с.34-39; 880,с.64].

Земледельческие культуры, урожайность. В раннем средневековье, как и в последующее время, в структуре земледельческих культур преобладали злаки. До конца X в. ведущее место занимало просо, использовавшееся для приготовления каши. На втором месте по распространенности следовали пшеница, встречавшаяся практически на каждом памятнике. По археологическим материалам известны также рожь, овес, ячмень, горох, вика, редко - лен, конопля, мак, клевер, чечевица, бобы. К началу II тыс. на первое место выходят пшеница и ячмень. С XIII в., с занятием под пашни в ходе колонизации менее плодородных земель ведущим злаком становится менее прихотливая, более устойчивая к худшим и ослабленным почвам рожь. Много сеют ячменя; пшеницы становится мало. Просо почти не культивируется, ибо в условиях трехполья оно плохо росло на слабых и засоренных сорняками почвах (хотя при подсеке и перелоге давало очень высокие урожаи). Пшеницу

²⁸Так же римские авторы (Плиний Старший, Тацит) с позиций агрономических познаний своего времени недооценивали роль земледелия в хозяйстве древних германцев [615,с.124-126; 651,с.142].

²⁹По мнению Берановой, подсека и перелог были связаны с разными географическими условиями: перелог распространялся там, где поле, находившееся под паром, зарастало не лесом, а травой и кустарником [445,с.196-197]

было выгоднее сеять там, где было больше окота и, следовательно, навоза - в рыцарских хозяйствах. В них же, а также в церковных владениях большее место, чем у крестьян, занимал овес (корм для лошадей). В крестьянских хозяйствах ведущей была рожь (для хлеба). С XIII в. появилась гречиха. Продолжали культивироваться бобовые (горох, чечевица) и масличные (лен, конопля) культуры. Основными озимыми были рожь и пшеница, яровыми - овес и ячмень. Урожай злаков по словацким материалам XII в. составлял САМ 2 - САМ 3 [59; 448,с.16-19; 450,с.253; 451; 480,с.98-100; 514,с.12; 733,с.175; 737,с.22; 743,с.40; 753; 762,с.87-88; 802,с.137-138; 841; 842].

Об огородничестве и садоводстве косвенно свидетельствуют частные находки соответствующего инвентаря: мотыг, заступов, деревянных лопат с железными оковками, виноградных ножей [448,с.31-32; 476,с.157; 478,с.19; 743,с.41]. Но есть и прямые ботанические свидетельства, также письменные данные. Уже в раннем средневековье (в основном с VIII-IX вв.) были известны огурцы, виноград, абрикосы, персики, яблоки, сливы, груши, черешни, вишни, малина, ежевика, черная бузина, грецкие орехи. С IX в. известно о виноделии [448,с.27-30; 514,с.12; 753-756]. С X в. выращивали лук, чеснок, морковь, редьку, тыкву, репу, капусту, турнепс. С XIII-XIV вв. на первое место среди садовых культур выходят черешни или вишни, затем - сливы, далее - грецкие орехи. Часто находят персики, распространены яблоки и груши (но наличие в этих плодах большого количества зерен затрудняет определять их место среди других фруктов), известны и смородина, а также хмель [448,с.27-31; 737,с.24; 775,с.163; 806,с.311].

Итак, в XIII-XIV вв. произошли важные изменения в агротехнике, организации полеводства, в культивируемых культурах. Безусловно, отдельные новшества применялись и ранее: легкий плуг, озимые и ярь известны и при экстенсивных системах земледелия. Лошадей подковывали и в латенское время и, изредка, с VIII в.; разные травопольные системы применялись, как отмечалось, с неолита. Но всё это было единичным и нерегулярным. Поэтому, считает Беранова, удревять трехполье как общеевропейскую систему ранее XIII в. нет оснований [448,с.48-49].

Земледельческие орудия и работы. Инвентаря, использовавшегося в труде земледельцев, на поселениях обычно встречается мало. Деревянные его части не сохранялись, а железные или забирали с собой жители при уходе с поселения, или переделявали в другие орудия [799,с.257]. Вместе с тем, на селищах, раскопанных большими площадями, можно ожидать достаточно полные наборы земледельческого инвентаря. Так, например, на поселении Мстенице были найдены: части плужных ножей, много серпов, вилы, кованные лопаты и мотыги, фрагменты сбруи для перевозки возов [731,с.37].

Основным почвообрабатывающим орудием раннего средневековья, доставшимся по наследству из прошлых эпох, было рало, применявшееся и при подсеке, и в начале складывания паровой системы. Усовершенствованное рало с железным наральником, известное еще у кельтов, в славянской среде распространилось после середины I тыс.н.э. и в VIII-IX вв. встречалось уже повсеместно. Предназначенное для мелкой вспашки, оно применялось почти без конструктивных изменений до конца XIII в. Встречаются, однако, и следы глубокой вспашки тяжелым ралом, отмечены и приспособления для переворачивания пласта у некоторых рал (многозубых, асимметричных) [445,с.199; 446,с.479; 448,с.6-12; 476,с.149; 478,с.17; 514,с.11; 743,с.34-37; 803,с.280]. Но в памятниках XI-XIV вв., отмечает Беранова, находок наральников меньше, чем на поселениях предшествовавшего времени. Исследовательница объясняет это как худшей изученностью памятников той эпохи, так и исчезновением обычая оставлять в земле ценные земледельческие орудия [448,с.11]. Вероятно, к этому следует добавить постепенное распространение более совершенных почвообрабатывающих орудий - плугов. Спорадические следы плуга отмечены уже в VIII-X вв. Это был еще несовершенный, так называемый легкий плуг (скорее - рало с отвалом), сосуществовавший с ралом и позднее. Характер применения рала и плуга в XI-XII вв. еще не совсем понятен, но ясно, что легкий плуг рала не вытеснил. С XIII в. распространяется более совершенный, тяжелый плуг с крупным асимметричным лемехом (близкий плугу нового времени). С этого времени плуг уже преобладал над ралом. Археологические материалы XIII-XIV вв. недвусмысленно свидетельствовали об этом переломе в технике пахоты на всей территории и Чехии, и Словакии [414,с.32; 444; 448,с.10-15; 476,с.149; 478,с.17; 480,с.32,141-142; 514,с.11; 743,с.37]. С распространением тяжелого плуга, повышавшего

производительность труда и в целом продуктивность полеводства, окончательно складывается и трехпольная система, что отразилось в совпадении обеих явлений во времени [448,с.16].

Тогда же - XIII-XIV вв. - распространились и рамчатые бороны с железными зубьями, неизвестные ранее у славян и пришедшие, вероятно, из римских провинций через Западную Европу. Они имели обычно по 20 зубьев, заменяемых по мере необходимости новыми на тех же рамках. В XVI в. появились модификации таких борон с разным числом зубьев [440,с.412; 448,с.15-16,49-51; 478,с.17-18; 480,с.142; 743,с.40].

Широко применялись серпы, ибо в древности и средневековье не косили, а жали, срезая, в основном, колосья, чтобы не увозить с поля еще и стебли. Даже когда часть соломы стали употреблять в хозяйстве, применение серпов позволяло сводить потери зерна до минимума, ибо не надо было вязать снопы, а колосья забирали сразу. В VIII-начале IX в. серпы усовершенствовались. Они стали более изогнутыми. Характерно, что серпы сопровождали погребения и женщин, и мужчин, как богатые, так и бедные. Это свидетельствует о широком их распространении и значении для всего земледельческого населения. Увеличение посевных площадей и, соответственно, уменьшение размеров пастбищ в ходе внутренней колонизации, с интенсификацией земледелия, что увеличивало потребности в удобрениях, удлинено сроки стойлового содержания скота и усиливало внимание к соломе: ее уже не сжигали и не запаховали, а использовали как подстилку или добавляли к навозу. Это приводило к изменению конструкции серпов в XIII-XIV вв.: лезвия становились более длинными и узкими, закругления у ручек и острия - более крутыми. Всё это - для срезания не только колосьев, но и стеблей, для захвата большего количества соломы. Но для нового способа жатвы серпы были неудобны - требовали низко наклоняться. Поэтому с начала использования соломы в качестве корма, со второй половины XIV-XV в. ее стали убирать с полей косами. Причем, в отличие от старославянских коротких горбуш, известных с VI в., приспособленных только для кошения травы и срезания ее довольно высоко, в указанное время распространились более универсальные косы с длинными рукоятками, пригодные и для уборки соломы [448, с.20-23,41-43,48; 450,с.254; 480,с.142]. Для заточки использовали часто встречаемые каменные оселки [476,с.153-154].

Грабли чаще, вероятно, делали из дерева, но отмечены и железные. Вилы применяли двух- и трехзубые. Из Пфаффеншлага известны железные кованые цепи для молотьбы [440,с.415; 448,с.23,41-43; 480,с.143; 743,с.39-40].

Для помола зерна применялись мельницы. Самые ранние, с I тыс. н.э. - ручные, ротационные мельницы. Сохранились они и позднее, в начале II тыс. Точнее их датировать трудно, ибо они, в том числе из-за феодальных баналитетов, вытеснялись более совершенными ветряными и водяными. Эти типы мельниц археологически нигде пока не локализованы, но в письменных материалах известны с XII в. (Словакия). В XIII-XIV вв. они уже довольно широко распространены. В XIII в. Словакии одна мельница в среднем приходилась на 7 поселений (примерно на 1470 жителей) [447; 448,с.25-26; 478,с.19; 569; 775,с.164; 830].

ЖИВОТНОВОДСТВО. В средневековом сельском хозяйстве рассматриваемых территорий, как и в соседних землях, преобладали крупный рогатый скот и свиньи, причем соотношение их на разных этапах и в разных типах хозяйств менялось. К середине I тыс. у славян и германцев в Центральной Европе предпочтение отдавалось свиньям. Позднее, в VI-VIII вв. на славянских поселениях преобладал крупный рогатый скот. В Бржезно кости крупного рогатого скота составляли 52%, свиней - 22%, овец и коз - 11%, птицы - 10%, коня - 2%, были также кости собаки. Почти аналогичное соотношение остеологического материала наблюдал Б.Крюгер в Дессау-Мозигкау (на Эльбе, во второй половине VI-начало VIII в.). Но в течении VIII в. поголовье свиней и коров (с быками и телятами) сравнялось, а в IX в. свиньи в стаде стали преобладать (до 60-70% - в Микульчицах). На других памятниках эти различия не столь четкие, но возрастание роли свиноводства к концу I тыс. - бесспорно. Свиноводство преобладало среди лиственных лесов Полабья. Стабилизация хозяйственных ареалов, освоение свободных незаселенных площадей в конце I тыс. при отсутствии каких-либо устойчивых традиций заготовки кормов сделали разведение неприхотливых, питавшихся в окрестных богатых лесах, свиней предпочтительнее. Особенно это было выгодно в местах с плотным населением, вокруг административных и прочих центров с их усиленными потребностями в мясе (это и отразилось на структуре стада в великоморавских

Микульчицах). В местах же с редким населением, с сохранившимися большими пастбищами, крупный рогатый скот мог и не терять своих прежних позиций. Есть свидетельства об увеличении добычи сена в VIII-X вв. Третье место и в великоморавское время сохранилось за козами и овцами (из их костей делали, кстати, много мелких орудий труда и других предметов). Вероятно, считает Й.Поулик, стада овец, принадлежавшие великоморавским вельможам, пасли пастухи, жившие в особых пастушеских поселках. Конских костей немного, хотя именно в это время, по мнению некоторых исследователей, отмечено появление хомутов и подков. Очевидно, в отличие от других видов скота, в пищу коней не использовали. Среди домашних птиц отмечались куры, реже - гуси и утки. Молоко, по свидетельству письменных материалов, еще не стало популярным и употреблялось не весь год. В качестве тягловой силы распространилось применение волов [442; 450,с.239-243,279-281; 451,с.22-24; 457,с.298-300; 661,с.139; 710; 762,с.76,99-104].

В последующие века усиление внимания к кормам (культивирование кормовых трав, использование соломы), распространение стойлового содержания скота (в том числе и для накопления навоза, необходимого при паровой системе земледелия), сведение лиственных лесов (основного источника питания свиней в раннем средневековье), успехи селекции, более полное использование молочных продуктов вновь выдвинуло на первое место крупный рогатый скот, который преобладал на всех исследованных поселениях XI-XIV вв. (от 1/3 до половины всего стада в деревне). Коров забивали обычно в 3-3,5 года, то есть на мясо. Были, как и прежде, рабочие волы. Свиней (до 16%) обычно забивали в 2-х летнем возрасте³⁰ Особенностью этого периода является увеличение конских костей (до 18-21%) - конина тоже пошла в пищу³¹. Кости коз и овец (до 11%) трудноразличимы (считается все же, что овец было больше), но в целом этих животных насчитывалось относительно мало³². Много на поселениях было костей собак и лишь чуть меньше - кошек. Везде были куры (до 6%), реже - гуси, слабо представлены домашние утки и голуби (известны лишь по письменным данным). В монастырях культивировались улитки. Всё это в целом соответствует общеевропейским данным [435; 448,с.35-37; 580,с.163; 731,с.33-35; 733,с.162; 737,с.23; 743,с.40-41; 799,с.261; 880,с.65].

РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ. Наиболее ранние сведения о сельском ремесле относятся к поселениям Великой Моравии (впрочем, много ремесла в то время и не было). Имеющиеся материалы свидетельствуют о развитии металлургии и кузнечного дела, выделились и специалисты-гончары, изготавливавшие не только посуду (амфоры, жбаны и др.), но также кирпичи и черепицу. В Микульчицах найдены следы деревообработки, в том числе остатки лодок-однодревок. Из дерева делалась и посуда. Велась обработка кожи, рога, кости. Многочисленные пряслица свидетельствуют о ткачестве. Обнаружены следы местного стеклоделия, ювелирных работ [269,с.32-35; 513,с.353]. Безусловно, речь здесь идет не столько о сельском ремесле, а о в значительной степени специализированном производстве, обслуживавшем великоморавских вельмож. Эти ремесленники уже мало были связаны с сельским хозяйством и жили нередко в специализированных поселках [46, с.120]. Но

³⁰ Б.Новотны считает, что много свиных костей уничтожили собаки [448,с.37]. Больше свиней должно было быть в феодальных поместьях. Ибо, по мнению М.Кучеры, мелкие и средние феодалы, пользуясь дешевой рабочей силой, были основными поставщиками мяса, тогда как крестьяне больше внимания уделяли разведению тяглового скота и хлебов [665,с.388-389].

³¹ В XI-XIII вв. распространился обычай подковывать лошадей, что указывает прежде всего на увеличение их роли в транспорте, тем более, что распространились появившиеся ранее хомуты и это увеличило грузоподъемность лошадей в 4 раза. Но волов быстроходные кони не вытеснили. Известны так называемые воловьи подковы, что свидетельствует о запрягании этих животных в возы. Кстати, медленное распространение подков, известных уже с латенского времени, а славянам - с VIII в., вызывалось тем, что подковы, утяжеляя ногу и ухудшая амортизацию, ограничивали подвижность коня, то есть ухудшали условия верховой езды. Поэтому распространение подков свидетельствует прежде всего об увеличении роли коней в хозяйственной деятельности. Последующее повсеместное подковывание верховых коней вызывалось увеличением количества дорог с твердым покрытием, губительным для незащищенных копыт. На феодальных поселениях встречаются и такие свидетельства верховой езды, как уздечки, наиболее характерные для XIII-XIV вв. [448,с.44-46; 476, с.159-160; 478,с.18].

³² С овец, помимо мяса, широко использовали и шерсть, о чем свидетельствуют многочисленные находки так называемых овечьих ножниц. В XIII-XIV вв., в условиях наивысшего развития колонизации, по письменным данным, увеличилось поголовье овец и коз [448, с.37,44; 476,с.158].

отсутствие в этот период специфических городских центров требует не забывать о великоморавском ремесле в данной теме.

Собственное сельское ремесло этого периода проследила в окрестностях Победима (Словакия) В.Вендтова. Она выделила металлургическое и кузнечное производства. Ткачество, косторезное дело, гончарство и т.п. не обособились еще в самостоятельные ремесла и относились к домашней деятельности [855,с.217-218]. То же было и в чешских землях [480,с.54,104-108]. Хотя в IX-X вв. наблюдался определенный прогресс, например, в изготовлении льняных тканей [756,с.303].

В X в. на сельских поселениях изготавливались простейшие металлические изделия (оружие, земледельческие орудия). Следы такого производства обнаруживаются на некоторых городищах, около которых можно предположить и наличие специализированных гончарных мастерских. Появление костелов свидетельствовало о складывании артелей каменщиков. Среди крестьянских украшений преобладали бронзовые, из серебра - редко [312,с.102-110].

Для характеристики сельского ремесла XI-XII вв. и, в ряде мест, XIII в. данных недостаточно [476,с.148]. Анализ словацких топонимов X-XII вв. позволил А.Габовштяку выделить специализированные поселения ремесленников, что, однако, не исключало и другие занятия их жителей, в том числе и земледельческие [567,с.301]. Не исключено, что в топонимике закрепились лишь основные занятия и повинности, которые несли жители этих деревень.

Как известно, одним из первых выделилось кузнечное ремесло. На земледельческих поселениях кузнецы известны уже, что отмечалось, с великоморавской эпохи. Есть материалы о них с X в. Д.Чаплович отмечает, однако, что эти ремесленники имели и земельные наделы, ибо не могли, за редким исключением, конкурировать с появившимися городскими профессионалами. Как правило, кузнечные мастерские располагались на окраине деревни. Не всегда, однако, можно с уверенностью утверждать, связаны ли этим мастерские с домашним производством или со специализированным ремеслом. Основной здесь критерий - ассортимент и качество изделий [455,с.85; 520,с.376-377; 568,с.115-116; 665,с.237].

С XIII в. отмечается увеличение числа и ассортимента железных изделий на сельских поселениях, больше становится и кузнечных мастерских (с примитивной, по сравнению с городом, технологией), особенно на хозяйских дворах шляхты. Нередко на поселениях и в усадьбах лишь кузнечное производство и было представлено мастерскими. Находят кузнечный инвентарь (щипцы, наковальни, молоты), свидетельствующий о соответствующем производстве почти в каждой обследованной деревне [440, с. 417-421; 476, с. 148; 568,с.116-117; 731,с.35-37; 738,с.130; 757,с.82-87]. Стремление феодалов иметь "своих" кузнецов было связано, вероятно, с увеличением потребности в хозяйственном инвентаре и оружии при недостаточной доступности (в том числе из-за дороговизны) городских изделий. Безусловно, эти мастерские обслуживали и окрестные деревни.

В материалах XIII в. на сельских поселениях известно и специализированное производство [805,с.340].

Гончарство в XI-XIII вв. продолжало оставаться, в основном, домашним и долго не испытывало серьезного технического прогресса. Использовался ручной гончарный круг, известный со второй половины VIII в. Ассортимент посуды долго оставался весьма однообразным. Лишь в отдельных местах, обычно у феодальных усадеб, выявлены специализированные гончарные мастерские (Могельнице, Заблацаны - Моравия). Определенный прогресс, как и в кузнечном деле, отмечен в XIII-XIV вв. Повысилась температура обжига, улучшилось качество сырья и технология (часто изделие изготавливалось из одного куска глины). Больше обнаруживается специализированных гончарных печей. Вместе с тем, отмечает Чаплович, улучшение качества деревянной посуды могло быть связано и с развитием в этот период гончарного производства в городах [440,с.421; 468,с.133; 477,с.502; 543; 568,с.119; 731,с.35-36; 738,с.130; 805,с.340].

Мало данных о сельских ювелирах. Специализированных мастерских и специфического инвентаря не выявлено. Да и самих ювелирных изделий собрано пока немного [476,с.380; 732,с.56].

Среди инвентаря XIII-XV вв. много инструментов для резьбы по дереву (пилки, скобели, сверла, долота), меньше его для обработки кожи (скребки, ножи, шилья, иглы).

Вероятно, подчеркивает Л.Бельцреди, кожевенное дело не было распространено в деревне. Есть свидетельства обработки кости, рога, камня; было и ткачество. Но вся эта деятельность в деревне и в развитом средневековье не выходила за рамки домашнего производства [440,с.420-421; 732,с.55; 805,с. 340].

ПРОМЫСЛЫ, безусловно, занимали определенное место в жизни средневековой деревни. Есть данные об охоте, рыбной ловле, пчеловодстве. Охотились на оленей, лосей, кабанов, косуль, зайцев, лисиц, волков, медведей, диких голубей, встречались цапли, вараны, выпи. Но среди всего остеологического материала кости дичи составляли не более 15% (Мстенице), а чаще - всего несколько процентов. Рыболовство, как и охота, тоже играло подсобную роль. Например, в великоморавском Старом Месте лишь 1,8% всех костей были рыбными. Правда, специфические природные условия порождали и специализированные рыбацкие поселки, отмеченные в X в. Л.Красковской. А о введении христианских постов интерес к рыбе увеличивается. Но уже с X в. складывается княжеская монополия на рыбу, а с XI в. шляхта начала ограждать для своей охоты и рыбной ловли леса и реки. С XII в. бенедиктинцы, а позднее и светские феодалы создают специальные пруды для разведения рыбы. Для крестьян же рыба, как и дичь, становится чаще всего средством феодальных платежей, а на пищевой рацион особо не влияла [442; 476,с.160-161; 513,с.355; 515-517,с.91; 659,с.140; 665,с.386-387; 731,с.35; 732,с.52; 762, с.104; 799,с.261]. Известное с древности бортничество в IX-X вв. существовало обычно в ульях у домов. Более распространилось оно в ходе активных лесных расчисток. Этому способствовала и церковь, потреблявшая воск [480,с.34; 665,с.388; 775,с.164]. Уже в IX-XI вв. в словацких материалах наблюдается и производство дегтя [568, с.119].

§ 3. ХОЗЯЙСТВО ДЕРЕВНИ

В МЕЖДУРЕЧЬЕ РЕЙНА-МОЗЕЛЯ И ОДЕРА³³.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. Начало формирования стабильного земледелия в германской среде дискуссионно. Оно известно в первой половине I тыс. н.э. и выделено почти на всей территории расселения германских племен. Однако отмечается не только его сочетание со скотоводством, но и, по мнению Э.Ланге, большая роль последнего [615,с.124-125; 630,с.104; 685,с.45 сл.; 727,с.83]. Очевидно, при наличии на памятниках следов как обработки земли, так и разведения скота едва ли возможно и уместно определять удельный вес обоих основных и тесно взаимосвязанных отраслей сельскохозяйственного производства. Всё зависело как от конкретного состояния угодий в том или ином регионе, так и от традиции (особенно при переселении на новые места). Имеет значение и степень изученности поселений и их хозяйственных ареалов. В любом случае стабильное существование поселений предполагает ту или иную роль и форму обработки земли.

Более ясной роль земледелия становится в раннем средневековье, после Великого переселения народов. В старой области германского расселения наблюдается континуитет земледелия от предшествовавшего времени. Славяне, пришедшие в восточные земли региона, также были прежде всего земледельцами, причем более высокого уровня, чем германцы первой половины I тыс. С VI-VII вв. и в славянской, и в германской областях

³³ Объединение в одном параграфе материалов о полабских славянах и германцах вызвано вполне понятными особенностями привлекаемой немецкой литературы, в которой вопросы хозяйственного развития обычно рассматриваются в рамках общегерманской территории более позднего времени. С другой стороны, как будет показано ниже, раннесредневековое хозяйственное развитие обоих этнических массивов не имело существенных различий.

отмечается увеличение удельного веса земледелия по сравнению со скотоводством. Эта тенденция особенно четко проявляется в третьей четверти I тыс. Анализ хозяйственных сооружений свидетельствует о повсеместном увеличении запасов зерна. Но это, по всей видимости, было следствием не общего прогресса в земледелии, а связывается с увеличением площадей обрабатываемых земель, вследствие чего соотношение пастбищ и полей изменилось в пользу последних [443,с.51-56; 505,с.82-83; 536,с.301-303; 558, с.315; 596; 686,с.83].

Но локальные различия сохраняются и связаны они, как и прежде, с географическими условиями и традициями. Так, например, среди славянских племен, расселившихся в междуречье Шпрее-Хафеля в VI-VIII вв., отмечено довольно резкое преобладание земледелия, точнее, очень слабое развитие скотоводства, причем настолько, что потребности в мясной пище (по крайней мере для населения городищ) удовлетворялись, в основном, охотой. У племен, проживавших севернее, (ободриты, вильцы) и южнее (сорбы, лужичи) скотоводство занимало более значительное место. Причины такого разнообразия, считает Ланге, связаны с ландшафтом области Шпрее-Хафеля - низменным с редкими лиственными лесами, в отличие от северных и южных, более возвышенных и залесенных. Не исключает исследовательница и влияние традиции, или же сочетания обеих причин, что, думается, ближе к истине [389; 599,с.83; 844,с.89].

В целом, по археологическим материалам, преобладания германского земледелия над славянским в рассмотренное время нет [443,с.51-56].

Системы земледелия. Для германского земледелия начала новой эры данные весьма приблизительны. Постоянные поля и находки деталей земледельческих орудий свидетельствуют о наличии пахоты. Отмечено и существование севооборота. В германских памятниках I-V вв. междуречья Одера-Эльбы, по Донату и Ланге, примерно 61% полей засеивались яровыми, 34,6% оставались под паром и около 4,5% засеивались озимыми культурами. То есть, на отдельных памятниках можно выделить двух-, а местами и трехполье, правда, нерегулярное. Но степень распространенности этих систем неясна [133,с.98; 629,с. 237/].

У славян и северных германцев до VI-VIII вв. преобладало подсечно-огневое земледелие. У полабских славян оно было характерно и позднее, что обычно связывают с расселением и расчистками. Но и здесь оно во второй половине I тыс. постепенно вытеснялось пахотой и севооборотом. В целом для славянских поселений междуречья Одера и Эльбы Донат и Ланге выделили яровых посевов около 36%, пара - около 20%, озимых - более 44%. То есть, по сравнению с древнегерманским временем увеличилась роль озимого клина. Возможно, под славянским влиянием увеличивались посевы озимых и у германцев. Но опять неясен вопрос о степени распространения и регулярности севооборотов. По крайней мере, на регулярное трехполье указывают материалы Торнова VIII-IX вв. О трехполье у франков, в домене Карла Великого близ Лилля в 810 г. свидетельствуют письменные данные. Есть и другие свидетельства постепенного распространения регулярного севооборота и трехполья с VIII в. по обе стороны Рейна, а с IX в. - в Южной Скандинавии [133,с.32-35; 389,с.264; 507,с.704-705; 596; 823,с.475].

Таким образом, постепенный переход к трехполью начался в Центральной и Северной Европе примерно с VIII-IX вв. Каких-либо серьезных хронологических различий в германских и славянских ареалах не выделяется. Безусловно, длительное время трехполье здесь сосуществовало с более древними системами, подсекой и перелогом. Причем в местах с более плотным населением и на малоплодородных почвах такое сосуществование было более долгим. Массовое распространение регулярного трехполья приходится на эпоху внутренней колонизации и завершилось в XIII в., когда оно из спорадической системы превратилось во всеобщую [134,с.25,186-187; 443,с.62; 462,с.45; 729,с. 121; 784,с.55; 823,с.475]. Как видно, при неизбежных локальных особенностях прогресс агрокультуры в Центральной Европе происходил в единых хронологических рамках.

Земледельческие культуры. В первой половине I тыс. в Центральной Европе культивировались ячмень (преобладающая культура), пшеница (чаще всего полба), овес, горох, рожь (редко). Несомненно, были региональные различия [511,с.236; 686,с.92]. Например, в Феддерзен-Вирде почти 50% земледельческих культур принадлежало и ячменю, 25% - бобам и льну, остальные 25% приходились на полбу, пшеницу, просо и корнеплоды. Близкая структура сельскохозяйственных культур была свойственна в то

время, по М.Мюллер-Вилле, Скандинавии и Нидерландам [562,с.280]. Здесь бросается в глаза роль кормовых и технических культур, что, вероятно, связано с ролью животноводства и промыслов, стойловым содержанием животных (как, например, в Фелдерзен Вирде).

Структура земледельческих культур в раннем средневековье претерпела некоторые изменения. Так как она подробно рассмотрена в т. I "Историй крестьянства в Европе" [133,с.39-41], отметим лишь некоторые основные особенности. Бросается в глаза резкое увеличение удельного веса ржи. Она выходит на первое место, как у славян, так и у германцев к востоку от Рейна и становится основной озимой культурой в складывавшихся севооборотах (30-50% всех злаков). Остальные злаковые культуры - обычно яровые. Первой среди них чаще становится пшеница, далее следуют ячмень, овес, просо. На славянских памятниках VI-X вв. с территории бывшей ГДР просо нередко встречается чаще пшеницы и овса; культивируются также лен, горох, чечевица, вика [187,с.119; 505,с.83; 509,с.151; 511,с.236-241; 558,с.316; 559,с.88; 590,с.243; 686,с.92-93; 792,с.51].

Эти изменения были вызваны, очевидно, прежде всего вовлечением в оборот новых земель и совершенствованием агроприемов, о чем шла речь выше. Если яровая пшеница была нетребовательна к уровню обработки, то рожь (как, кстати, и просо) требовали хорошо подготовленных почв. С другой стороны, рожь морозоустойчива и относительно неприхотлива к составу почв, что было важно при расселении [553]. Таким образом, распространение ржи и проса свидетельствовало о прогрессе земледелия в условиях освоения новых земель.

Каких-либо серьезных отличий в структуре земледельческих культур между славянами и германцами в Центральной Европе второй половины I тыс. не наблюдается, что связано, очевидно, прежде всего со сходными условиями, основными агроприемами и тенденциями расселения до конца I тыс. Несколько большая роль пшеницы на западе объясняется более мягким климатом.

В дальнейшем, с развитием агрокультуры, освоением новых земель, складыванием и ростом товарообмена с городом отмечается развитие поликультурности и специализации в земледелии. Новые отрасли сельского хозяйства теснили зерновые, которые, однако, сохранялись на лучших землях. Постепенно на германских землях вновь увеличивается доля пшеницы, которая в XVI в. выходит на первое место. С XIV в. распространяется гречиха. Доля ржи снижается [134,с.32-33; 207, с.111-113; 558,с.320; 622,с.139-140].

Огородничество, садоводство. "Огород" или близкое ему слово, отмечает В.Хенсель, есть во всех славянских языках, что свидетельствует о раннем появлении огороженных мест, на которых высаживали горох (с середины I тыс.н.э.), лен, коноплю [582,с.79-84]. К огородным культурам относятся также указанные выше бобы, чечевица и вика. Сведений о садоводстве славян междуречья Одера-Эльбы нет. Общие данные о садово-огородных культурах Центральной Европы помещены в т.1 "Истории крестьянства в Европе" [133,с.42-43]. Основные достижения в огородничестве и садоводстве региона приходится на развитое средневековье и прослеживаются, прежде всего, по письменным источникам [134,с.34-37; 207,с.63-74].

Урожайность. Минимальная урожайность зерновых на рубеже I/II тыс. в Центральной Европе, по мнению Доната, составляла САМ 2,5, ибо меньшая - не позволяла бы выполнять оброк и другие повинности [507,с.706-707].

Сельскохозяйственные орудия. Есть свидетельства, что северные германцы уже в последние века до новой эры знали тяжелый плуг - с отвалом и лемехом. Спорадически он встречается у них и позднее [133,с.98,277; 436,с.67; 562,с.279].

Но основным земледельческим орудием в регионе до рубежа I/II тыс. оставался так называемый легкий плуг, не переворачивавший пласт. Скорее это, как отмечалось, разные модификации рал с симметричными и асимметричными наральниками. Первые в V-X вв. встречались чаще и в славянских, и в германских областях расселения (в Великой Моравии асимметричные наральники-лемехи отмечались с IX в.). Этими орудиями пахали мелко, на глубину 5-6 см. Длительное время такие рала были полностью деревянными и поэтому подходили прежде всего для легких песчаных почв. Но с VII-VIII вв. у северных германцев, также у польских племен, чехов и моравов появляются железные наральники. Около IX-X вв. они отмечены у полабских славян. Такие орудия уже можно было применять также на тяжелых почвах и они оставались у западных славян основными пахотными средствами до XI-XIII вв. Но уже с VIII-IX вв. в регионе началось распространение и

подлинного плуга с отвалом. Возможно, первоначально он применялся в господских хозяйствах. Широкое распространение плугов совпало с расчистками, внедрением трехполья и установлением длинных полей (геваннов, конов), то есть приходится на XII-XIII вв. Такое совпадение неслучайно. В нем отражен общий прогресс сельскохозяйственного производства в Европе. В это же время появляются и более совершенные плуги. В качестве тягловой силы использовались обычно волю. Применение лошади для пахоты у славян на территории бывшей ГДР отмечено с X в.³⁴ [133,с.37-38; 134,с.19-22; 365; 433,с.25-35,64-71; 499,с.72-73; 507,с.704; 553,с.576-577; 554; 581,с.223]. В целом, как видно, основная земледельческая техника германцев и западных славян развивалась сходными путями и без хронологических различий.

Молотба традиционно велась цепами, известными из археологических материалов X в. [443,с.45]. Мельничные жернова находили в материалах VIII-IX вв. Ручные мельницы известны к X в. Стационарные водяные мельницы известны по письменным источникам с IX в. [187, с.119; 443,46; 582,с.73-75; 591,с.142; 662; 857].

Отличия между славянами и германцами наблюдались в заготовке фуража. В германских областях с IV-VI вв. была распространена восходящая к позднеримской эпохе длинная коса (типа современной "литовки"), позволявшая при относительном удобстве работы заготавливать сена больше, чем известная у раннесредневековых славян короткая коса. Я.Хенниг считает, что наличие длинной косы способствовало интенсификации животноводства в германских землях. У славян же большее внимание уделялось земледелию [443,с.38-40; 581,с.224-227]. Вместе с тем, отмечал Хенсель, так как слово "сено" - общеславянское, оно применялось в качестве зимнего корма скоту очень давно [582,с.113], очевидно, не позднее середины I тыс.

ЖИВОТНОВОДСТВО. В целом, на германских поселениях Центральной Европы I тыс. соотношение видов домашнего скота было следующим: кости крупного рогатого скота составляли 13,7-63%, свиней - 15,2-43%, коз-овец - 6,1-54,7% [555а, с.202]. В этих цифрах хорошо видны хронологические и территориальные колебания в соотношении различных видов животных. Очень подробно изучен состав стада славянских поселений на территории Германии. В течение всего раннего средневековья соотношение видов скота оставалось неизменным. На селищах и части городищ преобладал крупный рогатый скот - 28-61%, свиньи - 14-49%, далее - козы-овцы - 3,9-25%, лошади - 0,2-9,1%, затем куры, гуси, редко - утки, собаки (0,5%) и кошки (0,1%)³⁵.

³⁴По мнению Херрманна, в господском хозяйстве Торнова плуг, запряженный в лошадь, применялся уже с VIII в. [596].

³⁵Важно отметить, что состав стада в славянских поселениях VI-VII вв. в Восточной Германии, части Польши и на Украине практически аналогичен (в процентах) [595,с.65]:

Виды скота	Дессау-Мозигау	Польша	Украина
Коровы	59	50	56-63
Свиньи	25	23	15-23
Овцы-козы	12	20	3,5-13
Лошади	0,9	6	6-9
Собаки	0,4	есть	0,3
Куры	0,8	есть	0,3

Близкие пропорции наблюдаются в ряде западноевропейских деревень, поселений Восточной Австрии, в Южной Франции в XI-XII вв., а местами и позднее. Например, в чешской Мстенице (Моравия) - крупный рогатый скот - 46%, свиньи - 16%, лошади - 15%, овцы - козы - 11%. В Сен-Жан ле Фруа (Южная Франция): крупный рогатый скот - 41%, свиньи - 34%, овцы - козы - 18% [628,с.304-305].

Вместе с тем, в Великопольше VI-VII вв. преобладали свиньи (их 43%, коров - 30%). В VIII-X вв. в Западном Поморье коров стало 27% (вместо 50% в VI-VII вв.), а свиней - 61% (вместо 27%). Возможно, как отмечалось, это было связано с растительными условиями: свиней стало больше среди лиственных лесов, богатых желудями и буковыми орешками, а коров - в безлесых местах [499,с.83]. При таком объяснении указанное увеличение места свиней в стаде Западного Поморья в VIII-X вв. можно увязать с расселением среди лиственных или смешанных лесов. Преобладание свиней над коровами отмечено и на славянских поселениях VIII-IX вв. в Восточной Австрии. А на первом месте там были овцы и козы [532,с.85-86]. Эта ситуация объясняется, очевидно, горным ландшафтом.

Свиньи нередко превышали количество коров в укрепленных поселениях [628,с.304; 720; 853,с.130]. Но это не обязательно было связано с особенностями питания господ. Например, в Торновском бурге, когда он был убежищем жителей соседней деревни (VII-VIII вв.) свиньи составляли 43,6% скота, коровы - лишь 27%, хотя в самой деревне коров было больше. Когда же на бурге появилась господская резиденция, коров там стало почти 49%, а свиней - 23%, то есть соотношение уравнилось с деревенским [499, с.86].

Интересно сопоставление этих данных со славянской топонимикой междуречья Одера-Эльбы, относящейся к домашним животным. Из 121 наименования с крупным рогатым скотом связано 9,4%, свиньями - 4,2% овцами - козами - 35%, лошадьми - почти 50%, домашней птицей - 6%. Причина расхождений этих данных о костных остатках, как считает Г.-Г. Мюллер, связана с ролью овец (или коз) и, особенно, лошадей в повседневной жизни. Лошадей на мясо и сырье использовали мало, больше - как тягловое животное. Поэтому большинство животных достигало естественной смерти - 61% особей (остальные 39% - забиты на 3-9-х годах их жизни). Поедали, очевидно, лошадей, погибавших случайно или уже непригодных для работы. Аналогичным было положение и у соседей полабских племен. Исследователь сравнил эти данные с аварскими погребениями в Словакии, где лошадей свыше 9-летнего возраста было лишь 28%, а остальные - моложе. Наличие в погребениях приспособлений для верховой езды не оставляет сомнений в том, что лошади у аваров ценились прежде всего по пригодности к верховой езде, каковыми и были молодые особи. Контраст с положением у полабских славян очевиден. Коров преимущественно забивали в возрасте около 2,5 лет (почти 60%). То же относится и к свиньям, большинство из которых держали до 2-3,5 лет (более 60%) и овцам - козам³⁶ [555а,с.102-103; 595; 661,с.139; 720; 721; 724; 726; 780,с.57; 792,с.50]. Как видно, эти возрастные пропорции скота вполне коррелируются с данными из Феддерзен-Вирде. То есть, сохраняются те же принципы разведения и использования скота, которые были, вероятно, общими для всего сельского населения Центральной Европы в раннем средневековье. Локальные особенности обуславливались природными условиями. В качестве еще одного примера можно вспомнить вышеуказанную особенность области Шпрее-Хафеля.

Рассмотренные особенности развития скотоводства в Центральной Европе сохранялись до конца XIII в. Затем начались перемены, связанные как с изменениями в соотношении пашен и пастбищ, наступившими в ходе "Великих расчисток", так и с ростом товарности сельского хозяйства [см. 134,с.38-41; 207,с.36-46; 723,с.168]. Но эта эпоха хорошо известна по письменным источникам и выходит за рамки темы.

РЕМЕСЛА, ПРОМЫСЛЫ. Ремесло раннесредневековых германских сельских поселений изучено явно недостаточно, особенно по сравнению со вниманием к строительному делу. Обычно констатируется стандартный набор: обработка дерева, ткачество, косторезное, кузнечное, ювелирное и гончарное ремесла, иногда металлургия. В Варендорфе (VII-VIII вв.) каждая группа дворов имела своего кузнеца [866]. Те же сведения происходят из поселений полабских славян. Обычно это были домашние ремесла. Но выделяется более развитое специализированное производство в славянских городищах, где основное внимание уделялось металлургии и металлообработке [см. 792,с.57-73; 853].

Ткачество и обработка металлов выявляются и на селищах более позднего времени [635,с.186]. Развитие металлургии, которое способствовало улучшению сельскохозяйственных орудий, было, кстати, одним из факторов, ускоривших лесные расчистки. По некоторым подсчетам, на выработку 1 т железной руды уходило в XIII-XV вв. 8 т древесного угля или 30 т дерева, что составляло 5 га леса [499, с.101-109; 729].

Безусловно, не все виды ремесленной деятельности в деревне достаточно четко отражены в археологических материалах. Это относится к труду бондарей, кожевников, сапожников и т.п. Не всегда можно проследить момент превращения домашнего производства в специализированное ремесло. Впрочем, это еще мало привлекает внимание археологов. Локальные наблюдения на отдельных поселениях недостаточны. Требуется анализ широкого круга данных с целого региона, причем особо для пригородных и сугубо сельских округов. Ибо появление городов почти одновременно во всей средневековой Европе, с одной стороны, свидетельствует о массовости процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, с другой - это ускорило создание специализированного ремесленного

³⁶Несколько отличаются от приведенных данные о жертвенных животных, собранные в IX-XI вв. в Арконе. Преобладали козы и овцы, затем - свиньи и лишь на 3-м месте - коровы. У всех видов большинство составляли более молодые особи, чем на поселениях [722]. Вероятно, более ценными видами скота старались не жертвовать.

производства в деревнях, особенно расположенных вблизи городов и торговых путей. Примером -массовой профессионализации ремесла является относительно быстрое внедрение по всей Европе гончарного круга в конце X-начале XI в. [311,с.89]³⁷.

В целом, как отмечает Херрманн. у полабских славян формирование специализированных деревенских ремесел началось с VIII в. (в металлургии и кузнечном деле), а его обособление и специализация наиболее активно пошла в X-XI вв. с появлением ранних городов. В XI-XIII вв. в деревнях уже работали со сталью [591,с.142].

В.Янссен разделил средневековые сельские поселения на: 1) земледельческо-скотоводческие и 2) торгово-ремесленные. Среди последних, считает ученый, можно выделить те, в которых ремесленная продукция рассчитана на покрытие собственных нужд и те, ремесленная и торговая деятельность в которых оттесняла сельскохозяйственное производство [628,с.306]. Думается, последние (вики) уже относятся не к сельским поселениям, ибо, как свидетельствуют обычно письменные данные, их жители в значительной степени существуют уже за счет закупок продуктов питания, то есть приближаются к горожанам. Хотя размеры, внешний вид, особенности застройки, наличие часто приусадебных участков делает их похожими на деревни [312,с.73].

Среди сельских промыслов на первом месте, несомненно, стоит охота, чему способствовали и огромные лесные массивы. Жители раннесредневековых славянских поселений чаще всего добывали оленя, дикого кабана, косулю, медведя, тура, зубра, лося; меньше костей зайца, лисы, дикого кота, на побережье - тюленя. В разных поселениях роль охоты была неодинаковой. В поселениях Шлезвига IX-X вв. количество костей дичи колебалось от 2 до 29%, в поселениях ободритов их было чуть более 6%, в Дессау-Мозигкау - 17,5%. В городищах роль охоты была заметнее: в некоторых славянских городищах масса костей дичи доходит до 15-30%; в Берлин-Бланкенбурге - 58-58,5%, а на некоторых других славянских укрепленных поселениях междуречья Шпрее-Хафеля кости дичи составляют 70-100% всего остеологического материала. Но это был, как отмечалось выше, район со слабым развитием животноводства. В более поздних рыцарских замках, судя по имеющимся данным, роль дичи снижается. Например, в замке XII-XIV вв. Гоммерштедт костей диких животных было всего 5,6% [133,с.43-44; 499,с.81-95; 611,с.118; 686,с.89; 723,с.168; 724; 792,с.50; 846,с.92; 853,с.130]. Как видно, дичь не играл ведущей роли в крестьянском рационе, а также, за редким исключением, и в меню господствующих слоев. Поэтому едва ли оправдан обобщающий вывод А.А.Сванидзе о большой роли охоты в балансе продуктов питания раннесредневекового населения [311,с.16,18].

Роль рыбной ловли, естественно, зависела от близости водных ресурсов. Особенно она заметна на морском побережье. Вылавливали сельдь, окуня, щуку, леща, плотву, карпа, лосося, мокрель, в Восточной Голштинии XI-XII вв. была известна камбала [499,с.98; 582, с.141-143; 611,с.119; 687,с.117.]

Бортничество у полабских славян было известно, но особого распространения не имело [499,с.99-100].

Как видно, сельские ремесла и промыслы на рассматриваемой территории изучены в целом еще на уровне констатации отдельных находок. Особенно это относится к немецкой деревне. Славянское сельское ремесло рассмотрено прежде всего Херрманном [590]. Но исследователь уделяет основное внимание ведущим видам: земледелию и животноводству, что и отразило, с одной стороны, недостаток данных о ремесле, с другой - его малый удельный вес в тогдашнем деревенском хозяйстве.

ВЫВОДЫ. В VI-VII вв. у германцев и славян был, в принципе, одинаковый уровень во всех важных сферах хозяйственной жизни. И в дальнейшем, как к востоку, так и к западу от Эльбы действуют одни и те же тенденции развития, и в земледелии, и в животноводстве.

³⁷Но едва ли можно утверждать, что гончарство первым в деревне превращается в самостоятельное ремесло [см. 133,с.55]. Скорее это относится к металлургии, требующей и многих специальных навыков, и времени, в том числе на добычу и подготовку сырья и топлива. Массовая посуда еще долго обжигалась в домашних печах. Да и необходимый для широкого производства быстровращающийся круг распространялся довольно медленно, у полабских славян - в течении XI-XII вв. [499,с.118].

[507,с.707-708]. Имевшиеся различия, например, в косах и, следовательно, в способах заготовки кормов, в формах пахотных орудий и некоторые другие были второстепенными³⁸. В целом, к концу I тыс. по уровню хозяйственного развития эти земли мало отличались друг от друга [см., напр., 590,с.243³⁹]. Но с этого времени, как отмечает П.Донат, экономическое развитие германской деревни пошло "интенсивнее, что, по его мнению, было связано с генезисом феодализма в VIII-XI вв. [507,с.708].

К причинам наметившихся различий в темпах и формах развития германских и славянских аграрных порядков мы обратимся в разделе об общественных отношениях. Здесь же отметим, что общая тенденция в развитии таких важных для сельского хозяйства явлениях, как распространение плуга и регулярного трехполья была единой и к востоку, и к западу от Эльбы: внедрение шло примерно 600 лет, с VIII до XII-XIII вв. Также в едином русле до конца I тыс. развивалось и ремесло, которое и у славян, и у германцев начало отделяться от сельского хозяйства в VII-VIII вв. своими наиболее важными для хозяйственной жизни отраслям - металлургией и металлообработкой.

³⁸Права К.Д.Авдеева, заметившая, что "частные примеры хозяйственных успехов не следует принимать за массовое явление" [134,с.18].

³⁹Анализ экономики славянских племен междуречья Одера-Эльбы позволил Херрманну сделать вывод о том, что производственный уровень IX-X вв. в 2-3 раза превосходил период VI-IX вв., а в XI-XII вв. производство здесь выросло еще примерно в 2 раза [389]. Прогресс налицо.

РАЗДЕЛ V.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ.

Как следует из приведенных материалов, быт крестьян определялся, прежде всего, их экономическими возможностями, а также характером среды обитания. Этнические традиции в материальной стороне повседневной жизни (жилища, хозяйственные постройки, инвентарь) играли, по-видимому, второстепенную роль и проявлялись в строительной технике, в деталях планировки и оформления помещений и усадеб, наборе и внешнем виде утвари, в одежде, то есть в том, что не было напрямую связано с функциональным назначением постройки или вещи. Исключением здесь является, пожалуй, традиции взаиморасположения жилищ и хозяйственных построек, которые, однако, различались и в рамках одного этноса, чаще опять таки из-за различных природных условий. Например, длинные дома северных германцев и отдельно стоявшие хозяйственные постройки на юге Германии. То же относится к традиции углубленных жилищ у славян, характерных, прежде всего для степей и лесостепей.

Каких-либо значительных этнических различий в уровне раннесредневековой материальной культуры славян и германцев, как было показано, не существовало. А те, что имели место, были связаны или с природными условиями (строительная техника и технология), или с влиянием достижений Древнего Рима (некоторые виды пахотных орудий, косы), или с социальными системами, формой общинного устройства (позднее появление крестьянских усадеб у славян).

Глава I. БЫТ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Археология, пожалуй, единственная наука, способная представить хотя бы общие черты повседневной жизни людей дописьменной эпохи. Памятники материальной культуры имеют первостепенное значение и для познания быта средневекового крестьянства, мало затронутого письменной культурой. К сожалению, данных по этому сюжету все еще недостаточно и мы можем рассматривать его пока лишь фрагментарно.

ДЕМОГРАФИЯ. Показателем качества жизни всегда была ее продолжительность. Во второй половине I тыс. модальная продолжительность жизни у восточных славян составляла 36,5 лет. Примерно те же данные - у балтов и финно-угров. Женский возраст был обычно на четверть ниже мужского, прежде всего, вероятно, из-за большой смертности при родах [410,с.218]⁴⁰. В эпоху древнерусских княжеств, по данным украинских исследователей, сельское население Подесенья и Среднего Поднепровья жило в среднем около 38 лет (мужчины - 40,9 лет, женщины - 35,8 лет). В Среднем Побужье средний возраст сельских жителей составлял 36,75 лет (мужчины - 37,3 года, женщины - 36,2 года)⁴¹. При этом

⁴⁰По славянским захоронениям VIII-IX вв. Подонья из 41 погребенного в возрасте до 15 лет было 3 костяка, 18-30 лет - до 10, до 45-50 лет - 26; свыше 60 лет - 1 костяк [54,с.188-190]. В целом всё это было несколько ниже, чем в Западной Европе. Самая высокая продолжительность жизни была тогда в Галлии - 45 лет, а в среднем по Европе - около 40 лет [410,с.218].

⁴¹Это, безусловно, не означает, что люди не доживали до преклонного, по нашим понятиям, возраста. Но их было очень мало. К тому же бичом была детская смертность. В могильниках IX-XIV вв. Вольни, например, 44% погребений принадлежало детям 7-12 лет, 54% - погребенным в возрасте 20-25 лет и лишь 2% - зрелым и пожилым, 36-60-летним [279,с.176-177]. В могильнике XI-XII вв. при Чаусском селище (Среднее Посожье) в двух погребениях были похоронены дети 8-9 лет, а в 7-ми - люди в возрасте 30-35 лет [290]. В могильниках Среднего Побужья из 62 определенных погребений было 5 детских (8,1% всех костяков), в возрасте 1,5-8 лет. Мужских погребений - 39,3%, женских - 42,6%. Причем в возрасте до 25 лет среди мужчин покоилось 26,3%, среди женщин - 27,8%, а среди умерших после 50 лет мужских костяков было 21,5%, женских - 16,7%. То есть женщины чаще

средний рост сельских жителей составил 157-167 см (мужчины) и около 157 см (женщины). Горожане были обычно выше на 3-5 см [82; 239,с.60]. Интересно, что по подсчетам А.В.Дулова, средняя продолжительность жизни в княжеских родах Северной Руси составляла в XIII-середине XIV в. 27,2 года, во второй половине XIV-XV вв. - 31,5 года [104,с.149]. Отсюда - модальная продолжительность жизни князей доходила до 42-45 лет.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ. Интерьер жилищ. Выше, в разделе III речь шла о крестьянском жилище, его устройстве. Отмечалась распространение так называемых летних кухонь - печей или очагов, расположенных вне жилищ, вероятно, под навесами. Отмечалось также, что избы были курными, а основные элементы убранства в полуземлянках составляли вырезанные в материке останцы, покрытые досками - лавки, полати. Но была, безусловно, мебель и в обычном смысле слова. И хотя эта мебель из-за плохой сохранности дерева на сельских памятниках обычно обнаружить не удастся, на ее наличие, по мнению И.П.Русановой и С.И.Пеняка, указывают выявленные в нескольких жилищах в второй половине I тыс. с земляными полами беспорядочно расположенные мелкие ямки, вероятно, следы от ножек столов, табуреток [203,с.198; 251; 294,с.25].

Почти нет прямых свидетельств и об интерьере древнерусского деревенского жилища. Но находки в ранних городах, быт которых еще мало отличался от сельского, и этнографические наблюдения позволяют предположить наличие в сельских избах, прежде всего неподвижных, крепившихся к стенам лавок, нар, полатей. Неподвижными бывали и столы. В качестве табуреток могли использовать и чурбаки толстых бревен; не исключены и переносные лавки. Обычно, как и избы, мебель изготавливалась с помощью топора и руками самих хозяев. Специальных столяров в тогдашней деревне не было [243, с.67-68; 427,с.28]. Возможно, были и сундуки. На их наличие указывали находки врезных замков [318,с.89]. Вообще замки, в том числе наиболее распространенные в Древней Руси цилиндрические висячие пружинные на сельских поселениях редки и распространялись, прежде всего, в городах, а также в феодальных резиденциях сельского типа. Очевидно они - свидетельства пестроты социального и имущественного состава жителей поселений и малочисленность замков в рядовых селищах показательна - косвенно подтверждает простоту и единообразие крестьянской утвари, а также отсутствие имущественных различий.

Освещались жилища, вероятно, лучинами, хотя, в условиях курной избы из-за скопления сажи это было чрезвычайно пожароопасно [271,с.167,238]. Впрочем, нельзя забывать, что сельский уклад не требует длительных бдений в темное время суток и вообще ночная жизнь не в традициях средневековья.

Питание. Обилие зернотерок, а затем, с последних веков I тыс., ручных мельниц, свидетельствует о распространенности мучной пищи и, прежде всего, конечно, хлеба (предпочитали свежий). На это указывают и летние печи, и этнография. Очевидно, не менее популярными были и каши, хотя приспособления для приготовления крупы - ступы - встречаются редко, так как были деревянными (см. об этом в разделе "Хозяйство"). Из-за различных природных условий в разных регионах преобладали разные виды злаков и, отсюда, разные сорта хлебов и каш. В лесной зоне поначалу преобладал ячмень, с развитием паровой системы - рожь, на юге - пшеница. Просо, овес и гречиха были распространены в меньшей степени, но повсеместно. Из бобовых чаще встречался лучше переносивший заморозки горох. Из льна и конопли, помимо волокон, добывали растительное масло. Большую роль играли различные блюда из репы, относившиеся поначалу, вероятно, к полевым культурам. Об использовании в пищу различных огородных, садовых и лесных культур и говорить не приходится. О мясной пище данных меньше, ибо, как отмечалось, основная масса остеологических материалов приходится на города. Но не подлежит сомнению, что в крестьянской пище преобладали свинина и говядина. Обычны были молоко и молочные продукты. Но, по общему мнению, у крестьян - земледельцев практически всегда растительная пища преобладала над животной. Тем более что с развитием феодального землевладения охота, да и рыбалка становились привилегией господ. Из напитков известны мед, квас, кисель, пиво (с XII в., как и в Западной Европе - из

умирали в молодом возрасте и значительно реже доживали до старости в нашем понимании. Впрочем, по подсчетам Н.А.Макарова, среди колонистов русского Севера в X-XIII вв. мужской возраст составлял 30,1 год, женский - 32,8 лет [210].

хмеля). Впрочем, все это - уже вне археологии, так же как и особенности крестьянской кухни, практически для рассматриваемого времени неизвестной [92,с.161-164; 272,с.215-228; 427,с.30-31; 427а,с.142].

Основу кухонной утвари составляли глиняные горшки, многократно проанализированные в археологической литературе. Помимо горшков, использовавшихся и для варки, и для подогрева пищи, и для хранения, и в качестве, очевидно, столовой посуды были и специальные формы: сковороды, миски, кувшины, корчаги для хранения запасов. Разнообразнее была глиняная посуда в городах. Основные формы этой посуды, возникшие в древнерусскую эпоху, существовали и в XIII-XV вв. Помимо глиняной, бытовала и посуда из дерева, хотя она, естественно, почти не сохранилась, за исключением остатков деревянных ведер, обычно реконструируемых по железным обручам и ручкам. Безусловно, деревянными были ложки. Из кухонных приборов лучше хранились железные ножи - одна из самых массовых железных находок на поселениях. Впрочем, ножи относятся к универсальным орудиям, применявшимся в разных целях. Среди древнерусской деревенской утвари встречены и ножи со стальной наваркой, и так называемые самозатачивающиеся ножи со стальной сердцевиной, обложенной по бокам железными полосами (так называемые трехслойные). К столовым приборам Я.Жак, а вслед за ним Л.А.Голубева отнесли так называемые железные иглы с подвижными кольцами, которыми, по их мнению, можно было доставать из горшков мясо и дробить кости. Применять их могли на охоте и в походе. Возможно, так и было, но достоверно это мы едва ли узнаем. Такие острия-вилки встречаются и среди городского, и среди сельского инвентаря [27,с.57-58; 240,с.305; 243,с.77-81,123-148; 290; 318,с.89-90; 427,с.30-31; 304].

О состоянии гигиены в деревне известно крайне мало. Многочисленные ямы с бытовыми отбросами (дроблеными костями животных, фрагментами керамики, сломанными вещами), встречающиеся практически на каждом поселении, указывают на обычные формы поддержания чистоты. Нередко для сбора мусора использовались заброшенные хозяйственные или производственные ямы. По мере накопления мусор в таких ямах, вероятно, сжигали, о чем свидетельствуют часто встречавшиеся в них зольные прослойки. После заполнения эти ямы засыпали или забрасывали камнями. Соображениями гигиены можно объяснить встреченную в жилищах подсыпку земляных полов желтым песком или известью, о чем шла речь при описании жилищ. О личной гигиене свидетельствуют, прежде всего, деревянные и костяные гребни, довольно многочисленные на сельских поселениях. Специальных приспособлений для бритья не найдено. Возможно, для этого использовались остро отточенные небольшие ножи [290; 318,с.91].

Одежда и обувь крестьян в археологических материалах отражена крайне слабо из-за плохой сохранности. Известно, что одежда бывала шерстяной; использование льна, шкур и мехов не подлежит сомнению. В.П.Левашова приводит сведения о редких находках вязаных изделий, в частности, шерстяных чулок. Из шерсти же валяли войлок на валенки и мужские шляпы. Основной крестьянской обувью были лапти, но известны кожаные туфли и сапоги (парадные-?). В коллекции ГИМа есть оригинальные лапти с кожаной подошвой. Мало археологических данных и о головных уборах. При раскопках чаще встречаются украшения от так называемых венчиков - своеобразных парадных повязок и накладок, скреплявших распущенные или сплетенные в косы волосы. Теперь общепризнанно, что венчики являлись принадлежностью девичьего наряда, а замужние женщины носили головные уборы, обязательно покрывавшие волосы. Подробно такие венчики исследовала Левашева. Более детальные описания древнерусского костюма содержатся в этнографических трудах [191; 243,с.38-69; 243а; 427,с.28-30].

Значительно лучше в археологических коллекциях представлены украшения древнерусского крестьянского костюма, особенно женского. О нем существует обширная литература, в том числе обобщающие работы, написанные, прежде всего сотрудниками ГИМа Левашевой, В.А.Мальм, Н.Г.Недошивиной, А.В.Успенской, М.В.Фехнер. Поэтому

нет необходимости углубляться в данный сюжет. Отметим лишь некоторые его особенности⁴². Распространенным и чаще всего простым, дешевым украшением являлись височные кольца, в большинстве случаев - проволочные. Лишь в ареалах дреговичей, радимичей, вятичей и северян были распространены иные, пластинчатые формы (бусинные, лопастные, лучевые, ромбоцитковые). Крепились эти украшения, иногда по несколько штук, по обеим сторонам головы у висков или за волосы, или за головной убор. Как и большинство деревенских украшений, они были бронзовыми, но иногда встречались биллоновые или посеребренные [243а,с.7-54]. Известны случаи, когда небольшие проволочные перстнеобразные височные кольца использовались в качестве мужской серьги (на левом ухе) [291].

Нечасто, но встречались в древнерусской деревне шейные гривны, служившие как женским украшением, так и мужским знаком отличия. Они, вероятно, принадлежали в деревнях кому-либо из семей "младших дружинников" - наиболее богатого и связанного с городской культурой слоя среди сельского населения, или же разбогатевшим и возвысившимся общинникам [297а,с.463].

Самыми многочисленными женскими украшениями были бусы, иногда использовавшиеся как пуговицы, но обычно - в составе ожерелий, часто вместе с подвесками. Самые массовые бусы - стеклянные разных форм, часты сердоликовые, в дреговичских деревнях встречались металлические крупнозерненные. Наиболее подробно изучали стеклянные и каменные бусы Фехнер и Ю.Л.Щапова /243,с.149-224; 426/.

Часто встречались и подвески разных форм. Они, как отмечалось, могли входить в состав ожерелий, но, особенно различные амулеты, носились и отдельно, а также в связке друг с другом. Этот вид украшений, пожалуй, самый "идеологический". Ибо среди подвесок часты языческие символы: лунницы (особенно у радимичей), круглые подвески (символы солнца), амулеты-обереги, шумящие подвески, особенно бубенчики. И даже не столь уж многочисленные крестики являлись для их владельцев скорее просто украшениями, нежели христианскими символами, ибо находились часто вместе с теми же лунницами. Шумящие подвески, вероятно, были принадлежностью девичьего наряда - символом целомудрия [243а,с.133-148; 307].

В женской и, реже, в мужской одежде применялись бронзовые, медные и железные застежки разных форм [243а,с.149-190].

Нередким украшением были браслеты, обычно бронзовые, биллоновые, серебряные, редко - стеклянные [243а,с.207-252]. Последние считаются нетипичными для рядового сельского населения и их обычно увязывают с пребыванием в местах находок представителей феодальных слоев [318,с.78-80; 343,с.21-25; 372]. Но украинские археологи констатировали широкое распространение стеклянных браслетов на южнорусских селищах XII-XIII вв., что, по их мнению, опровергает вышеприведенное суждение [10,с.403].

Часты были у крестьян и перстни. Как и браслеты, они встречались не только в женских, но и в мужских захоронениях [243а,с.253-274; 421, с. 204].

Среди прочих бытовых предметов, частых в древнерусской деревне, следует отметить кресала, точильные бруски, оселки, пряслица, иглы. Изредка попадаются предметы вооружения и снаряжения всадника. Но, по-видимому, их нельзя связывать с обычным крестьянским имуществом [290].

Как видно, крестьянские украшения эпохи древнерусских княжеств были, хотя и не слишком изысканными, но многочисленными, разнообразными и отражали отнюдь не низкий эстетический уровень их носителей. Логично предположить, что таким украшениям соответствовала и одежда. Это, хотя и косвенно, но свидетельствует о вполне приличном - для того времени - уровне жизни в деревне. Очевидно, он был выше, чем позднее, когда началась широкая феодализация крестьян. Материальная культура XI-XIV вв. мало отличалась от предшествующего времени [27,с.83; 93,с.16; 283,с.142].

⁴²Хорошо известные этнографические особенности женских украшений мы здесь не рассматриваем. Отметим лишь, что, как подчеркивал Рыбаков, именно деятельность сельских ремесленников способствовала сохранению местных этнических традиций [299,с.26].

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ. Как известно, повседневная жизнь людей и в древности определялась не только материальными условиями. Под влиянием производственного и социального опыта формировалась система взглядов и отношений людей друг с другом и с окружающим их миром. Сложность явлений и процессов, происходивших вокруг человека, во всем многообразии не понятая и теперь (да и вообще едва ли познаваемая до конца в принципе), с одной стороны, и свойственное человеческому мышлению стремление к завершенности, четкости понятий и представлений, с другой, вели к формированию упрощенной картины мира. Мироззрение складывалось не на основе изучения объективных закономерностей развития окружающего мира⁴³, а исходя из представлений простых, на уровне бытовой практики, об этом мире. Неясное, не имевшее объяснения в обыденном сознании, воспринималось как воздействие иррациональных надчеловеческих, сверхъестественных сил. В сущности, этими силами и были непознанные еще закономерности окружающего мира. Но свойственная древнему человеку (из-за отсутствия серьезного исторического и социального опыта) конкретность мышления персонифицировала эти силы. На этой основе формировались религиозное мироззрение, а затем и религиозная идеология, постепенно охватившая всю духовную жизнь древнего человека. А так как эпоха раннего средневековья не внесла практически ничего нового в понимание окружающего мира, религиозное миропонимание сохранилось и продолжало влиять на обыденное сознание и повседневную жизнь.

Для понимания характера массового сознания и идеологических представлений большое значение имеет изучение заупокойных культов, погребальных обрядов, определявших систему общественных отношений и религиозных воззрений. Анализ погребального культа восточных славян и средневекового сельского населения региона - особая, важная сама по себе тема. Здесь мы коснемся ее лишь в рамках рассмотрения общего развития религиозных представлений.

В середине и начале второй половины I тыс.н.э. восточнославянское население совершало одиночные захоронения в грунтовых ямах с трупосожжением и, вероятно, с какими-то недолговечными надмогильными конструкциями (из камней, дерева -?). В VI-VII вв. появляется обычай сооружать надмогильные холмы - курганы - при сохранении обычая кремации умерших. В течение VIII-IX вв. курганы полностью вытеснили грунтовые могилы. Совершалась кремация или на стороне, возможно на постоянном для каждого поселения месте и потом кальцинированные кости помещали в курган, или на месте сооружения насыпи. В обоих случаях погребения находились или у основания насыпи, на материке, или в насыпи, на разной высоте от материка. В конце IX-X в. появляется и постепенно распространяется обряд трупоположения. В итоге, в начале XI в. (у вятичей - в начале XII в.) традиция кремации полностью изживается, хотя огонь продолжает применяться в погребальном ритуале в виде костров, сжигаемых при сооружении насыпей или в виде приносимой со стороны золы. С появлением обряда ингумации к прежней традиции совершения погребения на материке и в насыпи прибавились и захоронения в подкурганых ямах⁴⁴. Первоначально этот обычай возник в южнорусских землях (с XI в.), затем он распространился и у северного лесного населения. Как правило, хоронили в вытянутом положении, на спине, головой в большинстве случаев на запад, реже - на восток⁴⁵. Преобладали одиночные захоронения. С XII в. обычай захоронений в курганах начинает постепенно изживаться и в XIII-XIV вв. (позднее всего на северных окраинах Руси) побеждает канонический христианский погребальный обычай [11,с.410; 24; 27,с.45-46;

⁴³Понимание необходимости такого подхода стало относительно массовым явлением лишь в результате накопления огромного фактического и интеллектуального опыта с рубежа средневековья и нового времени (натурфилософия), хотя отдельные примеры этого подхода были и в древности, и в средние века. Но из-за низкого уровня знаний в обществе такие подходы не могли найти подтверждения в реальной практике и оставались лишь гениальными догадками немногих.

⁴⁴Собственно, ямные захоронения были и до распространения курганов. Теперь к ним вернулись в новых условиях.

⁴⁵Иногда встречаются скорченные костяки, что могло быть связано с погребениями волхвов, которых, как колдунов, при захоронениях связывали, клали в мешки [223,с.91-92]. Но более известны так называемые "сидячие" погребения, ориентированные обычно лицом востоку. На Руси они, по мнению ряда исследователей, более характерны для Новгородской земли, где связаны с традицией предшествовавшего финно-угорского населения [186,с.140; 306,с.39; 320,с.174; 379.С.38-40].

54,с.42; 102,с.139-141; 230,с.106; 248; 279; 294,с.26-30; 305; 307; 320,с.10-172; 323; 324; 349,с.94].

Таков, в целом, процесс развития заупокойного культа у раннесредневековых восточных славян и у сельского населения региона в начале II тыс.⁴⁶ Какие же изменения в мировоззрении крестьян отразил этот процесс?

Грунтовые захоронения с сожжениями середины и начала второй половины I тыс. были характерны для тогдашнего и более древнего населения рассматриваемой территории, как и для ряда соседних земель и отражали языческие воззрения того времени. Причины появления курганов в VI-VII вв. еще ждут своего объяснения. По мнению Рыбакова, с начала восточнославянского расселения появилась необходимость более мощной защиты покойников в случае нередкого тогда ухода от могил предков. Насыпи были призваны предотвратить разрушение этих могил [303,с.102,106,109]. Дальнейшие изменения погребального ритуала были связаны с постепенной заменой кремации на труположение. Какие новации в материальной культуре и духовной жизни людей отразили эти изменения?

В историографии сложилось несколько точек зрения. Одна из них, начиная с А.А.Спицина, объясняет вытеснение трупосожжений ингумацией внедрением в крестьянскую среду христианской заупокойной догматики. Трупосожжение церковью запрещалось, а живучесть народной традиции проявлялась в сохранении огненных ритуалов при сооружении погребений [233,с.53; 337,с.5-6].

Сторонники другой точки зрения отрицают влияние христианства на смену обряда. В.В.Седов находит много аргументов в пользу того, что до второй половины XII-XIII вв. погребальные обычаи оставались языческими, что выражалось и в сохранении культа огня, и в наличии при погребенных пищи, и в положении рук покойников (вдоль туловища), и в довольно богатом погребальном инвентаре (даже многочисленные крестики, судя по местам их находок в погребениях, воспринимались не как магические символы, а как украшения⁴⁷). Лишь исчезновение курганов в южнорусских землях с рубежа XII-XIII вв., изживание следов огня, распространение подкурганых ям и крестиков в могилах второй половины XII-первой половины XIII в. в севернорусских землях свидетельствует о постепенном распространении христианских идей в деревне. Причину же смены кремации ингумацией ученый ищет в проникновении в восточнославянскую духовную жизнь рубежа I-II тыс. иранских (скифских) представлений о загробной жизни. Этими представлениями, верой в посмертное существование умерших Седов объясняет обилие вещей в древнерусских курганах XI-начала XII в. [323-324]⁴⁸.

Многие исследователи не отрицают влияния христианства на изживание трупосожжения, но видят в этом изменении обряда отражение целого комплекса социальных и общественных изменений, происходивших в славянской среде конца I и начала II тыс.: индивидуализации семьи (переход от кремации в общем погребальном костре с последующим отдельным захоронением к индивидуальному сожжению на месте погребения), выделении знати с обособлением погребений. Эту множественность причин подчеркивал Рыбаков, последовательно отстаивает А.П.Моця [223; 225; 303,с.110-112]. Подобные же примеры множественности причин, влиявших на изменения погребального обряда, в том числе и воздействие христианских идей, прослеживается и на материалах Прибалтики [379,с.18].

Последняя точка зрения нам представляется более убедительной, ибо отражает сложность и многогранность процессов, происходивших в тогдашнем древнерусском обществе в ходе складывания и развития нового, социально разделенного общества с новой идеологической основой - христианством. Процессы эти, безусловно, были растянуты во времени. У исследователей не вызывает сомнения определенный период двоеверия, сочетания языческих и христианских элементов, существовавший в деревне с XI-XII вв.

⁴⁶Горожане и феодалы с XI в. перешли, как известно, в основном, на христианский обряд погребения [320,с.256].

⁴⁷Добавим и нередкое сочетание в ожерельях крестиков с языческими символами (лунницами, круглыми подвесками), о чем писалось выше.

⁴⁸Отрицают связь процесса смены кремации ингумацией с внедрением христианства у скандинавов В.Я.Конецкий и Г.С.Лебедев [159; 185].

примерно до середины XIII в. Бесспорным признаком проникновения христианской догматики в заупокойный культ стало распространение захоронений в ямах при сохранении языческого обычая насыпания курганов. В южнорусских землях традиция погребения в ямах уходит корнями в языческую эпоху и затем, благодаря соответствию христианскому каноническому обряду, вписалась в новую догматику. В XII-XIII вв. погребения в подкурганных ямах распространялись и среди сельского населения лесной полосы. Они нередко отличались от захоронений в насыпи и на материке бедностью инвентаря, что также соответствовало христианским воззрениям, отвергавшим дары усопшим⁴⁹. Очевидно, эти погребения явились естественной переходной ступенью к бескурганным христианским могилам. На дальнейшее укрепление новой религии в деревне повлияло и монгольское нашествие. Но определенное воздействие язычества сохранялось в крестьянской среде и позднее, прослеживаясь в глухих районах и в XIX в.⁵⁰ Причина живучести языческих обрядов состоит не только в их неразрывной связи с производственной деятельностью крестьян и уровнем их жизни, но и в отрицательном отношении к церкви как носительнице феодального угнетения. Язычество связывалось с ушедшим в прошлое первобытным равенством. Эти явления, известные в истории многих народов, засвидетельствованы и в рассмотренном материале. Сохранению элементов язычества способствовало и то, что у славян-язычников уже было представление о едином божестве - Свароге. Поэтому за новым христианским божеством еще долго удерживался мир языческих образов и верований, с суевериями, приметами, обрядами. Но, возвращаясь к погребальному обряду, следует, думается, согласиться с П.П.Толочко, призывающим прямолинейно не связывать изменения в заупокойном культе с социально-экономическим развитием. Причины этих изменений, как он считает, в идеологических и этнопсихологических представлениях, складывавшихся из множества факторов. Следует также иметь в виду, что эволюция общественного строя - длительный процесс, занявший не одно столетие, а переход к ингуляции произошел довольно быстро, менее чем за 100 лет. Распространение христианства и труположений совпало по времени и у западных славян. Поэтому, думается, толчок к изживанию кремации исходил всё же от христианства. Этот импульс вполне мог способствовать и ренессансу скифских погребальных традиций. Иначе сложно объяснить, почему о них вспомнили именно на рубеже II тыс. [4.с.61-65; 123; 129; 142; 283; 299,с.31-32; 300; 303,с.457,706; 320,с.151; 323; 324; 361,с.189; 368,с.107].

Таким образом, можно констатировать, что примерно с XI в. в деревню стали проникать христианские идеи, постепенно менявшие многие аспекты крестьянского мировоззрения, которые с VIII-IX вв. развивались и под влиянием социально-экономических перемен (о них - в следующем разделе). В XIII в. христианская идеология, в целом, победила языческую, хотя и не вытеснила ее полностью.

Глава 2. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ.

§ I. ПОЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ.

ДЕМОГРАФИЯ. По наиболее полно исследованному деревенскому могильнику середины XI-начала XII в. в Мазовии мужчины доживали до 30-50 лет, женщины - до 17-45 лет, причем большая часть последних умирала ближе к нижней границе указанных возрастных пределов. Рост мужчин составлял 162-170 см, женщин - 145-154 см [701,с.122-123].

⁴⁹ А.В.Куза одной из основных причин "обеднения" погребений считал начавшуюся в XI-XII вв. феодализацию, сопровождавшуюся отчуждением значительной части крестьянских доходов [100,с.103-104]. Но этот процесс еще только начинался и едва ли мог привести к массовому обеднению крестьян на обширной территории древнерусских княжеств.

⁵⁰ Показательным примером сохранения и возрождения языческих погребальных ритуалов является бытование в Северной Беларуси курганных захоронений XIV-XVIII вв. [109].

БЫТ. Интересные наблюдения были сделаны в Бискупине, где в зависимом от князя поселении у подножия замка были выявлены (предположительно) жилища рыбака, пекаря, металлургов и кузнецов, конюха, бедняка-пахаря, костореза, мельника, гончара, дегтярей-уго-льщиков. Дома были построены из дуба (больше всего), а также из сосны, вербы, березы [822,с.13-23]. А вообще в строительстве жилищ чаще использовалась сосна (69%), затем - дуб (14,4%), ольха (9,2%), осина (1,6%). Так же и в топливе преобладали сосна и дуб (соответственно 61,4% и 27,7%); березу сжигали реже (5,5%), еще меньше потребляли ольху и осину [602,с.105].

В период с VI до XII в. площадь жилищ выросла с 9,8 м² до 23,9 м². Печи в VI-VIII вв. были известны только на юго-востоке Польши, где они генетически связаны с глиняными, известными на Украине. А в остальных землях обычно использовали очаги. Широкое распространение печей относится к XII-XIII вв. Тогда же их начали складывать из камня. Поначалу печи занимали почти 13% площади жилища, затем, с ростом размеров домов, они уже занимали меньше места [492].

§ 2. ДЕРЕВНЯ В ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ЗЕМЛЯХ.

ДЕМОГРАФИЯ. Модальная продолжительность жизни населения укрепленных поселений великоморавской эпохи составляла около 33 лет (максимально - до 41-45 лет). В IX-XII вв. - до 39 лет, причем мужчины жили на 4-5 лет дольше женщин (смертность при родах -?). В городищах XI-XVII вв. мужчин обычно хоронили в 42-43 года, женщин - в 38-39 лет. Жители одной из деревень Среднего Полабья в середине XIII-первой трети XV в. доживали в среднем до 26 лет. Средний рост вычислен для населения Великой Моравии и составлял у мужчин - 160 см, у женщин - 155-160 см. Одна крестьянская семья состояла обычно из 6-8 человек. Число жителей, как отмечалось выше, сильно колебалось в разное время и в поселениях разного типа. На поселений Бржезно (VI-VII вв.) жило до 50 человек, из них взрослых (от 15 лет и выше) - 14-20 человек. В обычных городищах Великой Моравии проживало по 200-300 человек, а в центрах типа Микульнице - 2000. В средневековых деревнях эпохи великой колонизации жило в среднем по 100-120 человек [480,с.128; 733,с.159; 740,с.42-43; 762,с.85, 95; 836,с.204-205].

Об усадьбах уже писалось в разделе III. Добавим, что в IX-XII вв. наиболее распространенными были однокамерные жилища. Двухкамерные (жилое помещение и хозяйственная пристройка) имели лишь наиболее зажиточные. Существовавшие еще наряду с наземными домами полуземлянки иногда имели ступени у входа [806,с.311]. В XIII-XV вв., по материалам из Пфаффеншлага седляки имели трехкамерные дома, в которых к жилой комнате примыкали сени и хозяйственная пристройка. Малоимущие подсоседки жили в малых двухкамерных домах без хозяйственных пристроек [730,с.131]⁵¹. Иногда при входе в дом прикрепляли череп коровы или оленя [806,с.313]. Для отопления и хозяйственных нужд использовали очаги и печи. Обычно они располагались в углу жилого помещения. Чаще всего в период развитого средневековья использовались печи-каменки, обмазанные глиной. Как правило, отопительные сооружения находились только в жилых комнатах и не встречались в сенях и хозяйственных пристройках. Вместе с тем на поселениях есть и отмеченные выше так называемые летние очаги или печи, расположенные вне построек или под навесами. Это - прообраз известных и поныне в деревнях летних кухонь [474,с.373; 733,с.89]. Из домашней обстановки археологически выявлены столы, лавки [806,с. 311].

Хозяйственные ареалы деревень, возникших до начала колонизации, обычно свободно располагались на три стороны от поселения. В эпоху колонизации земельные наделы, как правило, полосами строго отходили от усадьбы и тянулись вплоть до границ кадастра. Нередко это были узкие ленты, разделенные к тому же на 3 части. Поскольку кадастры в этот период, особенно в расцвете расселения, устанавливались сразу при основания деревни, границы хозяйственных ареалов деревень уже часто не совпадали с естественными рубежами [490,с. 34-44].

Проблему личной гигиены средневековых сельских жителей исследователи обычно обходят, ибо она слабо отражена в источниках. Попытку рассмотрения этой проблемы с помощью археологических данных предпринял Р.Снашил. Он предположил, что каменные

⁵¹Седляки в Пфаффеншлага составляли 69% жителей, подсоседки - 25%. Большие по размерам дома, большие и лучше расположенные усадьбы имели мельник и староста [733,с.160].

печи использовались как парилки, что известно и в более поздние времена. Почти нет данных о стирке, разве что деревянные песты из великоморавского городища "Валы", которые, по сведениям из этнографии, могли использоваться для этого. Об уходе за волосами свидетельствуют гребни, шарнирные ножницы, височные кольца, навешивавшиеся на кожаные и полотняные полоски. Бритвы не обнаружены. Но для бритья могли быть использованы, как уже отмечалось, маленькие ножи с тонкими лезвиями и тупыми концами. Многочисленные находки фрагментов кухонных горшков с пригоревшей пищей могут свидетельствовать о том, что подгоревшую посуду хозяйки обычно выбрасывали. Мясо павших животных, вероятно, не употребляли. На это указывает, например, находка целых костяков двух поросят в одной из ям на поселении Заблацаны, целый костяк собаки на одной из усадеб другой деревни. В Заблацанах же найдена и вышеотмеченная мусорная яма с фекальными функциями. Правда, больше нигде подобных ям не выявлено. Возможно, ими пользовались непродолжительное время и быстро засыпали. Об уборке помещений и территорий поселений свидетельствуют редкие находки отдельно лежавших костей и скопления их, как и другого мусора, в ямах. Под мусорные ямы, вероятно, использовались любые остатки сооружений, исчерпавшие свои функции. О дезинфекции свидетельствует посыпание ям и очагов песком, иногда известью. Ее же находят и на полах жилищ. Боролись и с крысами, на что косвенно могут указывать находки из скелетов и отдельных костей. Недостаточный уровень чистоты, считает Р.Снашил, мог быть и причиной запустения деревни [806,с.309-312].

Быт феодалов, даже мелкопоместных, естественно, отличался от крестьянского. Эти отличия специально рассмотрел Й.Унгер. Шляхта жила и в укрепленных, и в неукрепленных резиденциях. Шляхетские усадьбы, в том числе и неукрепленные, отличались от крестьянских вымощенными плиткой дворами. Печи у шляхтичей были кафельными, со второй половины XIII в. они дополнялись различными усовершенствованиями. Окна шляхетских домов, в отличие от крестьянских, были застеклены. В домашней утвари феодалов часто встречался керамический импорт, нередко они пользовались стеклянной посудой. Были различия и в пище. Если крестьяне ели (судя по костным остаткам в их усадьбах) преимущественно говядину и свинину, то к столу шляхтичей подавали оленя, зайца, бобра, козулю, коня. Есть свидетельства обжаривания и копчения мяса, хотя преобладала, как и у крестьян, мучная пища. Дополняли стол феодала рыба, яйца, зелень, овощи, лесные плоды. Отличия от крестьян наблюдались в наборе железных предметов и в украшениях. Особенностью феодальных усадеб были находки оружия, снаряжения всадника, печатей. Различия были и в играх: только у феодалов находили игральные камни и кости. Но, подчеркивает Й.Унгер, при столь значительных различиях бытовых условий крестьян и феодалов, отличия последних от условий жизни монахов и горожан - минимальны. Они касались лишь укреплений и архитектуры. В остальном материальная культура бюргеров была выше [809,с.27; 851,с.398].

О средневековых сельских христианских кладбищах данных мало - они еще слабо исследованы. Отмечено пока, что на территории моравских деревень X-XIII вв. они встречаются редко, как, кстати, и костелы. Отдельные могильники известны за пределами деревень, хотя расстояние в 1800 м до кладбища считается значительным [306,с. 313; 807,с.141].

§ 3. ДЕРЕВНЯ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ОДЕРА - ЭЛЬБЫ/ЗААЛЕ.

ДЕМОГРАФИЯ. Продолжительность жизни сельского населения, как в раннем, так и в развитом средневековье была в пределах 20-39 лет, в среднем - около 30 лет. Велика была смертность в детском возрасте. Например, на кладбище Дессау-Мозигкау детские костяки составляли 34% погребенных. В Венгрии X-XII вв. 45% погребенных не дожили до 20 лет. Захоронения людей старше 60 лет на сельских кладбищах Центральной Европы составляли 5-22% погребений [512; 661,с.128; 846,с.56].

О состоянии здоровья данных мало. Известно, например, что в могилах на территории Восточной Германии кариес обнаружен у 63-76% погребенных, причем у женщин больше, вероятно, из-за частых беременностей. 53-66% погребенных страдали от пародонтоза [499,с.59-60].

Могильники в раннем средневековье и в славянском, и в германском ареалах располагались обычно вблизи поселений, чаще на расстоянии 100-300 м [661,с.42; 627,с.172-

187; 794,с.341-343]. По ходу христианизации, как известно, кладбища перемещались к церквям, располагавшимся обычно в центре поселений или у замков.

Интересные данные для анализа *РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ* поморских славян представляет остеологический материал из языческого святилища в Арконе (о.Рюген). Большинство костей - от домашнего скота, причем чаще забивали более молодых животных, чем на поселениях. Среди жертвенных животных преобладали козы и овцы, затем, в порядке убывания - свиньи и лишь на 4-м месте были кости крупного рогатого скота, то есть наблюдается картина, обратная соотношению скота на большинстве поселений. В малом числе в жертву приносили гусей, петухов, лошадей, собак. Дикие среди жертвенных животных - единичны и представлены птицами, тюленями, речной камбалой и треской. Больше находок - от IX-X вв. Встречены, хотя и нечасто, следы человеческих жертв, относительно больше их в XI-XII вв. [725]. Эти материалы наталкивают на мысль об определенном прагматизме язычников, предпочитавших жертвовать мелким скотом. Увеличение человеческих жертвоприношений в XI-XII вв. возможно связано как с усилением социальной напряженности в условиях складывания господствующего сословия, так и, даже в большей степени, с обострением вооруженной борьбы с немецкими феодалами. Всё это, безусловно, ожесточало нравы.

Помимо общего для ряда племен святилища в Арконе, иногда удается обнаружить и местные языческие капища, как, например, в городище IX-X вв. Гросс-Раден (Мекленбург), которое, вероятно, было общинным центром [792,с.42].

Для иллюстраций *БЫТА* феодалов обратимся к одному из немногих полностью исследованных замков XI-XIV вв.: Гоммершtedт в Тюрингии. Первоначально замок представлял собой малый столбовой однокамерный дом на каменном фундаменте, с глинобитными стенами. Такая строительная техника в XI в. применялась у немцев и при постройке крестьянских жилищ, отличавшихся лишь меньшими размерами и, естественно, отсутствием укреплений. Рядом был колодец, обшитый внизу ветками. В конце XII в. появляется массивная каменная башня с пристройкой и отоплением, проложенным под полом. Рядом сооружаются малые помещения: жилые и хозяйственные, а к располагавшейся по соседству деревне была проложена дорога. Вместо построенной в XI в. рядом с замком деревянной церкви появляется каменная [846].

Общеизвестно, и материалы из Гоммершtedта это подтверждают, что быт сельских дворян стал отличаться от крестьянского в Центральной Европе уже после XI-XII вв., в развитии средневековья.

ВЫВОДЫ. Итак, продолжительность жизни крестьян Восточной и Центральной Европы в первой половине II тыс. находилась в пределах 35-39 лет. Людей старше 50 лет в деревнях было мало. Рост сельских жителей колебался от 157 до 167 см.

Бытовые условия крестьян определялись прежде всего природными условиями, характером повседневной деятельности и уровнем материальной культуры. Близость этих параметров у населения лесной зоны Европы породила общие черты крестьянского быта. Первоначальное господство в большинстве земель очерченного ареала (кроме северо-восточного региона Европы) полуземлянок на рубеже I/II тыс. сменялось преобладанием наземных крестьянских жилищ. При различиях в расположении построек в усадьбах под жильем долгое время отводилось одно отапливаемое помещение без дымохода. Достаточно однообразным был и набор хозяйственных сооружений (амбары, хлева, погреба, и т.п.). Этнографические особенности сельского домостроительства проявлялись прежде всего в планировке домов и усадеб и в интерьере жилищ. В целом же хозяйственные потребности и повсеместная ограниченность в средствах способствовали простоте и рациональности крестьянской застройки.

Духовная жизнь крестьян определялась, как известно, традициями и религиозным мировосприятием. Большой динамизм общественной жизни на западе изучаемого региона Европы способствовал более раннему внедрению в сельскую среду христианства (с IX-X вв.) и определенной нивелировке мировоззрения, а также и быта, что прежде всего (для археолога) отразилось в характере погребений. Христианские захоронения, как известно, из-за скромности и однообразия, мало информативны для археолога. Поэтому германские и западнославянские могильники с конца I тыс. пригодны прежде всего для демографических штудий. Более медленное внедрение христианства в восточнославянскую крестьянскую

среду позволило широко привлекать курганный материал для изучения крестьянской одежды и некоторых элементов быта вплоть до XIII в. Эти различия и определили характер представленного в разделе материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Обобщение рассмотренного археологического материала о развитии средневековой деревни позволяет сделать ряд выводов. Их актуальность определяется, с одной стороны, подведением итогов современного состояния наших знаний и, отсюда, определением путей дальнейших исследований, с другой - представлением новых аргументов в длительной дискуссии о времени сложения и особенностях генезиса феодализма в Восточной и Центральной Европе.

Безусловно, приступая к обобщениям и выводам, необходимо отдавать себе отчет о неравномерности археологических исследований в разных регионах, о неполной изученности большинства памятников, о фрагментарности собранных конкретных данных. Отсюда - гипотетичность ряда высказываемых в работе положений. Избегать их, ограничиваясь лишь констатацией однозначно трактуемых суждений, думается, неправомерно. Без постановки гипотез, основанных на имеющихся материалах и последующей проверки их новейшими фактами невозможно развитие любой науки, в том числе и археологии⁵². Это тем более важно в исследуемой проблеме, в условиях, когда работы ведутся всё еще разрозненно, не скоординировано.

Вместе с тем достоверность выводов определяется и общим объемом рассмотренного материала. Представленный в работе территориальный охват, думается, позволил выявить общие закономерности развития деревни в Восточной и Центральной Европе и на этой основе заполнять лакуны в имеющихся сведениях. А.И.Шаскольский отмечал, что основанием для экстраполяции знаний, то есть выводов по аналогии, являются исторические закономерности. Вывод по аналогии возможен благодаря повторяемости в истории [409,с.143]. Многократное перекрестное сопоставление материалов из хорошо исследованных регионов и отдельных памятников убедило нас в правильности приведенных суждений и корректности предлагаемого заключения.

Анализ расселения и застройки деревни, ее экономики, прослеживаемых по археологическим данным процессов социального и идеологического развития позволил наметить этапы истории деревни с рубежа V/VI до XIV-XV вв.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ.

ПЕРВЫЙ ЭТАП охватывает вторую половину I тыс. До VIII в. продолжались процессы, уходившие корнями в древнеславянское время. Затем, в различных сферах жизни деревни начались изменения, приведшие к существенным сдвигам на рубеже I/II тыс. Система расселения была стабильной до конца IX в. и характеризовалась медленным и постепенным освоением наиболее благоприятных для земледелия и животноводства угодий в долинах рек лесостепной и степной зон. Сеть поселений была дискретной. Сгустки - скопления селищ перемежались большими незаселенными пространствами возвышенностей, водоразделов, лесов. В ходе славянской колонизации заселялись обычно также приречные долины. Лишь на переувлажненных землях Северо-Западной Руси с VIII в. началось освоение возвышенностей. Плотность населения, за отдельными исключениями в южных землях, была невелика. Размеры и формы поселений - различны. В наиболее благоприятных для жизни местностях, особенно в лесостепи, нередко были крупные стабильные поселки. Но преобладали мелкие и средних размеров селища. Для большинства поселений была характерна бессистемная застройка (кучевая и распыленная), но встречалась и линейная планировка, обычно вдоль изломов террас. В целом, застройка зависела от конфигурации рельефа и характера общественного устройства. С VIII-IX вв. появились первые свидетельства обособления крестьянских дворов, что отразило начало перехода к соседской общине. Большие патриархальные семьи начинают сменяться патронимиями. Но до конца I

⁵²Автор согласен с Л.С.Клейном, который на вопрос, сколько надо собрать фактов, чтобы постановка проблемы и последующий вывод стали позволительными, ответил: чтобы от эмпирических исследований перейти к теоретическим, надо смелее выдвигать гипотезы, делать обобщения из имеющихся данных, ибо все факты собрать невозможно [148].

тыс. процесс не принял массового характера. Обе формы семейных отношений сосуществовали. Лишь после X в. отмечается господство малых семей и территориально-общинных связей.

Распад родовой общины, очевидно, определялся хозяйственным процессом, который в VIII-IX вв. отразился в распространении более совершенного орудия обработки почвы - сохи и, как следствие, некоторой интенсификации земледелия, что выразилось в увеличении роли лесного перелога (в лесостепи - подъема залежных земель) и появлении признаков паровой системы. Начало обособляться и ремесло, прежде всего наиболее значимые для хозяйственного развития металлургия и металлообработка. Хозяйственный прогресс в условиях лесной зоны способствовал, вероятно, и появлению там с VIII в. наземных жилищ. В лесостепи сохранялись полуземлянки.

Все указанные хозяйственные и общественные процессы способствовали и складыванию социального неравенства. Наряду с существовавшими ранее общинными городищами-убежищами в VIII в. и, в большей степени, в IX в. возникают городища с постоянным населением. Так начинает выделяться слой воинов. С IX в. отмечено и появление укрепленных резиденций, на которых, вероятно, проживали представители складывавшейся княжеской власти - выделяется знать. Но до X-XI вв. эти господские поселения были крайне малочисленны и массового подчинения сельского населения землевладельцами по археологическим материалам не наблюдается.

Таким образом, первый этап характерен постепенной интенсификацией хозяйственной и социальной жизни деревни, из которой с VIII-IX вв. начинает выделяться знать.

ВТОРОЙ ЭТАП начинается с X-XI вв. существенными изменениями в характере расселения и социальной структуре. При сохранении прежней, долинной системы, сначала в южнорусских землях, а с XI-XII вв. и в лесной зоне отмечено резкое увеличение количества поселений. Среди новых деревень растет число средних и малодворных, часто недолговечных. То есть идет интенсивное отпочкование дочерних поселков, состоящих из малых семей. Это свидетельствует об окончательной победе территориальных связей. Чаше встречается в деревне регулярная застройка, далеко на юг проникают наземные дома. В земледелии - всё больше признаков распространения паровой системы. В XI-XII вв. отмечены следы применения плуга и трехполюя. Достигает подлинного расцвета деревенское ремесло. Обилие украшений положительно характеризует уровень жизни. С XI в. в деревню проникает христианство, которое в XIII в. вытесняет, в целом, язычество.

Важные изменения происходят в социальной сфере. В X в. в южнорусских землях становится больше укрепленных поселений - крепостей-резиденций дружин с предводителями-боярами. XI-XI вв. характерны массовым ростом укрепленных резиденций-замков по всей Руси, что, очевидно, отразило оседание знати на землю и формирование феодального землевладения. Симптоматично в этой связи исчезновение в течение X в. общинных убежищ. Следовательно, феодальное господство стало повсеместным явлением. Причем в южнорусских землях этот процесс шел уже в X-XI вв., в лесной зоне - с рубежа XI/XII вв. Но феодализация еще не успела, по-видимому, затронуть поселенческие, демографические и хозяйственные структуры в деревне, ибо не отразилась ни на характере расселения, ни в материальной культуре. Изменения начались с конца XIII в. и выразились в смене системы расселения. Отчасти эти процессы стимулировало монгольское нашествие, вызвавшее отток части населения с пострадавших земель в более безопасные места. Но, в целом, изменения в характере расселения были вызваны внутренними причинами.

Таким образом, XIII в. завершил второй этап развития восточнославянской деревни (по археологическим данным) и с рубежа XIII/XIV вв. начался ТРЕТИЙ ЭТАП. Он характерен резким уменьшением количества известных поселений в старой зоне расселения - в долинах и началом освоения водоразделов в лесных зонах. Преобладали малодворные деревни с наземными избами. Последние стали чаще сооружаться и в лесостепи, но там сохранялось тяготение к речным долинам, что, вероятно, было связано с сухостью южных земель, в силу чего на юге отмечается большая стабильность деревень с XII-XIII вв. до XIV-XV вв. В лесной зоне сказалось начавшееся в XIII в. увлажнение климата, которое наложило, вероятно, на исчерпание пригодных для обработки земель в ходе демографического бума XI-XIII вв. Повсеместное же распространение новых агроприемов и плуга позволило обрабатывать тяжелые почвы лесной целины. Мелкоконтурность полей на

лесных заимках определила и малодворность поселений. Они становились трудноуловимыми для археологов. Не исключено и перераспределение сельского населения в условиях развития феодального землевладения. Заселение водоразделов, очевидно, послужило причиной запустения в течение второй половины XIII-XIV вв. многих деревень в долинах. Сопоставление археологических материалов с письменными источниками позволяет считать этот этап временем формирования средневекового аграрного пейзажа в лесной зоне Восточной Европы. Дальнейшее развитие процессов в деревне выходит за рамки археологических данных.

Как видно, предложенная систематизация рассмотренного материала основывается, прежде всего, на изменениях в характере расселения, непосредственно отражавших демографические и хозяйственные процессы, происходившие в среде сельского населения. Такова специфика археологических источников. Социальные процессы отражаются ими опосредованно, интерпретации здесь сложны и отнюдь не бесспорны. Вместе с тем основные вехи социальных изменений, думается, выделяются весьма наглядно. Заметен рубеж I и II этапов - IX-X вв. - время интенсивного распада родовых структур, время складывания новых территориальных, соседских связей и формирования нового общественного слоя, время его выделения и обособления от основных масс населения.

Рассмотрим, как соотносятся эти выводы с общеисторическими оценками генезиса феодализма в Восточной Европе. При всех спорах о начале и ходе генезиса феодализма в древнерусских землях исследователи сходятся на том, что социальные изменения начались в VIII-IX вв. и наиболее интенсивно шли до XI-XII вв., когда основные черты нового общественного устройства стали достаточно определенными. Но если сторонники традиционных подходов к генезису феодализма в советской историографии видели в явлениях VIII-IX вв. начало появления феодальных структур, которые к XI-XII вв. сложились окончательно, то представители школы И.Я.Фроянова считают, что с VIII-IX вв. до XI-XII вв. происходило лишь разложение общины, а выделившиеся племенные верхи из-за своей малочисленности еще не влияли на жизнь основной массы общинников. Представляется, что сторонники Фроянова, верно определив хронологию процесса разложения родовой общины (подтверждено и археологическими данными), преуменьшают значение и роль складывавшаяся с IX в. дружинной организации (тоже подтвержденной археологическими материалами)⁵³. То есть процесс организации властвования над окрестным населением уже начался. Но и преувеличивать его тоже нельзя, ибо на жизни основной массы сельского населения он еще почти не сказывался (до начала массового создания укрепленных усадеб-замков с конца X-XI в.). Слишком малочисленны и разрозненны были эти новые силы. Думается, правы И.С.Винокур и Ю.М.Тарасов, считающие, что в VIII-X вв. происходило "состязание" трех укладов: родоплеменного, рабовладельческого и феодального. Они, правда, пишут о пережитках родоплеменных отношений, что в свете изложенного выше материала едва ли верно, особенно для VIII-IX вв. Поэтому распространенное определение последних веков I тыс. как раннефеодальных возможно и не совсем точное. Э.С.Гудавичюс переносит на восточноевропейскую почву концепцию А.И.Неусыхина и А.Я.Гуревича о дофеодальном периоде, охватывавшем время становления дружины и начала ее, с князем во главе, противостояния массам общинников. Но такой "негативный" термин многих не устраивает, ибо в нем не содержится указания на суть процессов. Представляется, что поскольку формирование крупной земельной собственности и на ее основе отношений господства и подчинения (то есть феодальных отношений) шло по восходящей и постепенно вытеснило другие уклады, данный период можно называть *протофеодальным* (что, собственно, и встречается в некоторых работах). А название "раннефеодальный" логично отнести к событиям X-XI вв. Время же "замкового бума" в XI-XII вв. можно вполне обоснованно считать победой феодализма. Здесь уже археологические материалы дают однозначный ответ [10,с.403-404; 55; 63,с.136-136; 64; 66; 74; 85; 133,с.327-337; 135,с.368; 163; 177; 222; 315; 383,с.39; 430,с.108].

⁵³ О недоверии сторонников Фроянова археологическим фактам, противоречащим их взглядам, мы уже писали [287а,с.124].

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ.

ПЕРВЫЙ ЭТАП длился с VI до второй половины VIII-IX в. Это - период расселения и хозяйственной консолидации западнославянских племен. Заселялись долинные, свободные от лесов, относительно более плодородные земли. Освоению территории способствовало начавшееся в VII в. потепление с более сухим, чем прежде, климатом. Деревни были распыленно-кучевыми и, реже, круговыми, с жилищами наземными и полуземляночными на юге ареала. Основой хозяйства были земледелие и скотоводство. Общественный строй оставался первобытным. Развивается общинно-племенная структура расселения с сетью селищ-деревень и укрепленных общинных и племенных центров - городищ. В ходе освоения земель консолидируются племенные союзы. Наиболее известным из таких союзов является так называемое "Государство Само" (первая половина VII в.), охватившее чехо-моравские и западнословацкие земли⁵⁴. В деревнях сохраняются общинные порядки, формируются патронимии, индивидуальное хозяйство еще не выделились.

ВТОРОЙ ЭТАП характерен серией демографических, хозяйственных и социально-политических изменений, происходивших в течение IX-XI/XII вв. При сохранении в целом прежней системы долинного расселения происходит уплотнение населения в освоенных ранее агломерациях. Планировка деревень осталась, в принципе, прежней, но со второй половины IX в. отмечены и линейные поселения. В строительном деле для IX-X вв. характерен переход в южной части региона от полуземлянок к наземным жилищам. Новые тенденции отмечаются и в земледелии: с VIII-IX вв. появляются свидетельства спорадического применения плуга и регулярного севооборота, хотя о существенном влиянии этих новшеств на агрикультуру говорить еще рано. В ряде мест отмечалось увеличение роли свиноводства. Заметен прогресс в сельском ремесле. Все это способствовало, несомненно, появлению устойчивого прибавочного продукта - необходимой основы для появления имущественного и социального неравенства. Важным явлением, основной особенностью данного этапа стало выделение и обособление социальных верхов в особых укрепленных резиденциях и создание на основе таких поселений-городищ системы административно-территориальных округов. При многих резиденциях возникли укрепленные предградья (форбурги), населенные служилым элементом. Появляются первые свидетельства о крестьянских усадьбах (Торнов), связанных с социальными верхами. Но на основной массе сельских поселений сохранилась старая общинная организация с имущественным и социальным равенством. Старые большие общинные городища, рассчитанные на всё население округи, в течение IX в. исчезали. Таким образом, особенностью генезиса феодализма в регионе, начало которого бесспорно обозначилось укрепленными резиденциями знати, является консолидация социальных верхов, концентрация в их руках политической власти, создание вокруг них служилого слоя. Основная масса населения - непосредственные производители еще, очевидно, оставались свободными и новые общественные отношения лишь "сверху" накладывались на общинную структуру через административные, юридические и финансовые функции. На этой основе, очевидно, и складывались первые западнославянские государственные образования, среди которых самым ранним стало в первой половине IX в. Великоморавское княжество.

По свидетельству М.Кучеры, в отличие от "Государства Само" Великая Моравия была государством с преобладанием феодальных черт: со времен Святополка (вторая половина IX в.) князь уже не только являлся племенным вождем. Княжеские вельможи были связаны узами личного подчинения и переносили свои усадьбы в центральные городища, поближе к княжеским резиденциям. Это - потенциальные группы служилых людей, будущих крупных землевладельцев. Они опирались (кроме доходов со своих владений) на этническое единство славян, военную силу, христианизацию. Набеги венгров остановили в начале X в. развитие этого государства. Быстрота гибели Великой Моравии была связана с тем, что в княжестве еще не была создана сеть провинциальных феодальных владений, которая могла бы пережить разгром и сберечь военную силу. Основная масса производителей - крестьян была связана с государством еще по-старому: через уплату даров, взносов, налогов, которые лишь в дальнейшем должны были перерасти в феодальную ренту. Отрицательную роль сыграли и

⁵⁴"Исследования последнего времени не дают основания считать появление "Государства Само" следствием зарождения раннефеодальных отношений, как это считалось ранее [137,с.48-56]. Это был лишь военный союз племен без прочной внутренней основы [268,с.82].

центробежные силы, настроения против новых порядков [665,с.384-385]. Сложившаяся в Великой Моравии градская административная система наложилась на старые общинные порядки и окончательно не сломила их. Но она стала основой для кристаллизации господствующих слоев в сословие феодалов-землевладельцев. Вокруг княжеских и вельможных градов уже в IX в. создается система небольших укрепленных усадеб служилых элементов - бывших дружинников - военной силы знати. Другие служилые продолжали жить при дворах своих командиров.

С падением Великой Моравии жизнь на ряде сложившихся в IX в. городищ постепенно затухает. Их владельцы, очевидно, в новых условиях теряют свои силу и влияние. Но с X в. (особенно с конца его) процесс складывания укрепленных поселений, на которых местные верхи обособляются от рядового населения, охватывает всю западнославянскую территорию. Одни замки основывают местные земледельческие роды, другие создаются в ходе экспансии более сильных династий. Князья начинают раздавать земли своим приближенным. Так в течение X-XII вв. (наиболее активно - в XI-XII вв.) складывается система пржемысловских замков в Чехии и Моравии, венгерских - в Словакии, пястовских - в Польше [476,с.147; 480,с.85,88; 581,с.1-8; 811,с.209]. Всё это свидетельствует о распространении феодального господства из отдельных очагов на всю территорию - о завершении процесса становления феодальных отношений к XII в. [133,с.300]⁵⁵. Таким образом, IX-XI/XII вв. можно считать раннефеодальным периодом. Для полабско-прибалтийских славян он завершился, как известно, немецкой колонизацией.

С XIII в. начинается ТРЕТИЙ ЭТАП. Он характерен значительными переменами в экономике и общественной жизни. В условиях массовой колонизации лесных возвышенностей происходит широкое распространение трехполья и модернизация земледельческих орудий, среди которых ведущее место занимает тяжелый плуг. Появляются ветряные и водяные мельницы. Все эти три явления были взаимообусловленными и обеспечили определенный прогресс деревни, который привел к распространению наземных жилищ на каменных фундаментах. В деревнях распространились различные формы стабильной, регулярной застройки.

Всё это происходило в условиях массового оседания на землю низшего, служилого слоя феодального сословия - мелкой шляхты, о чем свидетельствуют многочисленные небольшие замки типа мотте, основанные в XIII-XIV вв. (местами - с XII в.). Это было связано с тем, что князья уже не могли содержать своих дружинников (при себе и в каштелянских градах) прежними методами и начали раздавать им бенефиции, превращая в рыцарей. Преобразование широкого слоя шляхты в мелкопоместных феодалов усилило эксплуатацию крестьян, среди которых почти исчезают свободные [134,с.196-197; 490,с.30-31; 736,с.172]. Это - свидетельство зрелого феодализма.

Целый комплекс рассмотренных выше хозяйственных, социальных и политических причин привел в течение XIV-XV вв. к серьезному перераспределению сельского населения, что выразилось в запустении многих деревень и, отчасти, замков, а также забрасывании наиболее непродуктивных пашен (освоенных в ходе "великой колонизации"). Сложившаяся, в итоге, в XV в. структура расселения сохранилась почти до XX в. Наиболее ярко эти процессы проявились в чехо-моравских землях. В Польше они были выражены слабее. В Словакии возвышенности осваивались в XIV-XV вв., а процесс запустения отдельных поселений растянулся с середины XV до XVII в.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ

ГЕРМАНСКОЙ ДЕРЕВНИ

В МЕЖДУРЕЧЬЕ РЕЙНА - ЭЛЬБЫ.

В отличие от западнославянского региона, по отношению к германцам мы не ставим цель детально анализировать проблемы. Это - отдельная, вполне самостоятельная тема. В данном исследовании нам необходимо выделить основные вехи развития германской деревни, прежде всего в раннем средневековье, в эпоху становления феодализма и

⁵⁵Примечательно, что именно в этот период (XI-XII вв.) в деревне происходит окончательное обособление крестьянских семей - складываются отдельные крестьянские усадьбы.

сопоставить эти вехи с основными этапами развития деревни у западных и восточных славян.

Сохраняя принятую выше условную периодизацию, в ПЕРВЫЙ ЭТАП можно объединить процессы, происходившие от VI-VII до VIII-IX вв. Прекращаются массовые перемещения племен эпохи Великого переселения народов и в условиях улучшавшегося климата восстанавливается и даже несколько расширяется прежняя долинная сеть расселения римской поры. В планировке поселений до второй половины IX в. серьезных изменений не произошло: сохранились кучевые (чаще распыленные) и круговые деревни разных размеров. В начале этапа преобладают малодворные, но постепенно увеличивается и количество более крупных поселений. Принципиально от более ранних не отличаются и жилища, причем наземные были основным типом, а заглубленные постройки если и использовались под жилье, то, скорее всего, малоимущими. В хозяйстве до конца VIII в. существенных изменений не наблюдалось. В социальном облике деревни VI-VII вв. продолжалось развитие предыдущих черт - существовали четко очерченные, часто огороженные крестьянские усадьбы с набором надворных построек, необходимых для ведения самостоятельного хозяйства. Возможно, в усадьбах жили и малоимущие семьи (различной степени неполноправия?). По крайней мере, имущественная дифференциация прослеживается вполне определенно. В VII в. на большей части территории германского расселения забрасываются общинные городища-убежища, а на Рейне у франков появляются первые вестники новых общественных порядков - городища-резиденции социальных верхов. Но на основной территории региона такие резиденции появляются позднее. Таким образом, на данном этапе происходит завершение истории первобытнообщинного строя для большей части германских племен.

Становление феодальных отношений и составляет суть ВТОРОГО ЭТАПА в регионе, охватившего VIII-X/XI вв.⁵⁶ Сохраняется прежний, долинный характер расселения, но интенсивный рост населения не только уплотнил сеть поселений и увеличил их размеры в старых агломерациях, но также побудил к освоению еще незаселенных участков в речных долинах, а кое-где и ближайших возвышенностей. В планировке деревень продолжали преобладать прежние типы. Но в IX-X вв. начинается переход к регулярным формам застройки. Небольшие кучевые деревни (хутора) часто преобразуются в малые линейные поселки. Новый фактор отмечается в земледелии - с VIII-IX вв. чаще встречаются следы плуга и регулярного севооборота, хотя до массового их внедрения было еще далеко. С IX в. начинает прослеживаться тенденция к обеднению деревень: увеличивается число бедных жилищ, уменьшаются площадь усадеб, размеры построек в них, а некоторые из хозяйственных сооружений вообще исчезают. Это относится, прежде всего, к складским помещениям (амбарам, ригам) и связано, вероятно, с увеличением ренты оседающим на землю господам. Их распространение хорошо иллюстрируется массовым созданием укрепленных резиденций. Этот процесс стимулировался саксонскими войнами Карла Великого во второй половине VIII в.: саксонские предводители возводили свои опорные пункты, франки в ходе завоевания - свои. В итоге была создана система округов с центрами-бургами и в германские земли восточнее Рейна заносятся каролингская государственная система и франкские феодальные порядки. Это ускорило, очевидно, и формирование местной знати, что отмечено новыми бургами разных типов в IX-X вв., особенно с отделением германских земель в середине IX в. после Верденского раздела Франкской империи. В этот период укрепленные резиденции имели довольно значительные форбурги, рассчитанные на укрытие и окрестного населения. Вероятно, имелись в виду те, кто непосредственно служил владельцу бурга или обслуживал его. Основная масса сельского населения, что отражено в письменных источниках, очевидно, еще не несла личных повинностей и их благополучие меньше интересовало господ. Но наличие бурговых округов свидетельствовало об административном и юридическом подчинении крестьян знатию. Платежи оброчного плана, вероятно, превращались в постоянное явление, что и отразилось

⁵⁶Гуревич, вслед за Ж.Дюби, обосновывает более точное название этих отношений в Западной Европе - сеньориальные [76]

в указанном выше обеднении крестьянских усадеб. И так, на данном этапе в междуречье Рейна-Эльбы происходило становление феодальных (сеньориальных) отношений.

Наконец, с XI в. начинается ТРЕТИЙ ЭТАП. В расселении он характерен началом широкой внутренней и внешней колонизации. В домостроительстве - переходом к домам на каменных фундаментах. В земледелии - более интенсивным внедрением трехполья и плуга, а также распространением возникших ранее ленточных полей - геваннов, вытеснивших господствовавшие с древности блоковые поля (так называемого кельтского типа). Эти хозяйственные достижения наиболее успешно развивались на колонизованных землях, где поселенцы не были связаны старыми земельными порядками. Наконец, с XI в. изменяется характер бургов. Место крупных бургов с форбургами занимают меньшие по размерам каменные бурги - родовые резиденции крупных землевладельцев. Сложившаяся сеньориальная система уже не требует, очевидно, охранять своих ближайших слуг, растворившихся в общей массе зависимого населения. Это население теперь охраняют, а чаще - понуждают к повиновению начавшие бурно распространяться с того же XI в. замки мелких вассалов-рыцарей. Всё это означало полную победу феодальных отношений в германских землях - переход к зрелому феодализму, что и составило суть начала данного этапа.

Сопоставим полученные результаты. До VIII-IX вв. развитие славян лесной зоны и германцев от Рейна до Эльбы шло сходными путями: оба этноса завершали историю первобытных отношений. Затем по обе стороны от Эльбы началось становление феодального общества. Но если у германцев процессы обособления знати, ее возвышения и подчинения ей основной массы сельского населения происходили достаточно интенсивно и завершились к XI в., то у славян эти же процессы происходили более плавно, постепенно, не захватывая поначалу основную массу населения. В итоге в землях западных и восточных славян к XI в. политическая власть социальных верхов еще не переросла в сеньориальную (землевладельческую).

Причины этих отличий, на фоне всего здесь изложенного, видятся в следующем. Более раннее обособление германских сельских жителей в отдельных усадьбах-домохозяйствах способствовало раннему сложению аллода, дало толчок к более интенсивному расслоению в деревне и выделению из ее среды социальных верхов, составивших относительно мощную опору формирующейся знати. Франки, еще на своей родине, в бассейне Нижнего Рейна, испытавшие все перечисленные процессы, в ходе расселения в Галлии ощутили воздействие и римских порядков, что ускорило складывание у них раннефеодальных отношений. Оставшиеся на территории своего прежнего обитания, почти вне зоны римского влияния, саксы, тюринги и другие развивались медленнее, по типу, характерному и для соседних западных славян. Но франкские захваты в междуречье Рейна-Эльбы не только перенесли сюда уже сложившиеся на западе порядки в верхах господствующего сословия, но и ускорили процессы расслоения на низших этажах социальной лестницы, где представления о частной земельной собственности, благодаря институту аллода, были уже достаточно прочными. Этим, вероятно, и объясняется то, что всего за одно столетие господства Саксонской династии (X-начало XI в.) система феодального землевладения стала здесь всеобъемлющей.

Славяне же не только не испытывали такого внешнего воздействия, как, например, саксы, но и внутренне не были готовы к восприятию принципов феодальной земельной собственности западного образца. Возможно, именно поэтому постоянный немецкий нажим на близлежащие западнославянские племена долгое время и был безуспешным. Славянское общество, не разделенное изгородями усадеб, прочное общинными связями с патриархальной властью князя, пусть и обособливавшегося с ближайшим окружением за мощными укреплениями, было до определенного времени единым и, следовательно, достаточно сильным. Когда же естественный ход развития привел таки к началу распада общинного единства и появлению в деревне неравенства, когда князь из прежнего вождя превратился в правителя, монарха, а окрепшие вокруг его вельможи начали оседать на землю, и их примеру стали следовать верхи отдельных более мелких племен, тогда окраинные западнославянские земли и стали добычей немецких феодалов. Сказался, вероятно, и относительно одинаковый уровень, достигнутый несколькими политическими

объединениями полабских и поморских славян, что не позволило там кому-либо выступить в роли объединителя, как это произошло в Польше и Чехии. Впрочем, они и дальше были от германских земель.

С другой стороны, тот тип феодальных отношений, который сложился у западных славян [367], своеобразный феодализм "сверху", при сохранении традиционных порядков "снизу" (в деревне) и медленной их эволюции не стимулировал интенсификацию сельскохозяйственной деятельности, в противоположность тому, что происходило западнее, в сенъериях с большими частновладельческими правами господ. Пожалуй, прав Донат, увидевший в этих различиях одну из основных причин более медленного развития экономики в славянском регионе по сравнению с германскими землями [507,с.708]. Наиболее резко отличия заметны при сопоставлении раннесредневекового развития западноевропейского региона и восточного форпоста славянского мира - древнерусских земель.

Сравнивая путь к феодализму на Востоке и Западе Европы, можно увидеть, что различия были изначально вызваны географическими особенностями Запада и Востока, а также влиянием римского наследия на Западе. Ограниченность территории Западной Европы способствовала более ранней консолидации населения. Выделение господствующего сословия происходило там не без влияния римских традиций в условиях развития и углубления аллодиальных форм собственности и это определяло специфический облик тамошнего феодализма, основанного на частновладельческих нормах и принципах. В Восточной Европе становление социальных верхов происходило в иной социальной обстановке. Обилие свободных земель при больших, чем на Западе, сложностях их освоения, отсутствие примера более развитой цивилизации привело к сохранению прочных общинных поземельных связей. Это затрудняло быстрое и массовое оседание знати на землю и заставляло ее дольше, чем на Западе, группироваться вокруг монарха, что сформировало своеобразный государственный, феодализм. Меньшая плотность населения отрицательно сказалась на хозяйственном прогрессе. Она же усиливала общественное разобщение. Такое положение, по мнению В.А.Анучина, ослабило сопротивляемость древнерусских княжеств монгольской агрессии, что еще больше усугубило замедление темпов развития. Не способствовала интенсификации хозяйственной жизни и постоянная крестьянская колонизация, что сдерживало складывание сеньориальной системы, которая, судя по западноевропейской истории, способствовала поначалу более динамичному развитию феодального общества. Само направление колонизации на северные и восточные земли также отдаляло население Руси от западноевропейской цивилизации [9,с.170-190; 53,с.28; 128а,с.74; 217; 238,с.49-59]. Всё это породило замедленное, по сравнению с Западной Европой, развитие феодализма на Руси с сохранением патриархально-общинных черт, способствовавших формированию в будущем самодержавной власти. В принципе, на западе и востоке континента наиболее ярко определились разные пути управления экономикой: децентрализованный, основанный на местной инициативе с личной ответственностью производителя за существование, а господина - за благополучие и государственный, централизованный. Западнославянский регион представлял как бы контактную зону, где на "восточные" традиции постепенно накладывались "западные" порядки. Изучение этих путей и традиций актуально и для наших дней, но естественно, не может решаться на археологическом материале и выходит далеко за рамки рассмотренной темы.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Аграрная история Северо-Запада России. XVI в. Север, Псков. Общие итоги. Л. 1978.
2. **Александрович Н.П.** Ихтиофауна из раскопок Масковичского городища (X-XII вв.)// *Древности Белоруссии и Литвы.* Мн. 1982. С.94-98.
3. **Алексеев Л.В.** Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины// *Вопросы этнической истории народов Прибалтики.* Т.1. М. 1959. С.273-315.
4. **Алексеев Л.В.** Полоцкая земля. М. 1960.
5. **Алексеев Л.В.** Смоленская земля в IX-XIII вв. М. 1980.
- 5а. **Алексеев Л.В.** Археология средневекового периода в Белоруссии// *РА.* 1998. № 3. С.176-190.
6. **Алешковский М.Х.** Курганы русских дружинников XI-XII вв.// *СА.* 1960. № 1. С.70-90.
7. **Алисов Б.П., Полтораус Б. В.** Климатология. М. 1962.
8. **Аникович М.В.** О месте археологии в системе общественных наук (историографический очерк)// *Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения.* Томск. 1981. С.117-120.
9. **Анучин В.А.** Географический фактор в развитии общества. М. 1982.
10. Археология Української РСР. К. 1975. Т.3.
11. Археология Украинской ССР. К. 1986. Т.3.
12. **Ауліх В.В.** Соціальний зміст городища Зимне// *Слов'яно-руські старожитності.* К. 1969. С.54-58.
13. **Баран В.Д.** Раннеславянские памятники на Западном Буге// *СА.* 1965. Т.XIII. С. 2.
14. **Баран В.Д.** Некоторые итоги изучения раннеславянских древностей Верхнего Поднестровья и Западной Волины // *АР.* 1968. R.XX. С.5, S. 583-593.
15. **Баран В.Д.** Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К. 1972.
16. **Баран В.Д.** Ранньосередньовічні пам'ятки України (За матеріалами Прикарпаття і Західної Волині)// *Середні веки на Україні.* К. 1973. № 2. С.5-25.
17. **Баран В.Д.** Стратиграфия и хронология поселения Рашков I на Днестре// *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР.* К. 1981. С.100-101.
18. **Баран В.Д.** Раннеславянские древности славян Юго-Восточной Европы (Проблемы сложения, периодизации, социальной структуры)// *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии.* М. 1985. С.3-4.
19. **Баран В.Д.** Пражская культура Поднестровья (По материалам поселений у с. Рашков). К. 1988.
20. **Баран Я.В.** Планировочная структура жилых комплексов славянского поселения Рашков I на Среднем Днестре и ее социальное значение// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов.* К. 1988. Т.2. С.15-20.
21. **Белецкий С.В., Лесман Ю.М., Станюкович А.К., Фролов В.П., Шишкин К.В.** Сельское расселение на Северо-западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения)// *Человек и окружающая среда в древности и средневековье.* М. 1985. С.84-97.
22. **Белецкий С.В., Фролов В.П.** Средневековые сельские поселения в нижнем течении р. Великой// *Археологические памятники Европейской части РСФСР.* М. 1985. С.74-81.
23. Белорусская археология. Мн. 1987.
24. **Белоцерковская И.В.** Некоторые черты погребального обряда курганов Смоленской земли XI-XII вв.// *Проблемы истории СССР.* М. 1976. Вып.V. С.21-39.
25. **Беляева С.А.** Раскопки поселения XII-XIV вв. на Сумщине// *Новейшие открытия советских археологов.* К. 1975. Ч. 3.
26. **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в. (По материалам археологических исследований)// *Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.* К. 1978.
27. **Беляева С.А.** Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в. (По материалам археологических исследований). К. 1982.
28. **Беляева С.А., Недопако Д.П.** О металлообработке в XIII-XIV вв. в Посеймье// *Археологические исследования на Украине в 1976-1977 годах.* Ужгород. 1978. С.107-108.
29. **Беранова М.** Славянская археология в Чехии в 1975-1985 гг.// *Археологическое изучение памятников 6-15 веков в Чехии.* Прага. 1985. С.5-31.
30. **Березовец Д.Т.** Поселения уличей на р. Тясмине// *МИА.* М. 1963. № 108. С.145-208.

31. **Береш Ю.** Современное состояние исследований славянских городищ в Восточной Словакии// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.204-207.*
32. **Бетин В. В., Преображенский Ю.В.** Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. *Л. 1962.*
33. **Бибииков С.Н., Толочко П.П.** Проблемы палеодемографии и палеоэкономики. (Археологический аспект исследований)// *Проблемы исторической демографии. К. 1988. С.34-40.*
- 33а. **Блок М.** Характерные черты французской аграрной истории. *М. 1957.*
34. **Блонин В. А.** К вопросу о типологии крестьянской семьи во франкской деревне IX в.// *СВ. 1988. Вып. 51. С.222-237.*
35. **Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.** Экстремальные природные явления в русских летописях XI-XVII вв. *Л. 1983.*
36. **Брайчевский М.Ю.** Восточные славяне в I тысячелетии н.э.// *Автореф. дисс.... докт. ист. наук. К. 1988.*
37. **Бродель Ф.** История и общественные науки// *Философия и методология истории. М. 1977. С.115-142.*
38. **Буров В.А.** О происхождении кончанской структуры древнего Новгорода// *Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М. 1988. С.34-68.*
39. **Буров В.А.** Жаровский конец Жабенской волости в VIII-XVI веках по историко-археологическим данным// *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин. 1989. С.74-84.*
40. **Буров В.А.** Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III-XVI вв. и эволюция общины (по материалам Жаровского конца Новгородской волости Жабна)// *VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М. 1990. С.8-11.*
41. **Буров В.А.** Исследования Жаровского конца Жабенской волости в 1985-1989 гг.// *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1990. С.78-81.*
42. **Буров В.А.** Два гнезда памятников VI-X вв. на р.Шлине и их судьбы в XI-XVI вв.// *Славянская археология. 1990. Вып.2. М. 1995. С.168-179.*
43. **Буров В.А.** О времени возникновения новгородского погоста Жабна// *РА. 1995. № 2. С.44-58.*
44. **Бучинский М.Е.** О климате прошлого Русской равнины. *Л. 1957.*
45. **Бырня П.П.** Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. *Кишинев. 1969.*
46. **Бялекова Д.** Развитие форм поселений в Великой Моравии// *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М. 1985. С.108-125.*
47. **Ваганова А.Н.** Материальная культура древнерусских феодальных замков//*Древнерусское государство и славяне. Мн. 1983. С.85-86.*
48. **Ваганова А.Н.** Древнерусский феодальный замок XI-XIII вв.// *Автореф. дисс... канд. ист. наук. Вильнюс. 1985.*
49. **Ваганова А.Н.** Историческая география и типология древнерусских феодальных замков XI-XIII вв.// *Вестник БГУ Мн. 1987. № 3. С.28-31.*
50. **Ваня З.** Будеч, р-н Кладно. Городище 8-12 вв.// *Археологическое изучение памятников 6-15 веков в Чехии. Прага. 1985. С.84-91.*
- 50а. **Василевски Т** Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств// *Становление раннефеодальных славянских государств. К. 1972. С.106-122.*
51. **Веремейчик Е.М.** О ремесленном производстве на сельских поселениях Черниговщины X- первой половины XIII в.// *Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М. 1988. С.130-131.*
52. **Веселовский С.Б..** Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV-XVI вв. *М.-Л. 1936.*
53. **Вилинбахов В.Б.** Некоторые демографические проблемы в истории Руси// *Studia historicae oecopoticae. Poznań. 1972. No. 6. S.22-35.*
54. **Винников А.З.** Славянские курганы лесостепного Дона. *Воронеж. 1984*

55. **Винокур И.С., Тарасов Ю.М.** Особенности генезиса феодализма (по материалам Среднего Поднестровья и Карпато-Подунавья)// *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии*. М. 1988. Ч.1. С.113-114.
56. **Витов М.В.** О классификации поселений// *СЭ*. 1953. № 3. С.27-37.
57. **Возникновение и развитие земледелия**. М. 1967.
- 57а. **Воронин Н.Н.** К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма// *ПИДО*. 1934. № 5. С.93-102.
58. **Воронин Н.Н.** К истории сельского поселения феодальной Руси// *ИГАИМК*. Л. 1936. Вып. 138.
59. **Гайналова Э.** Специальное производство растений в средневековой Братиславе// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. К. 1988. Т.2. С.40-43.
60. **Ганенко А.Н.** Община у аламанов в IV-VII вв. по данным археологии// *Из истории древнего мира и средневековья*. М. 1988. С.59-75.
61. **Гопак В.Д.** Обработка железа у славянских племен юга Восточной Европы во второй половине I тыс.н.э.// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. К. 1988. Т.4. С.30-33.
62. **Горемыкина В.И.** Возникновение и развитие первой антагонистической-формации в средневековой Европе. Мн. 1982.
63. **Горемыкина В.И.** Возникновение собственности на землю. Мн. 1991.
64. **Горский А.А.** К вопросу о предпосылках и сущности феодализма на Руси// *Вестник МГУ. Сер. История*. 1982. № 4. С.72-81.
65. **Горский А.А.** Дружина и генезис феодализма на Руси// *ВИ*. 1984. № 9. С.17-28.
66. **Горский А.А.** Феодализация на Руси: основное содержание процесса// *ВИ*. 1986. № 8. С.74-88.
67. **Горский А.А.** От "племенных" центров к центрам феодальных княжеств// *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии*. М. 1989. С.201-203.
68. **Горский А.Д.** Некоторые итоги изучения земледелия Древней Руси (IX-XV вв.) в советской историографии// *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1961 г. Рига. 1963. С.65-72.
69. **Горюнов Е.А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 1981.
70. **Горюнова В.М.** Об изменениях в домостроительстве Городка на Ловати в XI-XII вв.// *Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII-XIV вв. Северо-Западной части СССР*. Рига. 1993. С.8-12.
71. **Грач А.Д.** Принципы методики историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии)// *Социальная история народов Азии*. М. 1975.
- 71а. **Греков Б.Д.** Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.-Л. 1946.
72. **Григорьев А.В.** О роменской культуре в Среднем Подесенье// *Чернигов и его округа в IX-XIII вв*. К. 1988. С.65-74.
73. **Грингмут-Далльмер Э.** Исторические предпосылки возникновения городов в районе между Эльбой и Одером// *Тезисы докладов делегации ГДР на международном конгрессе славянской археологии*. Берлин. 1985. С.23-25.
74. **Гудавичюс Э.С.** Европейское дофеодальное общество// *Труды АН Лит. ССР. Сер. обществен. наук. Вильнюс*. 1983. № 4. С.82-90.
75. **Гуревич А.Я.** Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегия в I тысячелетии н.э. в свете данных археологии // *СА*. 1960. № 4. С.218-233.
76. **Гуревич А.Я.** О генезисе феодального государства// *ВДИ*. 1990. № 1. С.101-106.
77. **Гурин М.Ф.** Древнее железо Белорусского Поднепровья. Мн. 1982.
78. **Гурин М.Ф.** Производство и обработка железа в Белоруссии (V в.до н.э.-XVIII в.)// *Автореф. дисс... докт. ист. наук*. Мн. 1990.
79. **Гутнова Е.В., Уколова В.И.** Сборник "Средние века": итоги и перспективы развития// *СВ*. 1987. Вып.50. С.5-29.
80. **Данилова Л.В.** Преобразование природного в социальное при натуральной системе производительных сил// *Проблемы взаимодействия общества и природы*. М. 1973. С.70-71.

81. **Данилова Л.В.** Деревня и город на стадии их первоначального обособления// *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М. 1989. С. 195-198.*
83. **Данильченко В.П.** Охота и скотоводство по данным остеологического анализа материалов городища Переверзево III// *Естественные методы в археологии. М. 1989. С.234-241.*
84. **Даугудис В.** О классификации восточно-литовских городищ// *Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций Института истории АН Литовской ССР. Вильнюс. 1968. С.24-36.*
- 84а. **Даугудис В.** Городище Саугиняй// *Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс. 1988. С.51-58.*
85. **Дворниченко А.Ю.** Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси// *ВИ. 1988. № 1. С.58-73.*
86. **Дегтярев А.Я.** Русская деревня в XV-XVII веках. Очерки сельского расселения// *Л. 1980.*
87. **Дегтярев А.Я.** Сельское расселение в русском государстве XV-XVII вв.// *Автореф. дисс... докт. ист. наук. Л. 1981.*
88. **Дегтярев А.Я.** Сельское расселение феодальной Руси: сдерживающие факторы// *ЛГУ. 20. История, язык, литература. .1981. Вып.4. С.30-35.*
89. **Дегтярев А.Я.** Сельское расселение в системе земледелия на Руси в XV-XVII вв.// *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. 1982. С.77-83.*
90. **Джеджора О.В** Генезис польского раньосредневекового места в дослідженнях ученых ПНР // *Проблемы слов'янознавства. Львів. 1987. Вип.36. С.91-100.*
91. **Довженок В.Й.** Феодальный маэток в эпоху Київської Русі в світлі археологічних даних// *Археологія. 1953. Т.VIII. С.10-27.*
92. **Довженок В.Й.** Землеробство древньої Русі. *К. 1961.*
93. **Довженок В.И.** Некоторые вопросы археологического изучения древнерусского села домонгольского времени// *I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968. T.IV. S.7-19.*
94. **Довженок В.Й.** Про типи городищ Київської Русі// *Археологія. 1975. С.3-14.*
95. **Довженок В.И.** Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия// *Древняя Русь и славяне. М. 1978. С.76-82.*
96. **Долуханов П.М., Микляев А.М.** Хозяйство и расселение древнего населения юга Псковской области// *Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М. 1985. С.51-58.*
97. **Долуханов П.М., Носов Е.Н.** Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI-X вв.// *Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. 1985. С.19-23.*
98. **Драгун Ю.И.** Раннеславянское поселение в нижнем течении р.Свислочи// *Белорусские древности. Мн. 1967. С.422-431.*
99. *Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта). К. 1984.*
100. *Древняя Русь. Город, замок, село// Археология СССР. М. 1985.*
101. **Дубицкая Н.Н.** О жилищах колочинской культуры восточной части Белорусского Полесья// *Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К. 1987. С.105-106.*
102. **Дубов И.В.** Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. *Л. 1982.*
- 102а. **Дубов И.В.** Новые источники по истории Древней Руси. *Л. 1990.*
103. **Дулов А.В.** Человек и природа на Руси в XVI-XVII вв.// *Природа. 1976. № 12. С.90-105.*
104. **Дулов А.В.** Географическая среда и история России (конец XV-середина XIX в.). *М. 1983.*
105. **Дучыц Л.У.** Маскавіцкае гарадзішча (XI-XIII стст.)// *Весті АН БССР. Сер. Грамад. Навук. 1980. № 4. С.80-89.*
106. **Дучиц Л.В.** Северо-западное порубежье Полоцкого княжества// *Древнерусское государство и славяне. Мн. 1983. С.86-90.*

107. **Дучиц Л.В.** Городище Масковичи (К вопросу о порубежных пунктах Полоцкого княжества)// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.243-246.*
108. **Дучыц Л.У.** Браслаўскае Паазер'е ў IX-XIV стст. *Мн. 1991.*
109. **Дучыц Л.** Познесярэдневяковыя курганы Беларусі// *ГАЗ. Мн. 1997. № 12. С.77-79.*
110. **Дучыц Л.У., Шчаглова В.В.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Маскавіцкага гарадзішча (XI-XIII стст.)// *Весці АН БССР. Сер. Грамад. Навук. Мн. 1987. № 2. С.75-80.*
- 110а. **Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XV вв. М.-Л. 1950.**
111. **Жекулин В.С.** Историческая география ландшафтов. *Новгород. 1972.*
112. **Жекулин В.С.** Историческая география: предмет и методы. *М. 1982.*
113. **Жемличка Й.** Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии)// *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. 1987. С.134-141.*
114. **Жулкус В.В.** Особенности домостроительства Литовского Поморья в XI-XVII вв.// *КСИА. 1987. Вып.190. С.31-38.*
115. **Жумагулов К.Т.** Новейшие исследования буржуазных ученых ФРГ по аграрной истории древних германцев// *Изв. АН Каз.ССР. Сер. обществ. Наук. Алма-Ата. 1980. № 5. С.38-44.*
116. **Жумагулов К.Т.** Аграрный строй древних германцев в трактовке археологов ФРГ// *СВ. 1987. Вып.50. С.282-288.*
117. **Загорульский Э.М.** Возникновение Минска. *Мн. 1982.*
118. **Закс В.А.** Проблемы феодализма в скандинавских странах: формы социальной организации и правовые представления норвежского крестьянства в XI-XIII вв. *Калинин. 1986*
119. **Залевская Н.И.** К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге// *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. 1982. С.49-54.*
120. **Захарук Ю.Н.** Советская археология в 1971-1975 гг.// *ВИ. 1976. № 2. С.53-63.*
121. **Захарук Ю.Н.** Об одной концепции археологического источниковедения// *СА. 1983. № 3. С.72-81.*
122. **Заяц Ю.А.** Гарадзішча Замэчак у Заслаўі// *Весці АН БССР. Сер. Грамад. Навук. 1983. № 3. С.70-77.*
123. **Заяц Ю.А.** Сельское население Минской волости-удела X-XIII вв.// *Сельское хозяйство: история, современный опыт и перестройка. Мн. 1984. С.15-17.*
124. **Заяц Ю.А.** Заславль X-XVIII веков. *Мн. 1987.*
125. **Заяц Ю.А.** Паселішча X-XIII стст. каля в.Дружба (Рылаўшчына)// *ГАЗ. 1994. С.132-147.*
126. **Зверуго Я.Г.** Древний Волковыск. *Мн. 1975.*
127. **Зверуго Я.Г.** Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. *Мн. 1989.*
128. **Звіздецкий Б.А.** Городища IX-XIII вв. на территории летописных древлян// *Автореф дисс.... канд. ист. наук. К. 1990.*
- 128а. **Зимин А.А.** Холопы на Руси. *М. 1973.*
129. **Иов О.В.** Топография и планировка сельских поселений IX-XV вв. в Западном Полесье// *Сельское хозяйство: история, современный опыт и перестройка. Мн. 1988. С.13-14.*
130. **Иов О.В.** Сельские поселения IX-XIII вв. западной части Белорусского Полесья// *Автореф. дисс... канд. ист. наук. Мн. 1991.*
131. **Исланова И.В.** Структура сельского расселения в Мстенско-Моложском междуречье// *Славянская археология. 1990. М. 1995. Вып. 2. С.157-167.*
132. **Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М. 1989.**
133. **История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1985. Т.1.**
134. **История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М. 1986. Т. 2.**
135. **История крестьянства в СССР. М. 1987. Т.1.**
136. **История северного крестьянства. Период феодализма. Архангельск. 1984. Т.1.**
137. **История Чехословакии. М. 1956. Т.1.**

138. **Казей Л.Н., Лойко В.А.** Микроэлементы почвы из древних захоронений на территории Белоруссии// *Из истории науки и техники Белоруссии*. Мн. 1988. С.139-140.
139. **Каргалов В.В.** Последствия монголо-татарского нашествия для сельских местностей Северо-Восточной Руси// *ВИ*. 1965. № 3. С.53-58.
140. **Кашкин А.В.** Динамика освоения поймы одного из микрорегионов Посемья// *Археологические памятники Европейской части РСФСР*. М. 1985. С.17-28.
141. **Квирквелия О.Р., Кулаков В.И., Станюкович А.К., Хамидуллина Н.М.** Совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье»// *СА*. 1984. № 3. С.277-282.
142. **Кизилов Ю.А.** Эволюция миропонимания в религиозных представлениях первобытных славян// *Вопросы истории СССР*. Ульяновск. 1974.
143. **Кириков С.В.** Природа Русской равнины по историческим документам// *Современные проблемы географии*. М. 1964. С.290-298.
144. **Кириков С.В.** Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X-начале XIX в. М. 1979
145. **Кирпичников А.В.** Снаряжение русского всадника в IX-XIII вв.// *Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине*. М. 1970. С.22-23.
146. **Кирьянов А.В.** История земледелия Новгородской земли X-XV вв.// *МИА*. 1959. № 65. С.306—362.
147. **Кирьянова Н.А.** Земледелие Северо-Восточной Руси XI-XV вв. М. 1991. С.182-201.
148. **Клейн Л.С.** К оценке эмпиризма в современной археологии// *Проблемы археологии и этнографии*. Л. 1977. Вып.1 С.13-22.
149. **Клейн Л.С.** О предмете археологии// *СА*. 1986. № 3. С.209-219.
150. **Ключевский В.О.** Курс русской истории. Ч.1// *Соч. Т.1*. М. 1956.
151. **Кнабе Г.С.** Корнелий Тацит. М. 1981.
152. **Кобрин В.Б.** Власть и собственность в средневековой России. М. 1985.
153. **Кобрин В.Б.** Русский город как центр феодального властвования// *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии*. М. 1989. С.195-193.
154. **Козловский А.О.** Нові дослідження давньоруського поселення в Дніпровському Надпоріжжі// *Археологія*. 1981. Вип.35. С.79-92.
155. **Кольчатов В.А.** О времени заселения Ижорского плато// *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Л. 1982. С.61-65.
156. **Конечский В.Я.** О реконструкции заселенности центральных районов овгородской земли в IX-XIII вв.// *Новгородский край*. Л. 1984. С.159-165.
157. **Конечский В.Я.** Население долины р.Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли// *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. 1988. С.26-30.
158. **Конечский В.Я.** Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья// *Новгородский исторический сборник*. Л. 1989. Вып. 3(13). С.3-19.
159. **Конечский В.Я.** О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли а эпоху средневековья// *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород. 1990. С.76-73.
160. **Коробушкина Т.Н.** Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. Мн. 1979
161. **Коробушкина Т.Н.** Население Побужья в X-XIII вв.// *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии*. М. 1985. С.106-107.
162. **Коробушкина Т.Н., Саливон И.И.** Сельское расселение Среднего Побужья IX-XIII вв. (по материалам курганных могильников)// *СА*. № 3. С.133-149.
163. **Королюк В.Д.** Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII-XI вв.)// *Актуальные проблемы славяноведения*. М. 1961. С.105-112.
164. **Королюк В.Д.** Проблематика истории Польши до середины XIV в. в советской литературе// *Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии*. М. 1969. С.33-47.

165. **Королюк В.Д.** Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы// *Исследования по истории славянских и балканских народов*. М. 1972. С.7-28.
166. **Косвен М.О.** Семейная община и патронимия. М. 1963.
167. **Котельникова Л.А.** Читатели о сборнике «Средние века» (краткий обзор замечаний и предложений)// *СВ*. 1964. Вып.25. С.311-312.
168. **Кочин Г.Е.** Развитие землевладения Руси с конца XШ по конец XV в.// *Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII-XVII веков*. М.-Л. 1960. С.257-305.
169. **Кочин Г.Е.** Сельское хозяйство на Руси конца XIII-начала XVI в. М.-Л. 1965.
170. **Кравченко Н.М.** К изучению восточнославянской общины (по материалам археологических исследований в Среднем Поднепровье)// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. К. 1988. Т.4. С.126-134.
171. **Краснов Ю.А.** Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху раннего железа// *КСИА*. 1967. Вып.112. С.31-37.
172. **Краснов Ю.А.** О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы// *СА*. 1967. № 1. С.3-21.
173. **Краснов Ю.А.** Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М. 1971.
174. **Краснов Ю.А.** Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987.
175. **Крестьянство Сибири в эпоху феодализма**. Новосибирск. 1982.
176. **Крживицкий Л.** Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М.-Л. 1925.
177. **Кривошеев Ю.В.** Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений в Северо-восточной Руси XI-начала XIII века// *ВИ* 1988. № 8. С.49-63.
178. **Куза А.В.** Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян// *Этническая история и современное национальное развитие народов мира*. М. 1967. С.56-58.
179. **Куза А.В.** Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н.э.// *Древние славяне и их соседи*. М. 1970. С.123-137.
180. **Куза А.В.** Малые города Древней Руси. М. 1989.
181. **Кучера М.П.** Дослідження городищ на Волині й Поділлі// *Археологія*. 1978. № 29. С.62-72.
182. **Кучкин В.А.** Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв.// М. 1984.
183. **Лапшин В.А.** Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв.// *Автореф. дисс... канд. ист. наук*. Л.1985.
184. **Лапшин В.А.** Система расселения в центральном районе Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. и природный фактор// *Человек и окружающая среда в древности и средневековье*. М. 1985. С.101-104.
185. **Лебедев Г.С.** Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов// *Автореф. дисс.... канд. ист. наук*. Л. 1972.
186. **Лебедев Г.С.** Археологические памятники Ленинградской области. Л. 1977.
187. **Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.
188. **Лебедев Г.С., Булкин В.А., Назаренко В.А.** Древнерусские памятники бассейна р.Каспли и путь из варяг в греки (По материалам Смоленской археологической экспедиции 1966 г.)// *Вестник ЛГУ*. 1975. № 14. *История. Язык. Литература*. Вып.3. С.166-170.
189. **Лебедев Г.С., Седых В.Н.** Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей// *Вестник ЛГУ*. 1985. №. 9. *История. Язык. Литература*. Вып.2. С.15-25.
190. **Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М.** Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I-первая половина II тыс.н.э.)// *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья*. Л. 1982. С.45-49.
191. **Левашева В.П.** Венчики женского головного убора из курганов X-XII вв.// *Славяне и Русь*. М. 1968. С.91-97.

192. **Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В.** Волго-Окская экспедиция в 1977-1983 гг.// *КСИА. 1986. Вып. 188. С.3-20.*
193. **Лесман Ю.М.** О сидячих погребениях в древнерусских могильниках// *КСИА. 1931. Вып.164. С.52-53.*
194. **Лесман Ю.М.** Динамика изменения численности населения Северо-запада Новгородской земли в XI-XIV вв.// *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1988. С.54-57.*
195. **Лесман Ю.М.** Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оде-режском междуречье// *Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л. 1988. Вып.1. С.33-37.*
196. **Лесман Ю.М.** Погребальные памятники Северо-Запада Новгородской земли и Новгород XI-XIV вв. (Синхронизация вещевых комплексов)// *Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1988.*
197. **Леруа Лядюри Э. Э.** История климата с 1000 года. Л. 1971.
198. **Литаврин Г.Г.** Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI-VII вв.)// *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. 1987. С.33-44.*
199. **Ловмянский Х.** О происхождении русского боярства// *Восточная Европа в древности и средневековье. М. 1978.*
200. **Лосев А.Ф.** Эстетика Возрождения. М. 1982.
201. **Лысенко П.Ф.** Берестье: XI-XIII вв. Мн. 1935.
202. **Лявданский А.Н.** Археологические памятники Смоленской губернии// *Материалы к доистории Центральной Промышленной области. М. 1927.*
203. **Ляпушкин И.И.** Городище Новотроицкое // *МИА. 1958. № 74.*
204. **Ляпушкин И.И.** Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства// *МИА. 1968. № 152.*
205. **Мавродин В.В., Фроянов И.Я.** Об общественном строе восточных славян VIII-IX вв. в свете археологических данных// *Проблемы археологии. Л. 1973. Вып.2. С.125-132.*
206. **Майер В.Е.** Вопросы аграрной история Германии XIV-XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ// *СВ. 1964. Вып.26. С. 117-131.*
207. **Майер В.Е.** Деревня и город Германии в XIV-XVI вв. Л. 1979.
208. **Макаров Н.А.** Восточное Прионежье в экономической системе Древнерусского государства// *Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М. 1988. С.120-142.*
209. **Макаров Н.А.** Население русского Севера в XI-XIII вв. М. 1990.
210. **Макаров Н.А.** Колонисты на окраинах: сельское расселение на Волоке Славенском в X-XIII вв.// *Славянская археология. 1990. М. 1993. С.160-176.*
211. **Макушников О.А.** Памятники третьей четверти I тыс.н.э. южной части Днепровско-Сожского междуречья// *Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К. 1987. С.105-106.*
212. **Маретин Ю.В.** Опыт стадильно-генетической типологии общины// *Проблемы аграрной истории. Мн. 1978. С.110-118.*
213. **Мачинский Д.А., Шаскольский И.П.** Рец.: Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси. IX-XI вв.// *СА. 1982. № 2. С.288-291.*
214. **Мезенцева Г.Г.** Канівське поселення полян. К.1965.
215. **Микляев А.М.** Археологическая география: предмет, задачи, метод// *Археологический сборник. Л. 1984. Вып.25. С.127-130.*
216. **Микляев А.М.** О топо- и гидронимах с элементом –гост/гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения)// *Археологическое исследование Новгородской земле. Л. 1984. С.25-46.*
217. **Милов Л.В.** Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы)// *История СССР. 1989. № 2. С.39-63.*
218. **Мильская Л.Т.** К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ// *СВ. 1975. Вып.33. С.61-71.*

219. **Мильская Л.Т.** Аллод в системе феодального землевладения// *СВ. 1987. Вып.50. С.173-134.*
220. **Минасян Р.С.** Итоги археологической разведки в Печорском районе Псковской области в 1974 г.// *Древние памятники культуры на территории СССР. Л. 1982. С.104-191.*
- 220а. **Михеев В.К., Приходнюк О.М.** Пеньківське поселення на Сіверському Дінці// *Археологія. 1986. С.75-82.*
221. **Моора Х., Лиги Х.** Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. *Таллин. 1969.*
222. **Моця А.П.** Проблема перехода восточных славян к классовому обществу в исторической литературе// *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. К. 1984. С.230-247.*
223. **Моця А.П.** Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (По данным погребальных памятников). *К. 1987.*
224. **Моця О.П.** Феодалізація Чернігівської округі в X ст. (за даними поховальних пам'яток)// *Археологія. К. 1988. Вып.61. С.11-15.*
225. **Моця А.П.** Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII вв. *К. 1990.*
- 225а. **Моця А.П.** Южнорусское село: результаты и перспективы исследований// *Славянская археология. 1990. М. 1995. Вып.2. С.136-141.*
226. **Мухешвили Д.Л.** Историческая география и общественное развитие// *Проблемы исторической географии России. М. 1982. Вып. 1. С.17-30.*
227. **Надольский А.** Археологические источники о начальных этапах польской государственности// *Становление раннефеодальных славянских государств. К. 1972. С.22-244.*
228. **Неусыхин А.И.** Проблемы европейского феодализма. *М. 1974.*
229. **Никольская Т.Н.** Сельские поселения земли вятичей// *КСИА. 1977. № 150 С.3-10.*
230. **Никольская Т.Н.** Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. *М. 1981.*
231. **Никольская Т.Н., Полубояринова М.Д.** Раскопки древнерусских городищ Орловской области// *КСИА. 1967. Вып.110. С.63-72.*
232. **Никольскі Н.М.** Жывёлы у звычаях, абрадах і вераваннях бела-рускага сялянства// *Працы сэкцыі этнаграфіі АН БССР. Мн. 1933. Вып.3.*
233. **Никон.** Начало христианства на Руси// *ВИ. 1990. № 6. С.36-53.*
234. Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. *Таллин. 1985.*
235. **Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Щапов Я.Н.** Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны// *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М. 1975. С.90-106.*
236. **Носов Е.Н.** Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тыс.н.э.// *Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. 1977.*
237. **Носов Е.Н.** Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства// *Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л. 1988. Вып.1. С.21-38.*
238. **Оргиш В.П.** Древняя Русь. Образование киевского государства и введение христианства. *Мн. 1933.*
239. **Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.** Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей// *Земли Южной Руси в IX-XIV вв. К. 1985. С.30-62.*
240. Очерки истории русской культуры XIII-XV вв. *М. 1970. Ч.1.*
241. Очерки по археологии Белоруссии. *Мн. 1972. Ч.2.*
242. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.// *Тр. ГИМ. М. 1956. Вып. 32.*
243. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // *Тр. ГИМ. М. 1959. Вып. 33.*
- 243а. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // *Тр. ГИМ. М. 1967. Вып. 43.*
244. Памятники русского права. *М. 1953. Вып.2.*
245. **Пашкевич Г.А.** Палеоботанические исследования в области славянской археологии// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.4. С.169-174.*
246. **Пашкевич Г.А., Петрашенко В.А.** Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'і в VIII-X ст. // *Археологія. 1982. Вып. 41. С.46-62.*

247. **Пеняк С.И.** Исследование древнеславянских памятников второй половины I тысячелетия на территории Закарпатской области УССР// *АР. 1968. Р. XX. Ѓ. 5. S.594-604.*
248. **Пеняк С.И.** Слов'янське населення Закарпаття другої половини I тисячоліття н.э.// *Археологія. 1973. № 12. С.3-13.*
249. **Пеняк С.И.** Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI-XIII ст. *К. 1980*
250. **Пеняк С.И.** Новые древнеславянские памятники второй половины I тыс.н.э. в Закарпатской области УССР// *Rapports du III-Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1980. T. 2. S.335-340.*
251. **Пеняк С.И.** Новые раннеславянские памятники середины I тыс.н.э. в Закарпатской области УССР// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т. 4. С.174-181.*
252. **Перхавко В.Б.** Западноевропейские элементы а раннесредневеково-вой культуре междуречья Днепра и Немана// *КСИА. 1986. Вып. 187. С. 23-35.*
253. **Петренко В.П., Шитова Т.Б.** Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья// *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985. С.181-191.*
254. **Петров В.П.** Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э.// *МИА. 1963. № 108. С.209-233.*
255. **Петров В.П.** Подсечное земледелие. *К. 1968.*
256. **Платонова Н.И.** Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры)// *Археологическое исследование Новгородской земли. Л. 1984. С.173-187.*
257. **Платонова Н.И.** Сельское расселение и формирование погостов на Северо-Западе Новгородской земле// *Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1988. С.93-95.*
258. **Плоткин К.М.** Округа Пскова накануне и в период становления города// *Становление европейского средневекового города. М. 1989. С.159-186.*
259. **Пляйнерова И.** О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов// *СА. 1980. № 2. С.51-55.*
260. **Плейнерова И.** Бржезно, р-н Лоуни. Селище и могильник VIII-IX вв.// *Археологическое изучение памятников 6-15 веков в Чехии. Прага. 1985. С.76-83.*
261. **Поболь Л.Д.** Славянские древности Белоруссии (Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры - с середины III в. до н.э. по начало II в.н.э.). *Мн. 1974.*
262. **Полевой Л.Л.** Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. *Кишинев. 1979.*
263. **Приймак В.В.** К изучению ремесла памятников. VIII-X вв. Днепровского Левобережья// *Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М. 1988. С.155-156.*
264. **Приходнюк О.М.** Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье// *Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974. С.216-226*
- 264а. **Приходнюк О.М.** Слов'яни на Поділлі (VI-VII ст.н.э.). *К. 1975.*
265. **Приходнюк О.М.** Археолгічні пам'ятки Середнього Придністров'я VI-IX ст.н.э. *К. 1980.*
266. **Приходнюк О.М.** Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (по материалам пеньковской культуры)// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К.1988. Т. 4. С.189-194.*
267. **Прищепа Б.А.** Исследования древнерусских памятников в Ровенской области// *АО 1986 г. М. 1988. С.328-329.*
268. **Поулик Й.** Великая Моравия в свете археологических раскопок// *Наука и человечество: Международный ежегодник. М. 1979. С.79-92.*
269. **Поулик Й.** Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии// *Великая Моравия и ее историческое значение. М. 1985. С.28-49.*
270. **Рабинович М.Г.** Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье)// *СЭ. 1969. № 2. С.15-23.*
271. **Рабинович М.Г.** Русское жилище в XIII-XVII вв.// *Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975. С.156-244.*

272. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. 1988.
273. Равдина Т.В. О датировке городища Алчедар// *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. 1988. С. 54-71.*
274. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв.// *МИА. 1967. № 140.*
275. Раппопорт П.А. О типологии древнерусских поселений// *КСИА. 1967. Вып.110. С.3-9.*
276. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище// *САИ Е1-32. Л. 1975.*
277. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище// *Древнее жилище народов Восточной Европы. М. 1975. С.104-154.*
278. Ратич О.О. Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м.Судова Вишня, Львівської області, в 1957-1959 рр.// *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. К. 1962. Вып. 4. С.106-119.*
279. Ратич О.О. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості// *Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. К. 1976. С.132-206.*
280. Рафалович И.А. Славяне VI-IX вв. в Молдавии// *Кишинев. 1972.*
281. Рерих Н.К. Искусство и археология. СПб. 1913.
282. Риер Я.Г. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X-XIII вв.// *СА. 1982. № 4. С.107-118.*
283. Риер Я.Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X-XIV вв.// *Древности Белоруссии и Литвы. Мн. 1982. С.137-144.*
284. Риер Я.Г. Древнерусская деревня в археологических исследованиях// *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М. 1985. С.111-112.*
285. Риер Я.Г. Средневековая деревня в археологии Польши// *Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1986. С.65-66.*
286. Риер Я.Г. Природная среда и система сельского расселения в Восточной Белоруссии в X-XIII вв.// *Методы естественных наук в археологии. М. 1987. С.50-56.*
287. Риер Я.Г. Древнерусская деревня в археологических исследованиях// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.293-296.*
- 287а. Риер Я.Г. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных// *ВИ. 1988. № 10. С.123-128.*
288. Риер Я.Г. Топография и планировка средневековой деревни в Восточной Европе// *Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель. 1991. С.94-96.*
289. Риер Я.Г. Очерки истории средневековых цивилизаций. Могилев. 1997.
290. Рыер Я.Р. Гаспадарчае развіццё ва Ўсходняй і Цэнтральнай Еўропе ў другой павлове I тыс.н.э.: параўнаўчы аналіз// *ГАЗ. Мн. 1997. № 11. С.111-115.*
- 290а. Рыер Я.Р. Грамадскія адносіны ў сярэднявечнай Цэнтральнай Еўропе па археалагічных даных// *ГАЗ. Мн. 1997. № 12. С.221-230.*
291. Розенфельдт Р.Л. Битяговские курганы// *АО-1963 г. М. 1969. С.77-78.*
292. Розенфельдт Р.Л. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (По археологическим материалам)// *Русский город. М. 1976. С.5-16.*
293. Ронин В.К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII-начале IX в.// *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. 1987. С.83-97.*
294. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом// *САИ Е1-25. М. 1973.*
295. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М. 1976.
296. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын – славянское поселение V-VIII вв. на р.Прут. М. 1984.
297. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Гнездо славянских поселений у с.Черновка Черновицкой обл.// *КСИА. 1984. Вып. 179. С.19-25.*
- 297а. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.1948.
298. Рыбаков Б.А. Любеч - феодальный двор Мономаха и Ольговичей// *КСИА. 1964. Вып.99. С.21-23.*
299. Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма// *Ленинские идеи в изучении*

- первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. 1970. С.23-33.*
300. **Рыбаков Б.А.** Языческое мировоззрение русского средневековья// *ВИ. 1974. № 1.*
301. **Рыбаков Б.А.** Смерды// *История СССР. 1979. №№ 1,2.*
302. **Рыбаков Б.А.** Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М. 1982.
303. **Рыбаков Б.А.** Язычество древней Руси. М.1987.
304. **Руткаш А.** Вклад в проблему славяно-венгерских взаимодействий в северной части Карпатской котловины в X-XI вв.// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.133-136*
305. **Рябинин Е.А.** О развитии погребального обряда на Северо-Западе Новгородской земли// *КСИА. 1933. Вып.175. С.32-39.*
306. **Рябинин Е.А.** Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. 1986.
307. **Рябинин Е.А.** От язычества к двоеверию (По археологическим материалам Северной Руси)// *Православие в древней Руси. М. 1989. С.20-31.*
308. **Савчук В.С.** К вопросу о социальном строе полабских славян// *Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л. 1987. С.18-29.*
309. **Сакса А.И.** Исследование новых средневековых памятников на Корельском перешейке// *Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. 1935. С.81-34.*
310. **Санчук Г.Э.** Формирование-государственности и раннефеодальной народности у сербов// *Этносоциальная и политическая структура ранне-феодальных славянских государств и народностей. М. 1987. С.97-107.*
311. **Сванидзе А.А.** Деревенские ремесла в средневековой Европе. М. 1985.
312. **Сванидзе А.А.** Генезис феодального города в раннесредневековой Европе: проблемы и типология// *Городская жизнь в средневековой Европе. М. 1987. С.7-114.*
313. **Свердлов М.Б.** Семья и община в Древней Руси// *История СССР. 1981. № 3. С.97-103.*
314. **Свердлов М.Б.** Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. 1983.
315. **Свердлов М.Б.** Проблема земельной собственности Древней Руси в отечественной историографии// *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М. 1988. Ч. 1. С.113-114.*
316. **Седин А.А.** Древнее земледелие и скотоводство по материалам раскопок городища Никодимово// *Археологія і старожитня гісторія Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. 1994. С.114-127.*
317. **Седин А.А.** Оружие из городища Никодимово// *V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні. Магілёў. 1994. С.7-16*
318. **Седов В.В.** Сельские поселения центральных районов Смоленской земли// *МИА. М. 1960. № 92.*
319. **Седов В.В.** Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М. 1970.
320. **Седов В.В.** Восточные славяне в VI-XIII вв.// *Археология СССР. М.1982.*
321. **Седов В.В.** Племена восточных славян, балты и эсты// *Славяне и скандинавы. М. 1986. С.175-188.*
322. **Седов В.В.** Жилища словенско-кривичского региона VIII-X вв.// *КСИА. 1986. Вып. 183. С.10-15.*
323. **Седов В.В.** Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (погребальный обряд)// *Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков. 1988. С.48-50.*
324. **Седов В.В.** Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам)// *Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. 1988. С.126-129.*
325. **Седов В.В.** Жилища славян в начале средневековья// *Археология и история Пскова и Псковской земля. Псков. 1989. С.81-83.*
326. **Седов В.В.** Международный симпозиум "750-летие Берлина – предпосылки и основы городского развития в Средней Европе и начало европейских феодальных городов"// *СА. 1989. № 3. С.286-289.*
327. **Седов В.В.** Проблема этногенеза славян в археологической литературе 1979-1985 гг.// *КСИА. 1989. Вып.195. С.3-9.*

328. **Седов В.В.** Славяне в раннем средневековье *М.* 1995.
329. **Седова М.В.** Ярополч Залесский. *М.* 1973.
330. **Семенов В.А.** Материалы и история жилища и хозяйственных сооружений удмуртов в VI-первой половине IX в.// *Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.* 1979. С.119-157.
331. **Сергеев Е.С.** Фауна района древнерусского города Воиный// *Природная обстановка и фауны прошлого. К.* 1965. Вып.2. С.1 20-123.
332. **Сергеевич В.И.** Древности русского права. *СПб.* 1903. Т.3.
333. **Сержпутовский А.К.** Земледельческие орудия Белорусского Полесья// *Материалы по этнографии. М.* 1903. Т.1.
334. **Сказкин С.Д.** Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. *М.* 1963.
335. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. *К.* 1990.
336. **Сметанка З.** Археологические исследования средневековой Чехии// *Археологическое изучение памятников 6-15 веков в Чехии. Прага.* 1985. С.31-64.
337. **Сміленко А.Т.** Слов'яни то їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.) *К.* 1975.
338. **Смиленко А.Т.** О характерных чертах культуры восточных славян VI-IX веков// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava.* 1979. Т. 1. С.757-766.
339. **Смиленко А.Т., Козловский А.А.** Средневековые поселения Левобережья дельты Дуная// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К.* 1988. Т.2. С.296-301.
340. **Смирнов Ю.А., Тендрякова М.В.** О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд// *КСИА.* 1990. Вып. 201. С.68-73.
341. **Сабаленка Э.Р., Гуркоў І.С., Іваноў У.М., Супрун Дз.Д.** Беларуская народная жыллё. *Мн.* 1973.
342. **Соловьова Г.Ф.** Замок Рогачівських князів// *Слов'яно-руські старожитності. К.* 1969. С.111-113.
343. **Соловьева Г.Ф., Кропоткин В.В.** К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси// *КСИИМК.* 1953. Вып.49.
344. **Станкевич И.Л.** К вопросу о датировке древнерусского поселения Введенского// *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.* 1989. С.65-74
345. Становление и развитие раннесредневековых обществ. *Л.* 1986.
346. **Судаков В.В.** Сельские поселения IX-XV вв. в округе Переяславля Рязанского// *КСИА.* 1989. Вып.198. С.57-64.
347. **Сухобоков О.В.** Украинское Днепровское Левобережье в VIII-XIII вв.// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К.* 1988. С.307-313.
- 347а. **Тельнов Н.П.; Чеботаренко Г.Ф.** Гончарная мастерская с поселения у с.Ганск// *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.* 1988. С.72-76.
348. **Терпиловский Р.В.** Ранние славяне Подесенья III-V вв. *К.* 1984.
349. **Тимошук Б.О.** Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. *К.* 1976.
350. **Тимошук Б.О.** Давньоруська Буковина. *К.* 1982.
351. **Тимошук Б.А.** Социальная типология селищ VI-X вв.// *Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев.* 1985. С.3-24.
352. **Тимошук Б.А.** Об археологических признаках древнерусского города// *Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М.* 1988. С.69-89.
353. **Тимошук Б.А.** Княжеские (государственные) крепости IX-XI вв. // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. М.* 1988. Ч.1. С.115-121.
354. **Тимошук Б.А.** Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ// *КСИА.* 1989. Вып. 195. С.15-20.
355. **Тимошук Б.А.** Начало классовых отношений у восточных славян (по материалы поселений Украинского Прикарпатья)// *СА.* 1990. № 2. С.62-76.
356. **Тимошук Б.А.** Восточнославянская община VI-X вв. н.э. *М.* 1990.
357. **Тимошук Б.А.** Восточные славяне: от общины к городам. *М.* 1995.

- 358.Тимошук Б.А., Русанова И.П., Михайлина Л.П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины в V-X вв.// *СА. 1981. № 2. С.80-93.*
- 359.Ткачев М.А. Работы в Белорусском Посожье// *АО 1975 г. М. 1976. С.427-428.*
- 360.Ткачоў М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII-XVIII стст. *Мн. 1978.*
- 361.Толочко П.П. Южная Русь: Некоторые проблемы и перспективы историко-археологического изучения// *Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Л. 1988. Вып.1. С.179-194.*
- 362.Толочко П.П. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX-XIII вв.// *Древние славяне и киевская Русь. К. 1989. С.115-124.*
- 363.Толочко П.П. Задача историко-археологического изучения Южной Руси// *Проблемы археологии Южной Руси. К. 1990.С.3-6.*
- 364.Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе// *ИГАИМК. 1932. Т.XIV. Вып. 1.*
- 365.Третьяков П.Н. Средневековые замчища Смоленщины// *Историко-археологический сборник. М. 1962. С.237-242.*
- 366.Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье// *Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974. С.40-125.*
- 367.Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья// *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. 1987. С.124-131.*
- 368.Тыниссон Э. Ливские курганные могильники в Кримульде // *Известия АН ЭССР, сер. Обществ. наук. 1966. № 1.*
- 369.Тыниссон Э. Некоторые вопросы хронологии эстонских городищ// *Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин. 1985. С.143-160.*
- 370.Узянов А.А. Динамика заселенности долины реки Пускарь (диахронологический анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем)// *Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М. 1985. С.77-83.*
- 371.Уманьска А.С. Про значення птахів у господарстві давнього населення території України// *Археологія. 1973. Вип.10. С.41-47.*
- 372.Успенская А.В. Древнерусское поселение Беницы// *Ежегодник ГИМ 1962 г. М. 1964. С.216-228.*
- 373.Успенская А.В. Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ// *Славяне и Русь. Л. 1968. С.194-199.*
- 374.Успенская А.В. Сельские поселения Северной Руси X-XIII вв.// *СММ. 1970. R.55. S.101-110.*
- 375.Федоров Г.Б. Посад Экимауцкого поселения// *Культура древней Руси. М. 1966. С.272-277.*
- 376.Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI-XIII вв.)// *Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев. 1974. Вып. 6.*
- 377.Фехнер М.В. Раскопки селища близ Грехова ручья// *Тр.ГИМ. М. 1960. Вып. 37. С.156-166.*
- 378.Фехнер М.В. Деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X-XIII вв. по археологическим данным// *Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. М. 1967. Вып.43.*
- 379.Финно-угры и балты в эпоху средневековья// *Археология СССР. М. 1987.*
- 380.Фролов И.К. Поселение Тетеровка I (VII-VIII вв.)// *КСИА. 1967. Вып. 110. С.30-35.*
- 381.Фроянов И.Я. Семья и вервь в Киевской Руси// *СЭ. 1972. № 3.*
- 382.Фроянов И.Я.. Киевская Русь: очерки отечественной историографии. *Л. 1990.*
- 383.Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. *Л. 1988.*
- 384.Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга// *Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.1974. С.181-216.*
- 385.Хавлюк П.И. Славянское ремесленное селище Пориевка на Побужье// *Археологические исследования на Украине в 1976-1977 годах. Ужгород. 1978. С.97-98.*
- 385а.Харузин А. Славянские жилища в Северо-Западном крае. *Вильно. 1907.*

386. **Харлашов Б.Н.** Археологическое изучение селищ Изборской округи// *КСИА. 1986. Вып. 183. С.70-76.*
387. **Харлашов Б.Н.** К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле// *СА. 1990. № 1. С.72-83.*
388. **Харлашов Б.Н.** Погосты и губы в Псковской земле XIV-XVI вв.// *Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М. 1995.*
389. **Херрманн Й.** Основные задачи, проблемы и результаты археологических исследований в области ранней истории, проведенных в ГДР за период с 1965 по 1970 г.// *Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III. S.261-268.*
390. **Херрманн Й.** Ободриты, лютичи, рюяне// *Славяне и скандинавы. С.338-359.*
- 390а. **Херрманн Й.** Общество у германских и славянских племен и народностей между Рейном и Одером в VI-XI веках// *ВИ. 1987. № 9. С.68-85.*
391. **Херрманн Й.** Ruzzi, Forsderen Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.)// *Древности славян и Руси. М. 1988. С.162-1698.*
392. Хрестоматия по истории южных и западных славян. *Мн. 1987. Т.1.*
393. **Хынку И.Г.** Поселения XI-XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии// *Кишинев. 1969.*
394. **Хынку И.Г.** Сельские поселения X-XV вв. на территории Молдавии// *СММ. 1970. R. 55. S.47-52.*
395. **Цалкин В.И.** Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси// *МИА. 1956. № 51.*
396. **Цыбин М.В.** Древнерусские памятники второй половины XIII-XIV вв. в Среднем Подонье// *Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж. 1987. С.36-52.*
397. **Цыбин М.В.** Юго-восточная окраина Руси в XII-XIV вв.// *Автореф. дисс.... канд. ист. наук. К. 1987.*
398. **Чаплович Д.** Экономическое, культурное и этническое развитие Восточной Словакии после гибели Великой Моравии// *Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. 1987. Т.3. Вып. 1б. Секция 5. С.101-107.*
399. **Черепнин Л.В.** Русь. Спорные вопросы истории феодальной собственности в IX-XV вв.// *А.П.Новосельцев, В.Т.Пашуто, Л.В.Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972. С.126-251.*
400. **Черепнин Л.В., Пашуто В.Т., Назаров В.Д.** Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма// *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Дооктябрьский период. М. 1978.*
401. **Чернецов А.В.** К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи// *Вестник МГУ. Сер. Историческая. 1972. № 2. С.73-82.*
402. **Чернов С.З.** История заселения Радонежского княжества в XIII-XV вв. по археологическим данным// *Тезисы докладов совещания «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней». М. 1984. С.117-118.*
403. **Чернов С.З.** История заселения Радонежского княжества и происхождение волостей в районе Троице-Сергиева монастыря// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.2. С.316-319.*
404. **Шаблюк В.І.** Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння XIV-XVIII стст. *Мн. 1996.*
405. **Шадыро В.И.** Ранний железный век Северной Белоруссии. *Мн. 1985*
406. **Шадыра В.І.** Жывёлагадоўля і паляванне ў жыцці насельніцтва Беларускага Падзвіння ў 2-ой пал. I тыс. н.э.// *ГАЗ. Мн. 1997. № 12. С.241-246.*
407. **Шалковски П.** Великоморавские городища Словакии// *Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. 1987. С.126-133.*
408. **Шапиро А.Л.** Проблемы социально-экономической истории Руси XIV-XVI вв. *Л. 1977.*
409. **Шаскольский А.И.** Значение классификации и типизации для историко-социологических аналогий// *Типы в культуре. Л. 1979. С.142-150.*
410. **Шевеленко А.Я.** Демографическая заметка о Европе раннего средневековья// *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М. 1980. С.216-227.*

411. **Шекун А.В.** Селища IX-XIV вв. в низовьях междуречья Днепра и Десны// *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.»*. Чернигов. 1985. С.4-46.
- 412-413. **Шекун А.В.** К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры// *Проблемы археологии Южной Руси*. К. 1990. С.73-76.
414. **Шекун А.В., Веремейчик Е.М.** Селища IX-XV вв. в междуречье низовий Десны и Днепра// *Чернигов и его округа в IX-XIII вв.* К. 1988. С.93-110.
415. **Шекун А.В., Веремейчик Е.М.** Многокамерные жилища XII в. на поселении Лесковое// *Первая гомельская областная научная конференция по историческому краеведению*. Гомель. 1989. С.92-93.
416. **Шекун А.В., Веремейчик Е.М.** Древнерусское поселение в верховьях р.Белоус// *Славянская археология*. 1990. М. 1995. Вып. 2. С.151-156.
417. **Шекун А.В., Сытый Ю.В.** Исследования на Черниговщине// *АО 1986 г.* М. 1983. С.349-351.
418. **Шелестов Д.К.** Историческая демография. М. 1987.
419. **Шенников А.А.** Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии// *Историко-археологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности*. Л. 1983. Вып. 1. С.99-116.
420. **Ширинский С.С.** Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материалам курганов IX-X вв.)// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. К. 1988. Т.2. С.319-322.
421. **Шмидт Е.А.** Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству// *Древности славян и Руси*. М. 1988. С. 91-97.
423. **Шмидт Е.А.** О земледелии в верховьях Днепра во второй половине I тыс.н.э.// *Древние славяне и Киевская Русь*. К. 1998. С.70-74.
424. **Штыхов Г.В.** Киев и города Полоцкой земли// *Киев и западные земли Руси в IX-XIII вв.* Мн. 1982. С.45-80.
425. **Щапов Я.Н.** О функциях общины в Древней Руси// *Общество и государство феодальной России*. М. 1975. С.13-21.
426. **Щапова Ю.Л.** Стекло Киевской Руси. М. 1972.
427. *Этнография восточных славян*. М. 1987.
- 427а. *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.* К. 1985.
428. **Юстова Я.** Либице-над-Цидлиноу, р-н Нымбурк. Селище 6 в., городище 8-12 вв.// *Археологическое изучение памятников 6-15 веков в Чехии*. Прага. 1985. С.140-155.
429. **Юшко А.А.** Историческая география Московской земли// *Автореф. дисс.... канд. ист. наук*. М. 1974.
430. **Юшко А.А.** О феодальном землевладении Московской земли XIV вв.// *Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма*. М. 1988. С.108-119.
- 430а. **Юшко А.А.** Московская земля XI-XIV вв. по археологическим данным. М. 1990.
431. **Юшко А.А., Чернов С.З.** Из исторической географии Московской земли (по итогам полевых работ 1976 г.)// *СЭ*. 1980. № 2. С.116-125.
432. **Юшков С.В.** Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.-Л. 1939.
433. **Якубовский В.І.** Слов'янські старожитності на Хмельниччині// *Археологія*. 1984. Вип. 46. С.90-96.
434. **Abel W.** Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Vittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart. 1962.
435. **Ambros C.** Chow domáчих zvierat v stredovekej osade Budmerice// *Slovanský narodopis*. 1959. R.7. Č.4. S.500-568.
436. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen an ländlichen und früstädlichen Siedlungen im deutschen Küstengebiet vom 54. Jahrhundert v.Chr. bis zum II. Jahrhundert n.Chr. Ländliche Siedlungen. Weinheim. 1984. Bd.1.
437. **August O.** Untersuchungen an Königshufenfluren bei Merseburg// *Varia Archaeologica. Festschrift für Wilhelm Unfersagt*. Berlin. 1964Bd.3. S.375-394.
438. **Bader K.** Das mittelalterliche Dorf als Friedens- und Rechtsbereich. Weimar. 1957. Bd.1.
439. **Belcredi L.** Zanikla středověké osady na Dražanské vrchovine ve světle archeologických nálezů// *VVM*. 1983. No. XXXV. S.39-44.

- 440.**Belcredi L.** Zemědělské a řemeslnické nástroje na zaniklých středověkých osadach// *AH*. 1983. No. 8. S.411-422.
- 441.**Belcredi L.** Užití kovce ve středověké osadě// *AH*. 1988. No. 13. S.459-485.
- 442.**Beneš J.** Nález zviřecích kostí na Libici// *SNM. Historia*. 1985. Sv. 39. Č. 1-2. S.123-126.
- 443.**Bentzien U.** Bauerarbeit im Feudalismus. *Berlin*. 1980.
- 444.**Beranová M.** Počátek pluhu na československém území// *AR*. 1958. R. 10. S.324-330.
- 445.**Beranová M.** R otázky systému staroslovanského zemědělství v druhé polovině I tisíciletí n.e.// *PA*. 1962. T. LIII. S.196-201.
- 446.**Beranová M.** Zemědělství v Čechách na počátku feudalismu// *AR*. 1963. R.15. Č. 4. S.471-483.
- 447.**Beranová M.** Pravěké žernovy v Československu// *Vznik a počátky slovanů*// 1963. T. IV. S.181-219.
- 448.**Beranová M.** Zemědělská výroba v 11.-14. Století na území Československa. *Praha*. 1975.
- 449.**Beranová M.** Archeologie o počátcích třídní feudální společnosti v Čechách// *IV. Mezinárodní Kongres slovanské archeologie*. Nitra. 1980. S.11-18.
- 450.**Beranová M.** Zemědělství starých Slovanů. *Praha*. 1980.
- 451.**Beranová M.** Způsob chovu dobytka u Slovanů v 6.-10. Století// *Slované 6.-10. Století*. Brno. 1980. S.19-25.
- 451a.**Beranová M.** Význam přelomu v zemědělství pro vznik feudální třídní společnosti// *Metologické problémy československé archeologie*. Praha. 1982. S.103-107.
- 452.**Bialeková D.** Príspevok k sídliskovej problematike na juhozápadnom Slovensku v X. Století// *Referáty o pracovných výsledkoch archeológov za rok 1958. Liblíc*. 1959. Časť II. S.87-95.
- 453.**Bialeková D.** Príspevok k štúdiu počiatkov slovanského osídlenia na juhozápadnom Slovensku// *ŠZAÚSAV*. 1961. Č. 6. S.123-128.
- 454.**Bialeková D.** Osadnictwo słowiańskie nad środkowym Wagiem i górą Nitra// *Acta archaeologica Carpatica*. 1962. T. IV. S.177-201.
- 455.**Bialeková D.** Stav remeselnej výroby na Slovensku v 9.-11. stor.// *O počiatkoch slovanských dejín*. Bratislava. 1965. S.81-85
- 456.**Bialeková D.** Pobedim. Slovanské hradisko a sídliska z 9. storočia. *Nitra*. 1975.
- 457.**Bialeková D.** Potrave živočišného pôvodu v pobedimskej sídliskovej ekumene v 9. Storočí// *AR*. 1988. R. XL. Č. 3. S.296-305.
- 458.**Bohač Z.** K některým geografickým aspektům středověkého osídlení v našich zemích// *HG*. 1973. No. 10. S.151-169.
- 459.**Bohač Z.** Přehled vyvoje osídlení Povltavi v době předhusitské//. *Ibid* 1978. No. 17. S.149-172.
- 460.**Bohač Z.** Katastry – málo využitý pramen k dějinám osídlení//. *Ibid* 1982. No. 20. S.15-88.
- 461.**Bohač Z.** Postup osídlení a demografický vývoj českých zemí do 15. století// *HD*. 1987. No.12. S.59-87.
- 462.**Born M.** Die Entwicklung der deutschen Agrarlandschaft. *Darmstadt*. 1974.
- 462a.**Brachmann H.**Gösitz-Kesigesburch. Zur Geschichte der Hauptburg des sorbischen Stammes der Colodici// *Simbolæ Prahistoræ*. Berlin. 1975. S.211-226.
- 463.**Brachmann H.** Slawische Stämme an Elbe und Saale. Zu ihrer Geschichte und Kultur in 6. Bis 10. Jahrhundert – auf Grund archäologischer Quellen// *Schriften zur Ur- und Frühgeschichte*. Berlin. 1978. Bd. 32.
- 464.**Brachmann H.** Zum Ursprung und Entwicklung des feudalen Befestigungsbaues// *ZfA*. 1982. Jg. 16. No. 2. S.165-175.
- 465.**Brachmann H.** Der mittelalterliche Befestigungsbau. Untersuchungen zu Stellung und Funktion der Wehrbauten im Geneseprozess der mitteleuropäischen Feudalgesellschaft// *EAZ*. 1985. Jg. 26. H. 3. S.457-467.
- 466.**Brankač J.** Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe-Saale und Oder aus der Zeit von 9. Bis zum 12. Jahrhundert. *Bautzen*. 1964.
- 467.**Buczek K.** Organizacja opolna w Polsce średniowiecznej// *Studia historiczne*. 1970.R .15. Z.2. S.205-250.
- 468.**Budinský-Krička V.** Slovanské osídlenie na východnom Slovensku// *ŠZAÚSAV*. 1961. No. 6 Č. 4. S.129-134.
- 469.**Buchvaldek M., Slama J., Zeman J.** Slovanské hradiště u Kozarovic. *Praha*. 1978.

470. **Cabalska M., Madyda R.** Wczesnośredniowieczna osada otwarta w Jadownikach Mokrych, pow. Dąbrowa Tarnowska// *Spr.A.* 1972. T. XXIV. S.252-260.
471. **Coblentz W.** Zum Wechsel der Befestigungsfunktion vom IX. bis XI. Jahrhundert im ostsaaalischen Gebiet (am Beispiel des Meißner Landes)// *SA.* 1970. T. XVIII. Č. 1. S.137-152
472. **Cmielowska A.** Osadnictwo w Polsce środkowej od połowy X do połowy XIII w.// *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. archeol.* Warszawa-Łódź. 1975. No. 22. S.331-371.
473. **Chmielowski S.** Gospodarka rolna i hodowlana w Polsce w XIV i XV wieku// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego.* 1962. T. 5. No. 2.
474. **Čaplovič D.** Stredoveké zaniknuté dedinský osídlenie na východnom Slovensku// *SA.* 1983. R. 31. No. 2. S.357-414.
475. **Čaplovič D.** Poľnohospodarska výroba na východnom Slovensku v období stredoveku// *NO.* 1984. No.26. S.147-165.
476. **Čaplovič D.** Archeologický výskum stredovekého dedinského domu na Slovensku// *AH.* 1987. No. 12. S.145-155.
477. **Čaplovič D.** Stredoveka dedina vo Svinici a jej význam pro poznanie stredovekeho dedinského osídlení na východnom Slovensku// *AH.* No. 6 1981. S.499-504.
478. **Čaplovič D., Hajnalová E., Hanuliak M., Ruttkay A.** Stredoveká dedina na Slovensku ako základný fenomén feudálnej ekonomiky// *Ibid.* 1985. No. 10. S.11-25.
479. **Čaplovič D., Hrubec J., Ruttkay A., Vallašek A.** Stredoveke feudalne sídla na Slovensku a ich hospodarske zázemie// *AH.* 1985. No.10. S.241-254.
480. Čechy v době slovanské. Archeologie o vzniku a počátcích českého státu. *Praha.* 1984.
481. **Černý E.** Prspěvek k povrchovému průzkumu půdorysu zaniklých středověkých osad na Dražanské vrchovině a jeho vstahu k plůžině// *Zaniklé středověké vesnice v ČSSR. Uherske Hradište.* 1971. D. 1. S.187-201.
482. **Černý E.** Osudy plůžin zaniklých středověkých osad na Dražanské vrchovině// *HG.* 1973. No.11. S.195-208.
483. **Černý E.** Typy plůžin zaniklých středověkých osad na Dražanské vrchovině y hlediska vertikální členitosti terénu// *AH.* 1976. No.1. S.99-107.
484. **Černý E.** Typy zaniklých středověkých sídlišť na Dražanské vrchovině z historicko-geografického hlediska// *Ibid.* 1978. No. 3. S.31-40.
485. **Černý E.** Zaniklé středověké osady a jejich plůžiny. *Praha.* 1979.
486. **Černý E.** Dosavadní výsledky a závěry historicko-archeologického výzkumu zaniklých středověkých osad a jejich plůžin na Dražanské vrchovině// *HG.* 1982. No. 20. S.89-112.
487. **Černý E.** Vztah zaniklých plůžin k rozloze lesů na Dražanské vrchovině v období vrcholného feudalismu// *ŠZAUSAV.* 1983. No. 8. S.423-432.
488. **Dąbrowska E.** Studia nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym ziemi wislickiej. *Wrocław-Warszawa-Kraków.* 1965.
489. **Dąbrowska E.** Wielkie grody w dorzeczu górnej Wisły – próba klasyfikacji// *AP.* 1971. R. XVI. Z. 1/2. S.445-464.
490. **Dąbrowska E.** Wielkie grody dorzecza górnej Wisły. Ze studiów nad rozwojem organizacji terytorialno-plemiennej w VII-X wieku. *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.* 1973.
491. **Dąbrowska E.** Etapy kształtowania się osadnictwa grodowego i formowania organizacji grodowych u słowian zachodnich we wczesnym średniowiezu w Łądzie nad środkową Wartą// *Poznań.* 1978.
492. **Dąbrowska E.** Ogrzewanie i oświetlenie wnętrz mieszkalnych na ziemiach polskich w VI-XIII w.// *KHKM.* 1971. R.19. Ho.3. S.369-398.
493. **Dąbrowski H.** Rozwój gospodarki rolnej w Polsce od XII do połowy XIV wieku// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego.* 1962. T. 5. No. 1. S.15-30.
494. **Dannenbauer H.** Bevölkerung und Besiedlung Alemanniens in der fränkischen Zeit// *Zur Geschichte der Alemannen.* Darmstadt. 1975. S.91-125.
495. **Dembińska M.** Formy wykorzystania lasu// *Dzieje lasów, leśnictwa i drzewnictwa w Polsce.* Warszawa. 1965. S.61-70.
496. **Dembińska M.** Przetwórstwo zbożowe w Polsce średniowiecznej (X-XIV wiek). *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.* 1973.
497. **Dembińska M.** Zmiany w strukturze hodowli na ziemiach polskich we wczesnym średniowiezu// *KHKM.* 1975. R. XXIII. No. 2. S.201-224.

498. **Denecke D.** Zum Stand der interdisziplinären Flurforschung// *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse.* 1980. T. 3. No. 116. S.370-423.
499. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. Bis 12. Jahrhundert. *Berlin.* 1985.
500. **Dobrowolska M.** Przemiany środowiska geograficznego Polski do XV wieku. *Warszawa.* 1961.
501. **Dohnál V.** Počátky hradu v Olomouci a jeho nejstarší zděná architektura// *AH.* 1985. No. 10. S.273-282.
502. **Domański G.** Osadnictwo nad dolną Nysą Łużycką we wczesnym średniowieczu// *Sl.Ant.* 1984. T. 29. S.65-103.
503. **Donat P.** Haus und Hof// *Die Slawen in Deutschland.* Berlin. 1970. S.138-147.
- 503a. **Donat P.** Zum Problem der soziökonomischen Differenzierung der bäuerlichen Produzenten um ostfränkischen Reich (Nach archäologischen Quellen)// *Die Rolle der Volksmassen in der geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen.* Berlin. 1975. S.175-185.
504. **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7.-12. Jahrhundert// *EAZ.* 1978. Jg. 19. H. 1. S.61-67.
505. **Donat P.** Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. Bis 12. Jahrhundert. *Berlin.* 1980.
506. **Donat P.** Zur Frage des Bodeneigentums bei den Westslawen (Ein Diskussionsbeitrag)// *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus.* Berlin. 1980. Bd. 4. S.9-26.
507. **Donat P.** Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus un Mitteleuropa// *ZfG.* 1983. Jg. 31. H. 8. S.701-708.
508. **Donat P.** Hausbau und Siedlung// *Die Germanen.* Berlin. 1983. S.81-90.
509. **Donat P.** Mecklenburg – eine Hauptburg der Obodriten// *Schriften zur Ur- und Frühgeschichte.* 1984. Bd. 37.
510. **Donat P.** Siedlungsforschung und die Herausbildung des Bodeneigentums bei den germanischen Stämmen// *ZfA.* 1985. Jg. 19. H. 2. S.155-168.
511. **Donat P., Lange E.** Botanische Quellen und Probleme der Landwirtschaftsentwicklung im ersten Jahrtausend// *Ibid.* 1983. Jg. 17. No. 2. S.223-247.
512. **Donat P., Ulrich H.** Einwohnerzahlen und Siedlungsgröße der Merowingenzeit// *Ibid.* 1971. G. 5. S.234-365.
513. **Dostál B.** Břeclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. IV. *Brno.* 1975.
514. **Dostál B.** Zemědělská výroba na území ČSSR v 6.-10. století// *AH.* 1976. No. 1. S.9-26.
515. **Dostál B.** K časně slovanskému osídlení Břeclavi-Pohanska// *Studie AU ČSAV.* Brno. No. X/2. Praha. 1982.
516. **Dostál B.** Břeclav-Pohansko. III. Časné slovanské osídlenie. *Brno.* 1985.
517. **Dostál B.** Obytné zemnice z řemeslnického areálu Břeclavi-Pohansko// *Ibid.* 1987. R. 36. Č. 32. S.63-100.
518. **Dostál B.** Stavební kultura 6.-9. Století na území ČSSR// *AH.* 1987. No. 12. S.9-32.
519. **Dostál B.** Velmožské dvorce ve struktuře velkomoravského státu// *Sl.Ant.* 1988. R. 36. Č. 2. S.283-287.
520. **Dragoum Z.** Přehled vyvoje osídlení Božeňska v době předhusitské// *HG.* 1978. No. 17. S.173-208.
521. **Dunin-Wąsowicz T.** Zmiany w topografii wczesnośredniowiecznego osadnictwa na Niziu Europejskim// *Studia z dziejów osadnictwa.* Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968. No. 6. S.120-124.
522. **Dunin-Wąsowicz T.** Zmiany w topografii osadnictwa wielkich dolin na Niziu Środkowo-Europejskim w XIII wieku. *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.* 1974.
523. **Durdik T.** Středověké osídlení odce Račice, okr. Rakovník// *AR.* 1973. R. XXV. Č. 1. S.86-87.
524. **Durdik T.** K chronologii obytných věží českého středověkého hradu// *AH.* 1977. No.2. S.221-228.
525. **Durdik T.** Nástin vývoje českých hradů 12-13 století// *AH.* 1978. No. 3. S.41-52.
526. **Durdik T.** Problematika výzkumu hradů v Čechách// *AH.* 1981. No. 6. S.7-17.
527. **Engel F.** Grenzwälder und slawische Burgwardbezirke in Nordmecklenburg. Über die Methode ihrer Rekonstruktion// *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder.* Giessen. 1960. S.125-140.
528. **Ennen E., Janssen W.** Deutsche Agrargeschichte. Vom Neolithikum bis zur Schwelle des Industriezeitaltes. *Wiesbaden.* 1979.

529. **Fehring P., Günter P.** Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Südwestdeutschland// *ZfAuA*. 1973. Jg. 21. H. 1. S.1-35.
530. **Fiala A., Habovštiak A., Štefanovičová T.** Opevnené sídliská z 10.-13. Storočia na Slovensku// *AP*. 1975. R.27. S.429-444.
531. **Fialová H., Fiala A.** Hradny na Slovensku. Bratislava. 1966.
- 531a. **Filipowiak W.** Z badań nad wczesnośredniowieczną wsią zachodniopomorską (Dobropole, pow.Kamień)// *AP*. 1972. R. XVII. Z. 1. S.167-194.
532. **Friesinger H.** Studien zur Archäologie der Slawen in Niederösterreich// *Mitteilungen der prähistorischen Kommission der österreichischen AdW*. Wien. 1971-1974. T. 15/16.
533. **Gardawski A.** Problem przelomu w technice uprawy roli na ziemiach polskich w pierwszym tysiącleciu n.e.// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego*. 1966. T.8. S.77-87.
534. **Gardawski A.** Chodlik. Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy. Wrocław-Warszawa—Kraków. 1970.
535. **Gąsowski J.** Materiały do osadnictwa wczesnośredniowiecznego Sandomierszczyzny// *Materiały wczesnośredniowieczne*. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1969. T. VI. S.303-475.
536. **Gensen R.** Frühmittelalterlich Burgen und Siedlungen in Nordhessen// *Ausgrabungen in Deutschland*. Mainz. 1975. T. 2. S.313-337.
537. **Gieysztor A.** W sprawie początków trojpolówki w Polsce i krainach sąsiednich// *Prace z dziejów Polski feudalnej*. Warszawa. 1960. S.71-79.
538. **Gieysztor A.** Produkcja rolna w Polsce w X-XV w.// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego*. Warszawa. 1966. T. 8. S.12-16.
539. **Głosek M.** Inwentarz kulturowy czternastowiecznych zagród w Dracy w Burgundii i w Zgierzu w Polsce środkowej – próba porównania// *Medievalia archaeologica*. Wrocław etc. 1986. S.121-133.
540. **Goehrke K.** Wüstungsperioden des frühen und hohen Mittelalters in Osteuropa// *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. 1968. T. 16. S.1-52.
541. **Gojda M., Kuna M.** Časné slovanský sídelní areál v Roztokách, okr.Praha-západ// *AR*. 1985. R. 37. Č. 2. S.152-169,237-240.
542. **Górska I., Paderewska L., Pyrgała J., Szymański W.** Grodziska Mazowska i Podlasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1976.
543. **Goš V.** Osada hrnčírů v Mohelnici// *AR*. 1975. R.27. S.558-541.
544. **Goš V., Karel V.** Slovanská osada u Palonína, okr.Šimperk// *Ibid*. 1986. R. 38. Č. 2. S.176-203.
545. **Goździk J.** Środowisko przyrodnicze osadnictwa średniowiecznego okolic Rozpry// *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Ser. archeologiczna*. Warszawa-Łódź. 1985. No. 29. S.129-151.
546. **Grebe K.** Die slawische Siedlung von Branderburg (Havel) – Neuendorf (Vorberic) // *Ibid*. 1966. Jg. 11. H. 3. S.157-166.
547. **Grees H.** Die Auswirkung von Wüstungsvorgängen auf die Überdauernden Siedlung// *Beiträge zur Genese der Siedlungs- und Agrarlandschaft in Europa*. Wiesbaden. 1968. S.50-66.
548. **Grimm P.** Zur Frage der Konstanz von frühgeschichtlichen Siedlungen// *AuF*. 1957. Bd. 2 H. 3. S.97-104.
549. **Grimm P.** Der Beitrag der Archäologie für die Erforschung des Mittelalters// *Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischen Sicht*. Berlin. 1966. S.39-74.
550. **Grimm P.** Zum Verhältniss von Dorf, Hof und Burg in Nordwestthüringen im 12./13. Jahrhundert// *Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte*. Berlin. 1977. Bd. 30. S.427-446.
551. **Gringmuht-Dallmer E.** Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf dem Territorium der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Siedlungsgebiete// *EAZ*. 1976. Jg.17. H. 4. S.653-658.
552. **Gringmuht-Dallmer E.** Zur Funktion jungslawischer Inselsiedlungen westlich der Oder// *Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slave*. Bratislava. 1979. T. 1. S.347-352.

553. **Gringmuht-Dallmer E.** Probleme der landwirtschaftlichen Produktion des 1. Jahrtausend u.Z. in Mitteleuropa// *Produktionskräfte und Gesellschaftsformationen in vorkapitalistischer Zeit.* Berlin. 1981. S.573-581.
554. **Gringmuht-Dallmer E.** Frühgeschichtliche Pflugspuren in Mitteleuropa// *ZfA.* 1983. Jg. 17. H. 2. S.205-221.
555. **Gringmuht-Dallmer E.** Zur Siedlungsentwicklung der 5.-7. Jahrhunderts in der Stammesgebiet// *Die Germanen.* Berlin. 1983. Bd. 2. S.90-100.
- 555a. **Gringmuht-Dallmer E.** Die Entwicklung der frühgeschichtlichen Kulturlandschaft auf der Territorium der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Siedlungsgebiete. Berlin. 1985.
556. **Gringmuht-Dallmer E.** Zur Siedlungsgeschichte Thüringens im frühen Mittelalter// *ZfA.* 1985. Jg. 19. H. 2. S.225-252.
557. **Gringmuht-Dallmer E.** Zur regionalen Siedlungslandschaftstruktur der Merowinger- und Karolingerzeit// *ZfA.* 1985. Jg. 19. H. 1. S.51-81.
558. **Gringmuht-Dallmer E.** Der frühgeschichtliche Landesaufbau als Element der Produktivkräfteentwicklung// *Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse in ur- und frühgeschichtlicher Zeit.* Berlin. 1985. S.311-323.
559. **Gringmuht-Dallmer E., Lange E.** Untersuchungen zur frühgeschichtlichen Siedlungs und Wirtschaftsentwicklung in nördlichen Thüringer Becken// *Ibid.* 1988. Jg. 22. H. 1. S.83-101.
560. **Guerquin B.** Zamki Śląskie. Warszawa. 1957.
561. **Gurba J.** Z problematyki osadnictwa wczesnośredniowiecznego na Wyżynie Lubelskiej// *Annales Universitatis Marie Curie Skłodowska.* Lublin. 1968. Sec. F. 20. S.43-48.
562. **Haarnagel W.** Das eisenzeitliche Dorf „Feddersen Wierde“, seine siedlungsgeschichtliche Entwicklung, seine wirtschaftliche Funktion und die Wandlung seiner Sozialstruktur// *Das Dorf der Eisenzeit und der frühen Mittelalters.* Göttingen. 1977. S.253-284.
563. **Haarnagel W.** Das eisenzeitliche Dorf „Feddersen Wierde“, seine siedlungsgeschichtliche Entwicklung, seine wirtschaftliche Funktion und Wandlung seiner Sozialstruktur// *Geschichtswissenschaft und Archäologie.* Sigmaringen. 1979. S.45-99.
564. **Haarnagel W.** Die Grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau, Siedlungs- und Wirtschaftsformen sowie Sozialstruktur. Wiesbaden. 1979.
565. **Habovštiak A.** Poľnohospodárstvo na Slovensku v 9.-11.stor.// *O počatkoch slovenských dejin.* Bratislava. 1965. S.55-80.
566. **Habovštiak A.** Stredoveké dediny vo svetle doterajšieho historicko-archeologického výskumu na Slovensku// *Agrikultura.* 1969. No. 8. S.67-84.
567. **Habovštiak A.** Stredoveké agrárne sídliska 10.-13. Storočia na Slovensku// *AR.* 1975. R. 27. Č. 2. S.297-304.
- 567a. **Habovštiak A.** K problematike stredovekých poli na Slovensku// *ŠZAÚSAV.* 1983. T. 20. S.231-241.
568. **Habovštiak A.** Stredoveká dedina na Slovensku. Bratislava. 1985.
569. **Hanušín J.** Nejstaršie vodné mlyny na Slovensku (do konca 13. storočia)// *Dějiny věd a techniky.* Praha. R. 1979. Č. 1. S.9-23.
570. **Hejna A.** Příspěvek k otázce původu a významu kruhového blatného hrádku v Čechách// *PA.* 1957. T. XLVIII. S.218-237.
571. **Hejna A.** České tvrže. Praha. 1961.
572. **Hejna A.** K situační a stavební formaci feudálního sídla v Evropě// *Ibid.* 1965. T. LVI. Č. 2. S.513-583.
573. **Hejna A.** Archeologický výzkum a počátky sídlištního vývoje Chebu a Chebska. II// *PA.* 1971. R. 62. S.488-550.
574. **Hejna A.** K počátkům opevněných středověkých sídel// *VVM.* 1973. R. 35. Č. 3. S.240-251.
575. **Hejna A.** Venkovská opevněná sídla 10.-13. Století v Čechách (Problematika jejich studia a výsledky dosavadního výzkumu)// *AR.* 1976. R. 28. Č. 3. S.279-291.
576. **Hejna A.** Opevněná venkovská sídla doby přemyslovské v Čechách. Výsledky archeologického výzkumu z období 1965-1975.// *AH.* 1977. No. 2. S.69-79.
577. **Hejna A.** Drobná opevněná sídla v Čechách a jejich místo v sídlištním vývoji 10.-13. století// *Ibid.* 1978. No. 3. S.75-82.
578. **Hejna A.** Týnec nad Sázavou – příspěvek ke slovanskému osídlení dolního Posazavi// *Slované 6.-10. Století.* Brno. 1980. S.95-99.

- 579.**Hejna A.** Vysledky archeologického výzkumu hradů pozdní doby přemyslovské v severovýchodních Čechách// *AH*. 1981. No. 6. S.19-32.
- 580.**Hejna A.** Vývoj osídlení v dolním Posázaví a na Benešovsku v době přemyslovské// *Ibid.* 1982. No. 7. S.185-195.
- 581.**Henning S.** Unterschiede und Gemeinsamkeit zwischen slawischer und fränkischer Landwirtschaft in Gebieten frühmittelalterlicher Stadtentwicklung// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К.* 1988. Т. 2. С.221-227.
- 582.**Hensel W.** Słowianszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa.1965.
- 583.**Hensel W.** Główne kierunki rozwoju rolnictwa na ziemiach polskich do X w.// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego.* 1966. Т. 8. S.7-11.
- 584.**Herrmann J.** Wasserstand und Siedlung im Spree-Hafel Gebiet in frühgeschichtlicher Zeit// *Ibid.* 1959. Bd. 4. H. 2. S.90-106.
- 585.**Herrmann J.** Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwall Gross-Berlins und des Bezirkes Potsdam.*Berlin.* 1960.
- 586.**Herrmann J.** Einige Fragen der slawischen Burgenentwicklung zwischen mittlerer Elbe und Oder// *Sl.Ant.* 1963. Т. 10. S.185-206.
- 587.**Herrmann J.** Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. Bis 13. Jahrhundert. *Berlin.* 1965.
- 588.**Herrmann J.** Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz *Berlin.* 1966.
- 589.**Herrmann J.** Anfänge und Grundlagen der Staatsbildung bei den slawischen Stämmen westlich der Oder// *ZfA.* 1967. Jg.15. H.3. S.424-446.
- 590.**Herrmann J.** Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. *Berlin.* 1968.
- 591.**Herrmann J.** Hauptaufgaben, Probleme und Ergebnisse der archäologischen Frühgeschichtsforschung in der DDR in den Jahren 1965-1970// *Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie.* Berlin. 1970. Bd. 1. S.133-159.
- 592.**Herrmann J.** Der Beitrag der Ausgrabungen in Tornow, Kr.Calau, zur germanischen und slawischen Siedlungs-, Wirtschafts- und Kulturgeschichte// *ZfA.* 1970. S.58-84.
- 593.**Herrmann J.** Die germanischen und slawischen Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr.Calau. *Berlin.* 1973.
- 594.**Herrmann J.** Die frühmittelalterliche slawische Siedlungsperiode// *AuF.* 1976. Bd. 21. H. 1-4. S.144-150.
- 595.**Herrmann J.** Probleme der Herausbildung der archäologischen Kulturen slawischer Stämme des 6.-9. Jh.// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave.* Bratislava. 1979. Т. 1. S.40-75.
- 596.**Herrmann J.** Probleme der Fruchtwechselwirtschaft im Ackerbau des 8. Bis 9. Jh. Am Beispiel ausgewählter schriftlicher und archäologischer Quellen// *ZfA.* 1981. Jg. 15. H. 1. S.1-9.
- 597.**Herrmann J.** Zum Wechselverhältnis von naturräumlicher Siedlung, sozialökonomischer Entwicklung und Staatsbildung im Mitteleuropa vom 7. Bis 11. Jahrhundert// *ZfG.* 1985. Jg. 33. H. 6. S.536-540.
- 598.**Herrmann J.** Burgen und Befestigungen des 12. Und 13. Jh. in landesherrlichen Territorialpolitik und bäuerlicher Siedlung in der weiteren Umgebung von Berlin// *ZfA.* 1986. Jg. 20. H. 1. S.201-235.
- 599.**Herrmann J., Lange E.** Einige Probleme der archäologischen Erforschung der frühmittelalterlichen Agrargeschichte der Nordwestslawen// *SA.* 1970. Т. XVIII. Č. 1. S.79-86.
- 600.**Hilczerońska Z.** Dorzecze górnej i środkowej Odry od VI do początku XI w. *Wrocław-Warszawa-Kraków.* 1967.
- 601.**Hilczerońska Z., Urbańska-Łosińska A.** Rozwój terenów osadniczych u schyłku starożytności i we wczesnym średniowieczu w południowej części województwa zielonogórskiego// *Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą. Zielona Góra.* 1970. Т. 2. S.49-114.
602. Historia kultury materialnej Polski w zarysie. *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.* 1978. Т. 1.
603. Historia Polski. *Warszawa.* 1955. Т. 1.
- 604.**Hrubý V.** Příspěvek k poznání velkomoravského obydlí// *PA.* 1961. Т. LII. S.488-497.

605. **Huml V.** Sidla nižší šlechty na bývalém vlském panství ve východní části Milevska// *Ibid.* 1981. No. 6. S.123-138.
606. **Chotebor P.** Poznámky k německé kolonizaci východních Čech// *AH.* 1985. No.10. S.75-81.
607. **Chotebor P.** K situace a stavební podobě vesnických feudálních sídel// *AH.* 1982. Ho.7. 3.557-566.
608. **Chropovský B.** Slovanské osídlení na Slovensku a jeho problémy// *HČ.* 1962. R. 10. S.216-257.
609. **Jankowska D.** Wczesnośredniowieczne osady typu wiejskiego na Nizinie Wielkopolskiej// *Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. Poznań.* 1971. T. 10. Z. 2. S.11-42.
610. **Janczak J.** Archeologiczne badania osadnicze// *KHKM.* 1975. R. 23. No. 4. S.680-682.
611. **Jankuhn H.** Geschichte Schleswig-Holsteins. Die Frühgeschichte. Neumünster. 1957.
612. **Jankuhn H.** Schlussbetrachtungen// *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Gießen.* 1960. S.221-226.
613. **Jankuhn H.** Terra... silvis horrida (zu Tacitus, Germania, cap. 5)// *Aræologia geographica. Hamburg.* 1961/63. Bd. 10/11. S.19-38.
614. **Jankuhn H.** Archäologische Bemerkungen zur Glaubwürdigkeit des Tacitus in der Germania// *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. Göttingen.* 1966. No. 10. S.411-426.
615. **Jankuhn H.** Dorf, Weiler und Einzelhof in der Germania Magna// *Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. Berlin.* 1969. Bd. 25. S.114-128.
616. **Jankuhn H.** Germanen und Slawen// *Berichte über den II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie. Berlin.* 1970.
617. **Jankuhn H.** Rodung und Wüstung in vor- und frühgeschichtlicher Zeit// *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. Sigmaringen.* 1975. S.79-122.
- 618-619. **Jankuhn H.** Archäologie und Geschichte. Vorträge und Aufsätze (Beiträge zur siedlungsarchäologischen Forschung). Berlin-New York. 1976. Bd. 1.
620. **Jankuhn H.** Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin-New York. 1977.
621. **Jankuhn H.** Siedlungsarchäologie als Forschungsmethode// *Vorträge und Forschungen. Sigmaringen.* 1979. Bd. XXII. S.19-44.
622. **Janssen W.** Königshagen. Ein archäologisch-historischer Beitrag zur Siedlungsgeschichte des südwestlichen Harzvorlandes. Hildesheim. 1965.
623. **Janssen W.** Probleme und Ergebnisse der Wüstungsforschung im südwestlichen Harzrandgebiet// *Wüstungen in Deutschland. Frankfurt am Main.* 1967. S.49-67.
624. **Janssen W.** Methodische Probleme archäologischen Wüstungsforschung// *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen.* 1968. Bd. 1. Philologisch-historische Klasse. No. 2. S.29-56.
625. **Janssen W.** Mittelalterliche Dorfsiedlungen als archäologisches Problem// *Frühmittelalterliche Studium. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin.* 1968. Bd. 2. S.305-367.
626. **Janssen W.** Neue Ergebnisse der mittelalterlichen Siedlungsforschung im Rheinland// *Veröffentlichungen der österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Ur- und Frühgeschichte.* 1971. Bd. 5. S.54-56.
627. **Janssen W.** Studien zur Wüstungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifel Nordland. Köln. 1975.
628. **Janssen W.** Dorf und Dorfformen des 7. Bis 12. Jahrhunderts im Lichte neuer Ausgrabungen in Mittel- und Nordeuropa// *Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters. Göttingen.* 1977. S.285-356.
629. **Janssen W.** Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters// *Das Handwerk in vor- und frühgeschichtliche Beiträge. Göttingen.* 1983. S.261-316.
- 629a. **Janssen W.** Römische und frühmittelalterliche Landesschließung im Vergleich// *Villa – curtis – grania. München.* 1983. S.81-122.
630. **Janssen W u. B.** Stand und Aufgaben der Archäologie des Mittelalters im Rheinland// *ZfAdM.* 1973. Bd. I. S.141-195.
631. **Janssen Wil.** Mittelalterliche Burgenbau am Niederrhein, zur Verhältnis von archäologischen

- Befung und schriftlicher Beziehung// *ZfAdM*. 1975. Bd.5. S.121-128.
632. **Jäger H.** Entwicklungsperioden agraren Besiedlungsgebiete im mittleren Westdeutschland seit dem frühen 13. Jahrhundert// *Würzburger Geographische Arbeiten*. Würzburg. 1958. Bd.6.
633. **Jelinková D.** Počátky slowanského osídlení Moravy z hlediska sídlištních nálezů// *IV. Mezinárodní Kongres slovanské archeologie*. Bratislava, Nitra. 1980. S.60-66.
634. **Jodłowski A.** Uwagi nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym w dorzeczu Raby// *Acta archaeologica carpathica*. 1968. T. X. F. 1-2. S.63-97.
635. **Jordan W.** Ergebnisse von Grabungsuntersuchungen in der Wüstung „Swafern“, bei Haaren, Kr.Büren// *Westfalen*. 1970. Bd. 48. S.177-187.
636. **Kaczmarczyk Z.** Diskussion über die Zusammenarbeit zwischen polnischen Geschichtsforschern und Archäologen// *Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht*. Berlin. 1966. S.175-177.
637. **Kaletynowie M. i T., Łodowski J.** Drodziska wczesnośredniowieczne wojewódstwa wrocławskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968.
638. **Kamińska J.** Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski środkowej na tle osadnictwa. Łódź. 1953.
639. **Kamińska J.** Grodziska stożkowate śladem posiadłości rycerskich XIII-XIV wieku// *Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna*. 1960. No. 13. S.43-78.
640. **Kamińska J.** Siedlątków, obronna siedziba rycerska z XIV wieku// *Ibid*. 1968. No. 15. S.15-88.
641. **Kamińska J.** Grody Polski środkowej w organizacji wczesnopaństwowej// *Ibid*. 1971. No. 18. S.41-75.
642. **Kašička F.** Tvrze středních Čech. Praha. 1984.
643. **Kašička F.** Hospodářské zázemí drobných feudálních sídel ve středních Čechách// *AH*. 1985. No. 10. S.57-65.
644. **Kern H.** Siedlungsgeographische Geländeforschungen im Amönenburger Becken und seinen Randgebieten. Ein Beitrag zur Erforschung der mittelalterlichen Kulturlandschaftsentwicklung in Nordhessen. Marburg. 1966.
645. **Klanica Z.** Počátky slovanského osídlení ČSSR// *IV. Mezinárodní Kongres slovanské archeologie*. Bratislava, Nitra. 1980. S.73-76.
646. **Klápště J.** Černokosteletko jako kolonizační oblast// *HG*. 1973. S.123-138.
647. **Klápště J.** Středověké osídlení Černokosteletka// *PA*. 1978. T. 69. S.423-475.
648. **Klápště J.** Studium středověkého osídlení Mostecká// *Archeologické výzkumy v Severozápadních Čechách v letech 1973-1982*. Praha. 1986. S.93-103.
649. **Klápště J., Smetánka Z.** Archeologický výzkum české středověké vesnice v letech 1971-1981// *AH*. 1982. No. 7. S.11-32.
650. **Klápště J., Žemlička J.** Studium dějin osídlení v Čechách a jeho další perspektivy// *ČsČH*. 1979. T.XXVII. S.884-906.
651. **Klichowska M.** Znaleziiska zbóż na terenie ziem polskich od neolitu do XII wieku n.e.// *KHKM*. 1961. R. 9. No. 4. S.675-701
652. **Klichowska M.** Szczątki roślinne z osady średniowiecznej przy ul.Szewskiej 6 w Poznaniu// *FAP*. 1972. Vol. 22. S.168-171.
653. **Klichowska M.** Paleobotaniczne znaleziiska roślinne z wykopalisk archeologicznych w Stradowie, woj.Kielce, ze starszego okresu wczesnośredniowiecznego// *Spr.Arch*. 1988. S.40. S.303-316.
654. **Kobyliński Z.** Konstrukcje, destrukcje i rekonstrukcje: w sprawie budownictwa starszych fas wczesnego średniowiecza na ziemiach polskich// *AP*. 1988. T.33.T. 1. S.204-210.
655. **Kohoutek J.** Výzkum středověkých hradů v oblasti visovských vrchů// *Ibid*. 1986. No. 11. S.201-221.
656. **Kosiński D.** Struktura zasiedlenia dorzecza Orli we wczesnym średniowieczu// *Spr.A*. 1983. T. 34. S.251-252.
657. **Krajič R.** Vesnice husitského období na Táborsku ve světle archeologických výzkumů// *Ibid*. 1987. No. 12. S.85-95.
658. **Kraskovská L.** Slovanské sídlišká v Pomoraví// *PA*. 1961. T. LVII. S.477-483.
659. **Kraskovská L.** Slovanské sídliško na pláňavách pri Skalici// *ŠZAÚSAV*. 1963. Č 2. S.133-142.

660. **Krenzlin A.** Das Wüstungsproblem im Lichte der ostdeutschen Siedlungsforschung// *ZfAuA*. 1959. Jg. 7. H. 2. S.153-169.
661. **Krüger B.** Dessau-Mosigkau. Ein frühslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbegebiet. *Berlin*. 1967.
662. **Krüger B.** Die Ergebnisse der Aufgang in Dessau-Mosigkau und die archäologisch-kulturelle Definition der frühen Sorben// *ZfA*. 1968. Jg. 2. H. 1. S.16-22.
663. **Krüger B.** Zum Problem der Siedlungskontinuität von der germanischen zur slawischen Besiedlung des Havel-Spree-Gebietes// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. Bratislava. 1979. T. 1. S.441-445.
664. **Krüger B.** Zum germanischen Siedlungswesen im Spree-Havel-Gebiet// *EAZ*. 1987. Jg. 28. H. 2. S.249-256.
665. **Kučera M.** Slovensko po páde Velkej Moravy. *Bratislava*. 1964.
666. **Kučera M.** Historický vyvin slovenskej dediny// *Studia Academica Slovaca*. Bratislava. 1982. No. 11. S.252-262.
667. **Kudrnač J.** Die slawischen eingertieften Wohnstätten// *Vznik a počátky Slovanů*. 1966. T. 6. S.197-221.
668. **Kudrnač J.** Die ältesten slawischen Burgwälle in der Tschechoslowakej// *Siedlung, Burg ind Stadt. Studien zu ihren Anfängen*. Berlin. 1969. S.171-182.
669. **Kudrnač J.** Klučov – staroslovanské hradiště ve středních Čechach (K počátkum nejstarších slovanských hradišť v Čechach). *Praha*. 1970.
670. **Kudrnač J.** Die Anfänge der slawischen Burgwälle in Böhmen// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave*. Bratislava. 1979. T. 1. S.447-452.
671. **Kudrnač J.** Slovanské vyšinné sídliště v Koumicích ve vstahu k osídlení v Pošembeři// *AR*. 1984. R.56. Č.5. S.279-287.
672. **Kudrnač J.** Vyvoj slovanského osídlení na Pražsku a Českobrodsku v 6. Až 10. Století// *HD*. 1987. No. 12. S.39-55.
673. **Kühlhorn E.** Untersuchungen zur Topographie mittelalterlichen Dörfer in Sudniedersachsen// *Forschungen zur deutschen Landeskunde*. Bad Godesberg. 1964. Bd.148.
674. **Kunysz A.** Osadnictwo otwarte w Polsce południowo-wschodniej od VI do XIII wieku// *WA*. 1966. Z. 4. S.320-362.
675. **Kurnartowska Z., Łosińska A.** Weryfikacja grodzisk wielkopolskich na północy// *FAP*. 1983. Vol. 32 (1981). S.25-62.
676. **Kurnartowski S.** Uwagi o kształtowaniu się stref zasiedlenia dorzecza Obry w czasie od środkowego okresu epoki brązu do późnego średniowiecza// *AP*. 1963. T. 8. Z. 2. S.181-221.
677. **Kurnartowski S.** Osadnictwo a jego rola w kształtowaniu krajobrazu// *Folia Quaternaria*. Kraków. 1968. T. 29. S.183-197.
678. **Kurnartowski S.** Rozwój zasiedlenia Wielkopolski zachodniej we wczesnym średniowieczu i jego aspekty gospodarcze// *AP*. 1971. T. 16. Z.1/2. S.465-482.
679. **Kurnartowski S., Wiślański T.** Rola archeologii w badaniach historyczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego*. 1966. T. 8. S.49-55.
680. **Kurnartowski S.** Przemiany techniki uprawy roli w czasach między epoką brązową i wczesnym średniowieczem a rozmiszczenie stref zasiedlenia// *Ibid*. S.92-99.
681. **Łabuda G.** Z badań nad osadnictwem i ustrojem Słowian Połabskich// *Slavia occidentalis*. 1962. T.22. S.313-326.
682. **Łabuda G.** O formach osadnictwa wczesnośredniowiecznej wsi polskiej (w związku z książką Zofii Podwińskiej)// *KHKM*. 1975. R. 23. S.99-113.
683. **Lachowicz F., Olczak J., Siuczniński K.** Osadnictwo wczesnośredniowieczne na pobrzeżu i pojezierzu wschodniopomorskim. Wybrane obszary próbne. Katalog. *Poznań*. 1977.
684. **Lange E.** Botanische Beiträge zur mittelalterlichen Siedlungsgeographie zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit. *Berlin*. 1971.
685. **Lange E.** Neue Ergebnisse pollenanalytischer Untersuchungen zur Siedlung und Wirtschaft im frühen Mittelalter// *Berichte über II. Internationalen Kongreß für slawische Archäologie*. Berlin. 1973. Bd. III. S.423-428.
686. **Lange E.** Grundlagen und Entwicklungstendenzen der frühgeschichtlichen Agrarproduktion aus botanischer Sicht// *ZfA*. 1976. Jg. 10. H. 1. S.75-120.

- 687.**Lepiksaar J., Heinrich D.** Untersuchungen an Fischresten aus der fruhmittelalterlichen Siedlung Haithabu// *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. 1977. No.10.*
- 688.**Lob von R.E.** Wüstungsforschung in der ČSSR und BRD - Ein Vergleich der Forschungsrichtungen, Methoden und Ergebnisse// *ČMM. 1976. T. LXI. S.65-77.*
- 689.**Łodowski J.** Osadnictwo a zaleszenie Dolnego Śląska we wczesnym średniowieczu. Próba rekonstrukcji// *Ziemia i ludzie dawnej Polski. Wrocław. 1976. S.63-82.*
- 690.**Łodowski J.** Dolny Śląsk na początku średniowiecza (VI-X w.). *Wrocław. 1980.*
- 691.**Łosiński W.** Z badań nad osadnictwem wczesnośredniowiecznym w rejonie środkowej Parsęty// *Materiały Zachodnio-Pomorskie. Szczecin. 1985. T. 11. S.281-315.*
- 692.**Łosiński W.** Z badań nad przemianami gospodarczymi w starszych fazach wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim// *AP. 1971. R. XVI. Z.1/2. S.431-444.*
- 693.**Łosiński W.** Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII-X/XI). *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1972.*
- 694.**Łosiński W.** Osadnictwo plemienne Pomorza (VI-X wiek). *Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. 1982.*
- 695.**Łosiński W.** Dynamika zasiedlenia ziem pomorskich u schyłku doby plemiennej (VI-XI w.)// *Studia z dziejów i kultury zachodniej słowiańszczyzny. Poznań. 1983. S.107-119.*
- 696.**Łowmiański H.** Zagadnienia gospodarcze wczesnofeudalnego państwa polskiego// *Początki państwa polskiego. Poznań. 1962. T.2. S.15-36.*
- 697.**Lukas J.** Vývoj osídlení Slánska a Melnicka od 10. do poloviny 14. stol.// *HG. 1978. No.17. S.99-148.*
- 698.**Maas W.** Z nowszych badań nad dziejami osadnictwa w Niemczech// *KHKM. 1959. Vol.VII. No. 1. S.87-117.*
- 699.**Málek J.** Vývoj vegetace na území osad zaniklých v 15. a 16. Stol. v oblasti jihozápadní Moravy// *ČMM. Vědy společenské. 1966. T. LI. S.153-180.*
- 700.**Mapa grodisk w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1964.**
- 701.**Marciniak J.** Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy w miejsc. Bazar Nowy, pow.Maków Mazowiecki// *Materiały wczesnośredniowieczne. Warszawa. 1960. T.5. S.99-140.*
- 702.**Marschalleck K.** Burgenprobleme zwischen Elbe und Oder// *Frühe Burgen und Städte. Berlin. 1957. S.29-43.*
- 703.**Menclová D.** České hrady. *Praha. 1972. Tt. I-II.*
- 704.**Menclová D.** Príspevok k typológii hradov, zámkov a kaštieľov na Slovensku// *S.Pišoň. Hrady, zámky a kaštiele na Slovensku. 1973. S.399-446.*
- 705.**Meřzinský Z.** Zaniklé středověké osady na panství kláštera oslavanského// *AH. 1976. No. 1. S.109-120.*
- 706.**Meřzinský Z.** Průzkum zaniklých středověkých osad na moravské straně Českomoravské vrchoviny v letech 1962-1970// *AR. 1976. R. 28. Č. 4. S.405-417.*
- 707.**Meřzinský Z.** Slovanské osídlení 6.-10. století na dolní Dyji a Moravě// *Slované 6.-10. Století. Brno. 1980. S.191-204.*
- 708-709.**Meřzinský Z.** Morava za husitských válek ve světle archeologických nálezů a výzkumů// *AH. 1980. No.5. S.51-68.*
- 710.**Meřzinský Z.** Čechy v době Slovanské// *AH. 1985. No. 10. S.506-508.*
- 711.**Meřzinský Z.** Moravá v 10. století ve světle archeologických nálezů// *PA. 1986. T. 77. Č. 1. S.18-80.*
- 712.**Meřzinský Z.** Príspevok k možnosti rekonstrukce středověké krajiny území zaniklých vesnic a typů sídlišť// *AH. 1987. No. 12. S.111-128.*
- 713.**Michalowski Cz.** Rosliny uprawne na pograniczu Polsko-Ruskim we wczesnym średniowieczu// *Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т. 2. С.273-274.*
- 714.**Mika A.** Nástin vývoje zemědělské výroby v českých zemích v epoše feudalismu. *Praha. 1960.*
- 715.**Modzelewski K.** Grody i dwory w gospodarstwie polskiej monarchii wczesnofeudalnej// *KHKM. 1975. R.21. No.1,2.*
- 716.**Modzelewski K.** Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. *Wrocław etc. 1987.*
- 717.**Moravčík J.** Slawische Besiedlung der Nordwestslowakej 6.-11. Jh.// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1979. T. 1. S.559-562.*
- 718.**Mrusek H.J.** Thüringische und sächsische Burgen. *Leipzig. 1965.*

719. **Müller A. von.** Zur hochmittelalterlichen Besiedlung des Teltow (Brandenburg). Stand eines mehrjährigen archäologisch-siedlungsgeschichten Forschungsprogrammes// *Die deutsche Ostrsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. Forträge und Forschungen. Sigmaringen. 1975. Bd. 18. S.311-332.*
720. **Müller H.-H.** Das Tierknochenmaterial aus der slawischen Burg auf dem Schlosberg bei Feldberg, Kr.Neustrebitz// *Sl.Ant. 1970. T. 16. S.71-83.*
721. **Müller H.-H.** Zur Nutzung der frühgeschichtlichen Haustiere// *Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Berlin. 1973. Bd. III. S.429-439.*
722. **Müller H.-H.** Die Tierreste aus der slawischen Burganlage von Arkona auf der Insel Rügen// *ZfA. 1974. Jg. 8. H. 2. S.255-295.*
723. **Müller H.-H.** Die Tierreste aus der Wiprechtsburg bei Groitsch, Kr.Borna// *Arbeits- und Forgeschichtsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Dresden. 1977. Bd. 22. S.101-170.*
724. **Müller H.-H.** Die Tierreste aus dem slawischen Burgwall von Berlin-Blankenburg// *Archäologie als Geschichtswissenschaft. Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1977. Bd. 30. S.527-544.*
725. **Müller H.-H.** Tieropfer in der slawischen Tempelburg von Arkona auf Rügen// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava. 1980. T. 2. S.307-311.*
726. **Müller H.-H.** Zur Kenntnis der frühgeschichtlichen Pferde bei den Slawen zwischen Elbe/Saale und Oder// *Przegład archeologiczny. 1981. T. 28. S.91-122.*
727. **Müller-Mertens E.** Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen und die Fragen des Historikers an den Archäologen// *Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht. Berlin. 1966. S.9-38.*
728. **Müller-Wille M.** Mittelalterliche Burghügel „Motten“ im nordlichen Rheinland// *Beiheft der Bonner Jahrbücher. Köln. 1966. Bd. 16.*
729. **Musiolek P., Eppelrein S., Fischer H., Kagel W., Schattkowsky M.** Zu problem von Gesellschaft und unwell in der Vorkapitalistischen Produktionswesen// *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1985. Teil IV. S.105-128.*
730. **Nekuda R.** Přínos historické archeologie k výzkumu zaniklych středověkých osad v Evropě// *AH. 1976. No. 1. S.121-137.*
731. **Nekuda V.** Středověká ves Mstěnice. Deset let archeologického výzkumu. 1960-1970// *VVM. 1972. S.1972. T. XXIV. S.12-47.*
732. **Nekuda V.** Zum Stand der Wüstungsforschung in Mähren (ČSSR)// *ZfAdM. 1973. Jg. 1. S.31-57.*
733. **Nekuda V.** Pfaffenschlag. Zaniklá středověká ves u Slavonic. *Brno. 1975.*
734. **Nekuda V.** Příspěvek k charakteristice středověké zemědělské usedlosti na Moravě// *AH. 1976. No. 1. S.33-48.*
735. **Nekuda V.** Několik poznánek k politickému, hospodářskému a společenskému postavení nižší šlechty na Moravě// *Ibid. 1977. No. 2. S.23-31.*
736. **Nekuda V.** K vývoje zemědělských sídlišť v 10.-13. Století na Moravě ve světle pramenů hmotných// *Ibid. 1978. No. 3. S.171-182.*
737. **Nekuda V.** Moravský venkov v době předhusitské// *Ibid. 1980. No. 5. S.13-29.*
738. **Nekuda V.** Dvacet let archeologického výzkumu na lokalitě zaniklé středověké osady Mstěnice 1960-1980// *VVM. 1981. T. XXXIII. S.129-146.*
739. **Nekuda V.** K vývoji drobných středověkých opevnění na Moravě// *AH. 1981. No. 6. S.293-306.*
740. **Nekuda V.** Středověká vesnice na Moravě ve světle archeologických výzkumů// *AH. 1982. No. 7. S.33-67.*
741. **Nekuda V.** Vesnický středověký dům na Moravě// *AH. 1984. No. 9. S.21-37.*
742. **Nekuda V.** Mstěnice I. Zaniklá středověká ves u Hrotovic (Hradek-tvrz-dvůr-předsunutá opevnění). *Brno. 1985.*
743. **Nekuda V.** Zemědělská výroba v období feudalismu na Moravě// *AH. 1985. No. 10. S.33-46.*
744. **Nekuda V.** Základní otázky historicko-archeologického studia vesnického sídla, domu a dvora// *Ibid. 1987. No. 12. S.33-46.*
745. **Nekuda V.** Příčiny a důsledky zaniklých středověkých osad// *HG. 1987. No. 12. S.107-121.*
746. **Nekuda V., Unger J.** Hrádky a tvrze na Moravě. *Brno. 1981.*

747. **Nickel E.** Deutsch-slawisches Zusammenlegen im mittleren Elbegebiet// *ZfA*. 1968. Jg. 2. H. 1. S.50-56.
748. **Niederle L.** Rukovet' slovanské archeologie. *Praha*. 1931.
749. **Nosek S., Machnik J., Dąbrowska E., Gajewski L.** Igolomia I. Osada wczesnośredniowieczna. *Wrocław-Warszawa-Kraków*. 1961.
750. **Novotný B.** Moravské úděly a jejich raně feudální centra v 11.-13. Století// *AR*. 1975. R. 27. S.516-527.
751. **Novotný B.** Změny ve vývoji slovanského osídlení a pohřbívání v 6. Až 12. Století v počíci řeky Dyje ve světle archeologických a písemných pramenů// *IV. Medzinarodný kongres slovanskej archeologie. Zborník referatov ČSSR. Nitra*. 1980. S.109-119.
752. **Olczak J., Siuchniński K.** Typologia wczesnośredniowiecznych grodzisk Pomorza środkowego// *Sl.Ant.* 1976. T. 23. S.111-152.
755. **Opravil E.** Rostliny z velkomoravského hradiště v Mikulčicích// *Studie Archeologickebo ustava ČSAV v Brne*. 1972. T.2.
754. **Opravil E.** Příspěvek k rozšíření jabloně v pravěku střední Evropy// *AR*. 1975. R.27. Č.4. S.575-584.
755. **Opravil E.** Die Gurke in der Burgwallzeit// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava*. 1979. T. 1.S.597-598.
756. **Opravil E.** Der Obstbau der Westslawen im Lichte archäologischer Funde// *Ibid*. S.587-597.
757. **Pitterová A.** Typy nejstarších slovanských sídlišť vesnického charakteru a jejich vývoj ve světle archeologických pramenů// *Česky lid*. 1968. R. 55. Č. 2-3. S.169-179.
758. **Plaček M.** K typologii hradu na moravsko-slovenském pozemí// *Slovácko*. 1984. T. XXV/1983. S.63-87.
759. **Plaček M.** Hrady na Oslavě a ekonomické podmínky jejich vzniku a existence// *AH*. 1985. No. 10. S.261-271.
760. **Plaček M., Procháska R.** K problematice opevněných sídel přelomu raného a vrcholného feudalismu na Moravě// *Ibid*. 1986. No. 11. S.159-169.
761. **Pleinerová I.** Germanische und slawische Komponenten in der altslawischen Siedlung Brežno bei Louny// *Germania*. 1965. T.43. S.121-138.
762. **Pleinerová I.** Březno. Vesnice prvních Slovanů v severozápadních Čechách. *Praha*. 1975.
763. **Pleinerová I.** Zu den frühslawischen Grubenhäusern// *Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava*. 1979. T.1. S.629-657.
- 763a. **Pleinerová I.** Březno: experiments with building Old Slaviehouses and living in them// *PA*. 1986. T. 77. Č. 1. S.104-176.
764. **Podwińska Z.** Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej. *Wrocław-Warszawa-Kraków*. 1962.
765. **Podwińska Z.** Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesniejszym średniowieczu. *Wrocław-Warszawa-Gdańsk*. 1971.
766. **Podwińska Z.** W sprawie przełomu w technice uprawy roli na ziemiach polskich// *Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. Warszawa*. 1966. T. 8. S.99-102.
767. **Poklewski T.** Spicymierska włość grodowa w średniowieczu. *Łódź*. 1975.
768. **Polla B.** Stredoveká zaniknutá osada na Zpiši (Zalužany)// *Archæologica Slovaca – Fontes. Bratislava*. 1962. T. IV.
769. **Polla B., Slivka M., Vallašek A.** K problematike výskumu hrádkov a hradov na Slovensku// *AH*. 1981. No. 6. S.361-405.
770. **Polla B., Vindis I.** Východoslovenské hrady a kaštiele. *Košice*. 1966.
771. **Porzeziński A.** Dotychczasowe wyniki badań na osadzie wczesnośredniowiecznej w Dziedzicach, pow.Myślibórz// *Spr.A*. 1972. R. 24. S.149-161.
772. **Porzeziński A.** Z badań nad problematyką osadnictwa najstarszej fazy wczesnego średniowiecza na Pomorzu Zachodnim// *Materiały Zachodniopomorskie. Szczecin*. 1980. T. 26. S.115-144.
773. **Poulik J.** Mikulčice – sídlo a pevnost knížat velkomoravských. *Praha*. 1975.
774. **Poulik J.** K orazce vzniku předvelkomoravských hradišť// *SA*. 1988. T. 36. Č. 1. S.189-216.
775. **Přehled dějin Československa. Praha**. 1980. Dil. 1. Kn. 1.
776. **Radig W.** Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln. *Berlin*. 1955.
777. **Radig W.** Frühformen der Hausentwicklung in Deutschland. *Berlin*. 1958.

- 778.**Rajewski Z.** Wczesnośredniowieczne ośrodki wiejskie w świetle dotychczasowego stanu badań// *Pierwsza sesja archeologiczna Instytutu historii kultury materialnej polskiej Akademii Nauk*, 1955 r. Warszawa-Wrocław. 1957. S.299-318.
- 779.**Reichertová K.** K problematice výzkumu středověké tvrze// *PA*. 1961. T. LII. Č. 2. S.599-608.
- 780.**Reichstein H., Taege K.G., Vogel H.-P., Heinrich D.** Untersuchungen an Tierknochen von der frühslawischen Wehranlage Bischowswarder am Großen Plöner See// *Bosau IV. Offa – Bücher*, 42. Neumünster. 1981. S.9-75.
- 781.**Reinhardt W.** Studien zur Entwicklung des ländlichen Siedlungsbildes in der Seemarschen der ostfriesieschen Westküste// *Probleme der Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet*. Hildesheim. 1965. Bd.8. S.73-148.
- 782.**Rogosz R.** Wczesnośredniowieczna osada otwarta w Jarszewie, pow. Kamień Pomorski// *Materiały Zachodniopomorskie*. Szczecin. 1965. T. 11. S.317-409.
- 783.Rozwój osadnictwa w rejonie Burzenina nad Wartą od VI do XIV wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1970.
- 784.**Rusiński W.** "Pustki" - problem agrarny feudalnej Europy// *Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych*. 1961. T.23. S.9-50.
- 785.**Ruttikay A.** Stredoveké osídlenie v Oborine// *Východoslovanský pravek*. 1970. No. 1. S.95-110
- 786.**Ruttikay A.** Vyskum včasnostredovekého opevněného sídla v Ducovom, okr.Trnava// *AR*. 1972. R. 24. S.130-139.
- 787.**Ruttikay A.** Vývoj štruktúr stredovekého osídlenia na základe komparácie hmotných a písomných prameňov na území okresu Topoľčany// *SA*. 1986. R. 34. Č. 2. S.425-438.
- 788.**Ruttikay A.** Stav a úlohy výskumu dejín stredoveku na Slovensku z hľadiska archeológie (prognostická uvaha)// *ŠZAÚSAV*. 1986. T. 22. S.49-69.
- 789.**Schlette F.** Zum Besiedlungskontinuität und Siedlungskonstanz in der Urgeschichte// *Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin. 1969. Bd. 25. S.11-25.
- 790.**Schmidt V.** Lieps: eine slawische Siedlungskammer an Südennde des Tollensees// *EAZ*. 1986. Jg. 27. H. 2. S.271-277.
- 791.**Schneider J.** Dorf, Weiler oder Einzelhof? Die Urform der alamanischen Siedlungen// *Schneider W. Arbeiten zur alamanischen Frühgeschichte*. Tübingen. 1979. Bd. VII/VIII. S.1-81.
- 792.**Schuldt E.** Burg und Siedlung von Groß Raden. *Schwerin*. 1978.
- 793.**Schuldt E.** Die Holzbau bei den nordwestslawischen Stämmen vom 8. Bis 12. Jahrhundert. Berlin. 1988.
- 794.**Schwarz K.** Der frühmittelalterliche Landesausbau in Nordost-Bayern, archäologischen gesehen// *Ausgrabungen in Deutschland, Gefordert von der Deutschen Forschungsgemeinschaft 1950-1975*. Mainz. 1975. Bd. 2. S.38-409.
- 795.**Sedlačkova H.** Výskum sídlíste z 12.-15. stololetí u Podebrad (předběžná sprava) // *Středověká archeologie a studium počátku měst*. Praha. 1977. S.272-275.
- 796.**Slivka M.** Počiatky osídlenia Trebišova a jeho okolia// *NO. Prešov-Košice*. 1977. No. 19. S.197-232.
- 797.**Slivka M., Vallašek A.** Hospodarske zazemie slachických sídel v oblasti horného Zemplína// *AH*. 1982. No. 7. S.289-310.
- 798.**Slivka M., Vallašek A.** Stredoveké šľachitské sídla v južnej časti Zemplína// *NO. Košice*. 1983. No. 25. S.145-190.
- 799.**Smetánka Z.** Současný stav archeologického výzkumu hmotné kultury zemedelských osad X-XV stololetí v Čechach// *ČsČH. Praha*. 1965. R. 13. No. 2. S.239-268.
- 800.**Smetánka Z.** Středověká vesnice ve světle archeologického výzkumu. Anglické výsledky a české problémy// *AR*. 1973. R. 25. Č. 6. S.655-665.
- 801.**Smetánka Z.** Přírodní poměry a osídlování Čech v 10.-13. stololetí// *AH*. 1978. No. 3. S.331-335.
- 802.**Smetánka Z.** Život středověké vesnice: Zaniklá Svidna. Praha. 1988.
- 803.**Smetánka Z., Klápště J.** Archeologie a česká vesnice 10.-13. stololetí// *Ibid*. 1975. R.27. Č. 3. S.286-296.
- 804.**Smetánka Z., Škabrada J.** K počátku městačka Ronova nad Doubravou// *Středověká archeologie a studium počátků měst*. Praha. 1977. S.105-112.

805. **Snašil R.** Průzkum zaniklých středověkých sídlišť na jihovýchodní Moravě v 1964 až 1968// *AR. 1970. R. 22. S.332-344.*
806. **Snašil R.** Archeologie a vesnická sídliště 10.-13. století na Moravě// *AR. 1975. R. 27. Č. 3. S.305-317.*
807. **Snašil R.** Životná prostředí vesnických sídlišť 10.-15. století ČSR// *AH. 1976. No. 1. S.139-144.*
808. **Snašil R.** Nova zjistiťni ve zaniklých Zablacanech// *Středověká archeologie a studium počatků mest. Praha. 1977. S.247-257*
809. **Snašil R.** Ekologie a zdroje stravy v Zablacanech do poloviny 13. století// *Slovacko. 1978. No. 20. S.21-32.*
810. **Snašil R.** Sídlíštny síť 10.-15. Století na Uherskohradištsku// *AH. 1980. No. 5. S.177-182.*
811. **Snašil R.** Změný sídlíštni síť a jeich příčiny v 10.-19. Století// *Vlastivěda moravská. „Uherskohradištsko“. Brno. 1982. S181-218.*
812. **Snašil R.** Zaniklé vesnice na Uhersko-hradištsku-brodsku v období 13.-18. Století// *AH. No. 7. 1982. S.163-167.*
813. **Sobociński M., Schramm Z.** Zwiezeczy materiał kostny z wykopalisk w Gnieźnie// *Zeszyty Naukowe Uniwersitetu Mikolaja Kopernika w Torunie. Nauki Humanistyczno-spoleczne. Z. 45. Archeologia. No. 3. Toruń. 1972. S.163-221.*
814. **Staňa Č.** Mährische Burgwälle im 9. Jahrhundert// *Die Bayern und ihre Nachbarn. Wien. 1985. T. II. S.157-200.*
815. **Steensberg A.** Agrartechnik der Eisenzeit und des frühen Mittelalters// *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1980. No. 116. S.55-76.*
816. **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa// *Geschichtswissenschaft und Archäologie. Sigmaringen. 1979. S.595-633.*
817. **Steuer H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials// *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1982. No. 128.*
818. **Stremski M.** Uwagi ogólne o przemianach środowiska geograficznego Polski jako tła przyrodniczego rozwoju rolnictwa od połowy trzeciego tysiąclecia p.n.e. do naszych czasów// *Zarys historii gospodarstwa wiejskiego w Polsce. Warszawa. 1964. T. 1. S.9-28.*
819. **Strömberg M.** Eine Dorfsiedlung an der Ostseeküste von Schonen // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Berlin. 1982. T.2. S. 183-196.*
820. **Struve K.W.** Sächsische und slawische Burgen in Holstein// *Frühen zu vor- und frühgeschichteten Denkmälern. Mainz/Rhein. 1968. Bd. 10. S.43-55.*
821. **Struve K.W.** Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwällen Ostholsteins// *Ausgrabungen in Deutschland 1950-1975. Mainz. 1975. Teil 3. S.98-122.*
822. **Szafrański W., Szafrańska Z.** Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem wiejskim w Biskupinie// *PBA. 1961. T. 6.*
823. **Szulc H.** Badania geograficko-historyczne nad osadnictwem wiejskim w Skandynawii// *KHKM. 1969. R. 17.No.5. S.473-492*
824. **Szymański W.** Szeligi pod Plockiem na początku wczesnośredniowiecza. *Wrocław-Warszawa-Kraków. 1967.*
825. **Szymański W.** Beiträge zum Problem der Entstehung von Burgen bei den Slawen// *AP. 1983. T.21-22. S.89-104.*
826. **Śląski K.** Lasy a osadnictwo// *Dzieje lasów, lesnictwa i drzewnictwa w Polsce. Warszawa. 1965. S.43-60.*
827. **Šalkovský P.** K vývoji a štrukturre slovanského osidlenia v hornatých oblastiach Slovenska// *IV. Medzinarodný kongres slovanskej archeologie. Zbornik referátov ČSSR. Nitra. 1980. S.166-173.*
828. **Šalkovský P.** Zur Makrostruktur der Besiedlung der Slovakej in grossmährischen Zeit// *Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert. Nitra. 1984. S.209-215.*
829. **Šalkovský P.** K vývoju štrukturre osidlenia v dobe Slovanskej na Slovensku// *Sl.Ant. 1988. R. 36. Č. 2. S.379-414.*
830. **Šmelhaus V.** Vyvoj zemědělské výroby v českých zemích v době předhusitské// *Prameny a*

- studie. Praha. 1980. T.21.*
831. **Šolle M.** Význam Kouřimě v počátcích českého státu// *Ibid.* 1963. T. LXIV. Č. 1. S.67-79.
832. **Šolle M.** Stará Kouřim a pojevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. *Praha. 1966.*
833. **Šolle M.** O základních vývojových stadiích zapadoslovanského hradiska podle českého výzkumu// *I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa-Wrocław-Kraków. 1968. T. 4. S.176-195.*
834. **Šolle M.** K otázce rádu českých hradišť velkomoravského období// *ČMM. Vedy společenské. 1972. T. Šš. Ž.195-202.*
835. **Šolle M.** Hradisko u Mšena I. Od pravěku do doby slovanské// *PA. 1977. T. 68. S.323-393.*
836. **Šolle M.** Staroslovanské hradisko: Charakteristika, funkce, vývoj a význam. *Praha-Vyšehrad. 1984.*
837. **Štěpánek M.** Opevněná sídliště 8.-12. Století ve střední Evropě. *Praha. 1965.*
838. **Štěpánek M.** Změny vegetace a klimatu v historickém období (Příspěvek k dějinám osídlení 3)// *ČsČH. 1968. T. XVI. Č. 3. S.415-434.*
839. **Štěpánek M.** Strukturální změny středověkého osídlení// *Ibid.* 1969. T. XBII. Č. 4. S.457-488. Č. 5. S.649-680.
840. **Štěpánek M.** Osídlení a zemědělská výroba v českých zemích v 10.-13. Století// *Počátky českého státu. Sborník příspěvků. Praha. 1973. S.20-42.*
841. **Tempir Z.** Archeologické nálezy zemědělských rostlin a plevelů v Čechách a na Moravě// *Vědecké práce Československého zemědělského muzea. Praha. 1968. No. 8. S.15-88.*
842. **Tempir Z.** Archeologické nálezy zemědělských rostlin a plevelů na Slovensku// *Agrikultura. Nitra. 1969. No. 8. S.7-66.*
843. **Timm A.** Studien zur Siedlungs- und Agrargeschichte Mitteldeutschland. *Köln. 1956.*
844. **Timpel W.** Beobachtungen zum Siedlungsablauf in der Wüstung Emsen, Gem.Buttstedt, Kr.Sömmerda// *AuF. 1971. Bd. 16. H. 5. S.264-272.*
845. **Timpel W.** Archäologische Quellen zur Funktion mittelalterlicher Befestigungsanlagen// *Burg und Stadt in Geschichte und Gegenwart. Wissenschaftliche Zeitschrift. Jena. 1979. Bd. 28. S.349-360.*
846. **Timpel W.** Gommerstedt: Ein hohmittelalterlicher Herrensitz in Thüringen. *Weimar. 1982.*
847. **Turek R.** Nový slovenský výzkum v Čechách// *Vznik a počátky slovanů. Praha. 1956. No. 1. S.216-258.*
848. **Turek R.** Problematika Libického hradiska// *SNM. Historie. 1985. Sv. 39. Č. 1-2. S.2-13.*
- 848a. **Tyminiecki K.** Majętność ksiązęcia w Zadościu i pierwotne uposażeni klastoru joariitów na tle osadnictwa dorzecza dolnej Nidy. Studiium z dziejów gospodarczych XII w.// *Pisma wybrane. Warszawa. 1956.*
849. **Uličný F.** Osídlení Šariša v 13.-14. Storočí. Dolina Svinky// *NO. Košice. 1970. No. 13. S.133-209.*
850. **Uličný F.** Vznik hradov v Šariši// *AH. 1982. No. 7. S.317-324.*
851. **Unger J.** Problemy výzkumu opevněných sídel drobných feudálů na Moravě// *AR. 1976. R. 28. Č. 1. S.56-64.*
852. **Unger J.** Vyvoj osídlení na soutoku Jihlavy a Svratky ve 13. Až 15. Století// *Ibid.* 1982. No. 7. S.169-177.
853. **Unverzagt W., Schuldt E.** Tezerow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. *Berlin. 1963.*
854. **Urbańska A., Kurnatowski S.** Rozwój terenów osadniczych w polnocnej części województwa zielonogórskiego od I do XII wieku// *Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą. Zielona Góra. 1967. T. 1. S.35-111.*
855. **Vendtová V.** Slovanské osídlení Pobedima a okolia// *SA. 1969. T. XVII. Č. 1. S.119-232.*
856. **Vignatiová J.** K sociální charakteristice jižního předhradi Pohanska// *SPFFBU. 1985. E-34. S.105-112.*
857. **Vogt H.-J.** Zur Krentnis der materielle Kultur der Sorben im Elster-Pleiße-Gebiet// *ZfA. 1968. Jg. 2. H. 1. S.1-15.*
858. **Wand N.** Siedlungsarchäologische Untersuchungen im mittelalterlichen Dorf Holzheim bei Fritzlar// *Geschichte, Politik und ihre Didaktik. 1986. Jg. 14. H. 1/2. S.31-51.*
859. **Wędzki A.** Rozwój osadnictwa i podziały teritorialne ziemi łądzkiej do konca XIV wieku// *Sl.Ant. 1966. T. 13. S.1-141.*
860. **Weidemann K.** Untersuchungen zur Kultur- und Siedlungsgeschichte Norddeutschlands im frühen Mittelalters// *Ausgrabungen in Deutschland. 1950-1975. Mainz. 1975. T. 3. S.3-16.*

861. **Wielowiejski J.** Zagadnienie przelomu w tektyce uprawy roli w piątym tysiącleciu N.E. na ziemiach Polskich// *KHKM*. 1955. T.1. S.153-165.
862. **Wiklak H.** Osada wczesnośredniowieczna Stabnicz-Trzizmogach, woj.Piotrków Trybunalski, stan. 2// *Spr.A.* 1984. T. 35. S.209-222.
863. **Willerding U.** Über Klimaentwicklung und Vegetationsverhältnisse im Zeitraum Eisenzeit bis Mittelalters// *Das Dorf der Eisenzeit und des frühen Mittelalters*. Göttingen. 1977. S.357-405.
864. **Willerding U.** Botanische Beiträge zur Kenntnis von Vegetation und Ackerbau im Mittelalter// *Geschichtswissenschaft und Archäologie*. Sigmaringen. 1979. S.271-353.
865. **Winkelmann W.** Eine westfälische Siedlung des 8. Jahrhunderts bei Warendorf, Kr.Warendorf// *Germania*. 1954. Lg. 32. H. 3. S.189-213.
866. **Winkelmann W.** Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warendorf (Westfalen)// *Neue Ausgrabungen in Deutschland*. Berlin. 1958. S.492-517.
867. **Wüstungen in historischer Sicht//** Wüstungen in Deutschland. *Frankfurt-am-Main*. 1967. S.1-15.
868. **Zajączkowski S.** Studia nad osadnictwem dawnych ziem łęczyckiej i sieradzkiej w XII-XIV w.// *Studia z dziejów osadnictwa*. Warszawa. 1966. T. IV. S.5-85.
869. **Zajchowska S.** Rozwój sieci osadniczej okolic Poznania (XI-XX wiek)// *Przełęcz Zachodni*. 1953. No. 6. S.101-141.
870. **Zajchowska S.** Próba rekonstrukcji środowiska geograficznego okolic Bonikowo// *Ibid*. 1954. No. 11-12. S.425-462.
871. **Zajchowska S.** Rozwój osadnictwa w północnej części wojewódstwa zielonogórskiego od XII do XV wieku// *Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Obrą i dolną Wartą Zielona Góra*. 1967. T.1. S.115-126.
872. **Zajchowska S.** Rozwój osadnictwa Śląsko-łuzycyckiej części wojewódstwa zielonogórskiego od XII do XIV wieku// *Studia nad początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Obrą i dolną Wartą Zielona Góra*. 1970. T. 2. S.115-123.
873. **Zápotocký M.** Slovanské osídlení na Ústecku// *Ibid*. 1978. R.30. Č. 3. S.258-303.
874. **Zeman J.** Neistaráši slovanské osídlení Čech// *PA*. 1967. T. LXVII. Č. 1. S.115-235.
875. **Zeman J.** K problematice časné slovanské kultury ve střední Evropě// *PA*. 1979. R.70. S.113-150.
876. **Zoller D.** Gristede. Ein Beirtag zur Siedlungsarchäologie auf der Nordoldenburger Geest// *AG*. 1961/63. Bd. 10/11. S.39-50.
877. **Zoller D.** Untersuchung von Dorfkern und Wirtschaftsstruktur mit archäologischen Methoden// *Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen*. Hildesheim. 1969. Bd. 4. S.316-329.
878. **Żaki A.** Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1974.
879. **Žemlička J.** K charakteristice středověké kolonizace v Čechách// *ČsČH*. 1978. T. 26. Č. 1. S.58-81.
880. **Žemlička J.** Vývoj osídlení dolního Poohří a českého středohoří do 14. století. Praha. 1980.
881. **Žudel J.** Vyvoj osídlenia Slovenska od počiatkov valašskej kolonizácie do konca stredoveka// *AH*. 1988. No. 13. S.7-17.
882. I Miedzynarodowy kongres archeologii słowianskiej. Wrocław-Warszawa-Kraków. 1968. T.IV.

Сокращения .

- АО - Археологические открытия.
- ВИ - Вопросы истории.
- ВДИ - Вестник древней истории.
- ГАЗ - Гісторыка-археалагічны зборнік.
- ГИМ - Государственный исторический музей.
- ИА - Институт археологии.
- ИГАИМК- Известия Государственного Института истории материальной культуры.
- КСИА - Краткие сообщения Института археологии.
- КСИИМК- Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МИСО - Материалы по изучению Смоленской области.
ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ.
РА - Российская археология.
РАНИОН - Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников.
СВ - Средние века.
СЭ - Советская этнография.
Тр. - Труды.
AdW - Akademie der Wissenschaften.
AG - Archäologia Geographica.
AH - Archæologia historica.
AP - Archeologia Polski.
AR - Archeologické rozhledy.
AuF - Ausgrabungen und Funde.
AÚSAV - Archeologický ústav Slovenskej Akadémie vied.
ČMM - Časopis Moravského muzea v Brně.
ČsČH - Československý časopis historický.
FAP - Fontes archæologiæ poznanienses.
EAZ - Ethnographisch-archäologische Zeitschrift.
HČ - Historický časopis.
HD - Historická demografie.
HG - Historická geografie.
ИHKM - Институт истории культуры материальной.
KH - Kwartalnik historyczny.
KHKM - Kwartalnik historii kultury materialnej.
MZP - Materiały Zachodniopomorskie.
NO - Nove obzory.
PA - Památky archeologické.
PAN - Polska Akademia nauk.
PBA - Polskie badania archeologiczne.
SA - Slovenská archeologia.
Sl.Ant. - Slavia antiqua.
SNM - Sbornik národního muzea v Praze.
SPFFBU - Sbornik prací filosofické fakulty brněnské university.
Spr.A. - Sprawozdania archeologiczne.
SSNM - Sbornik slovenského národného muzea.
ŠZAÚSAV - Študijné zvesti Archeologickeho ústava Slovenskej Akadémie vied.
VVM - Vlastivědny věstník moravský.
WA - Wiadomości archeologiczne.
ZAM - Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.
ZfA - Zeitschrift für Archäologie.
ZfAuA - Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrararchäologie.
ZfAdM - Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.
ZfG - Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.